

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Самарский филиал

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ.
МЕМОРИАЛ ИМЕНИ С. Б. СЕМЁНОВА**

Сборник статей

Выпуск 1

Самара
2019

УДК 94
ББК 63.3
И88

Печатается по решению
Ученого совета СФ ГАОУ ВО МГПУ

Под редакцией
д. и. н., проф. Е. П. Бариновой,
к. и. н., доц. Е. А. Гуськова

Исследования зарубежной истории. Мемориал имени
И88 С. Б. Семёнова: сборник статей. Вып. 1 / под ред. Е. П. Бариновой, Е. А. Гуськова. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2019. – 232 с.

ISBN 978-5-6041078-8-1

В сборник вошли избранные статьи участников конференции, посвящённой памяти С. Б. Семёнова, состоявшейся в мае 2019 года в Самарском филиале Московского городского педагогического университета. Публикуемые работы освещают разные проблемы и периоды истории, но их объединяет то, что они написаны людьми, лично знавшими выдающегося учёного и педагога Сергея Борисовича Семёнова, и затрагивают вопросы, которые всегда были в центре его внимания: развитие социальной структуры общества и политических институтов.

Для специалистов и всех интересующихся социально-политической историей зарубежных стран.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-6041078-8-1

© СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2019
© Отмеченные знаком * фамилии

Содержание

О СЕРГЕЕ БОРИСОВИЧЕ СЕМЁНОВЕ	5
<i>Т. Л. Лабутина*</i> АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ГЛАЗАМИ РАННИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ	8
<i>Т. Н. Гелла*</i> ИССЛЕДОВАНИЯ БРИТАНСКОГО РАДИКАЛИЗМА НОВОГО ВРЕМЕНИ В РОССИЙСКОМ АНГЛОВЕДЕНИИ	20
<i>Е. Ю. Сергеев*</i> ФОРИН-ОФИС И НКВД В 1918–1924 ГГ.: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ	37
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ	
<i>А. С. Фогель*</i> «ЭКСПОРТ ВЕРЫ»: РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ СРЕДИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В X–XII ВВ.	52
<i>М. В. Кузьмина*</i> ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СВЕДЕНИЙ НЕОДНОРОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ (ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ XIV–XV ВВ.)	62
<i>А. А. Бельцер*</i> МЕЖДУ АРИСТОКРАТОМ И КОРОЛЕМ? АДМИНИСТРАЦИЯ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI В.	74
<i>Д. О. Гордиенко*</i> «АМФИБИЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ»: ПРОБЛЕМА ОБОРОНЫ АНГЛИИ В КОНФЛИКТАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	81
<i>О. Д. Столяров*</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ БИРОНОВЩИНЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	89
<i>Е. П. Макаров*</i> ОЦЕНКИ ВОЕННО-МОРСКИХ ОПЕРАЦИЙ 1757–1758 ГГ. В СРЕДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	98
<i>М. П. Айзенштат*</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БРИТАНЦЕВ XVIII ВЕКА О КОНСТИТУЦИИ	105
<i>Е. А. Куцева*</i> ПИСАТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ ВО ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА	115
<i>Т. А. Федорова*</i> КЕЛЬТСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ШОТЛАНДИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА И ВАЛЬТЕР СКОТТ	124
<i>Ю. П. Аншаков*</i> ЧЕРНОГОРИЯ ПОСЛЕ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА. КОТОРСКИЙ ВОПРОС В 1813–1814 ГОДАХ	131

<i>М. В. Жолудов*</i>	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЕ ЗА ПАРЛАМЕНТСКУЮ РЕФОРМУ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XIX В.	147
<i>О. А. Чернов*</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКИХ ОБРАЗОВ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ Н. В. ЧАРЫКОВА	156
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ	
<i>С. Г. Малкин*</i>	
МЯТЕЖ И КОЛОНИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ СТАРОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА (1856–1956 ГГ.): СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ	164
<i>С. О. Буранок*</i>	
КОЛОНИАЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ В ПРЕССЕ США 1945–1949 ГГ.	174
<i>С. М. Николаева*</i>	
ПИСАТЕЛИ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА О ДЕМОКРАТИИ И ФАШИЗМЕ	185
<i>Я. А. Левин*</i>	
КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ЭПОХУ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ: ВОСПРИЯТИЕ ЦРУ БРИТАНСКОГО ОПЫТА В КОНГО И МАЛАЙЕ	195
<i>Д. А. Нестеров*</i>	
ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ОПЫТ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ	201
<i>С. Ю. Заводюк*</i>	
СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	209
<i>В. В. Кутявин*</i>	
ОТ ДИАЛОГА НАРОДНЫХ «ДУШ» К «ПОРТРЕТАМ» НАРОДОВ	218
<i>М. Я. Мединец*</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	222

О СЕРГЕЕ БОРИСОВИЧЕ СЕМЁНОВЕ

Семёнов Сергей Борисович (14.06.1954 – 15.01.2018) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета, до января 2018 года – первый заместитель директора СФ МГПУ.

Окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1977 году. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию «Внутриполитическая борьба в Англии и зарождение английского радикализма (60-е – начало 70-х гг. XVIII века)». В 1997 году защитил докторскую диссертацию в диссертационном совете Московского педагогического государственного университета на тему «Ранний английский радикализм: политическая практика и идейная доктрина (1763–1785 гг.)». В 1982 г. вернулся в г. Куйбышев, работал на кафедре всеобщей истории Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева.

Сергей Борисович специализировался на вопросах новой и новейшей истории стран Европы и Америки, долгое время был заведующим кафедрой всеобщей истории Самарского государственного социально-педагогического университета, стоял у истоков организации Самарского филиала Московского городского педагогического университета, где был первым проректором. Всю свою научную жизнь посвятил новистике, и в первую очередь XVIII веку. В 1997 году защитил докторскую диссертацию на тему «Ранний английский радикализм: политическая практика и идейная доктрина (1763–1785 гг.)». В том же году стал руководителем аспирантуры на кафедре всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (занимал должность заведующего кафедрой с 1985 года). Под его руководством защитили диссертации И. В. Казаков (1999), А. А. Бельцер (2001), Е. Ю. Томсетт (2003), Е. Ю. Аксенова (2003), Д. О. Гордиенко (2005), Е. А. Куцева (2006), Д. В. Кутявин (2007), С. О. Буранок (2008), С. Г. Малкин (2008) и другие. Ученое звание профессора по кафедре всеобщей истории присвоено в 1999 году. В различное время являлся членом диссертационных советов в Самарском государственном университете, Самарском государственном педагогическом университете, Московском городском педагогическом университете. Являлся одним из руководителей Самарской ассоциации историков, членом редак-

ционной коллегии «Самарского исторического ежегодника», международного Общества по изучению истории XVIII века и российского Общества интеллектуальной истории. Также был членом рабочей группы российско-американского проекта «Гражданин» и соавтором учебного пособия для вузов «Основы гражданского образования».

16 мая 2019 г. в Самарском филиале МГПУ состоялась конференция памяти доктора исторических наук, профессора Сергея Борисовича Семёнова «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй». Работа конференции началась с приветственных слов ректора Самарского государственного социально-педагогического университета, доктора исторических наук, профессора Олега Дмитриевича Мочалова, директора Самарского филиала Московского городского педагогического университета, доктора исторических наук, профессора Галины Ефимовны Козловской. Проректор по научно-исследовательской работе Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор исторических наук, профессор Александр Иванович Репинецкий поделился воспоминаниями о Сергее Борисовиче Семёнове как выдающемся ученом, замечательном друге и соратнике.

В конференции приняли участие историки из вузов Самарской области, Института всеобщей истории Российской академии наук, МГУ, Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Тематика докладов конференции охватывала исторический период в развитии европейских государств от Античности до второй половины XX века, включая сюжеты по истории США. Но большинство выступлений было связано с английской историей, изучению которой посвятил свою жизнь Сергей Борисович. Однако статьи сборника не только охватывают любимую им Англию и эпоху промышленного переворота. Их объединяет то, что написаны они в основном теми, кто лично знал Сергея Борисовича: некоторые были его учениками, другие – его коллегами, а кто-то – близкими друзьями.

Участники итогового заседания отметили актуальность, теоретическую и практическую значимость основных докладов на пленарном и секционных заседаниях. Было высказано единодушное мнение, что подобные конференции с участием представителей Российской академии наук, московских и региональных педагогических и классических университетов позволяют обмениваться

опытом исторических исследований, являются ориентиром в выявлении наиболее приоритетных направлений в работе различных исторических школ, становятся стартовой площадкой для деятельности молодых ученых.

Мы надеемся, что проведение конференции, посвященной памяти профессора Сергея Борисовича Семёнова, станет доброй традицией и каждые два года в Самару будут съезжаться исследователи зарубежной истории со всей России, а может и не только. В память о Сергее Борисовиче руководством Самарского филиала МГПУ учреждена премия для студентов и преподавателей за достижения в научной деятельности.

Т. Л. Лабутина
доктор исторических наук, профессор
Институт всеобщей истории РАН, Москва

АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ГЛАЗАМИ РАННИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Аннотация: В статье анализируются взгляды ранних просветителей (Дж. Локк, Д. Дефо, Дж. Свифт, лорд Болингброк, Р. Стиль) на парламент Англии. Сторонники теории «разделения властей», просветители выступали за усиление законодательной власти. Критикуя существующий парламент за коррупцию, устаревшую избирательную систему, практику «гнилых местечек», они предлагали проекты реформирования законодательного органа. Хотя просветители защищали принцип «баланса сил», однако на практике становились сторонниками смещения центра тяжести власти в сторону законодательного органа. Парламент создавал то законодательство, которое отвечало требованиям и интересам буржуазии, а потому те, кто эти интересы выражал, – просветители, выступали как сторонники сильной законодательной власти. А их рассуждения о «равновесии сил» в конституции скорее были направлены против любых попыток правителя выйти за рамки отведенного ему законом (читай – парламентом) места.

Ключевые слова: Англия, просветители, парламент, коррупция, реформирование законодательной системы.

T. L. Labutina
PhD in History, Professor
Institute of General History of Russian Academy of Sciences, Moscow

THE ENGLISH PARLIAMENT BY EYES OF EARLY ENLIGHTENERS

Abstract: The article analyzes the views of early enlighteners (J. Locke, D. Defoe, J. Swift, Lord Bolingbroke, R. Style) on the Parliament of England. Supporters of the theory of “separation of powers” they advocated the strengthening of the legislature. Criticizing the existing Parliament for corruption, outdated electoral system, practice of “rotten towns”, they offered projects of reforming of legislative body. Although educators defended the principle of “balance of power”, but in practice became supporters of the shift of the center of gravity of power in the direction of the legislature. Parliament created the legislation that met the requirements and interests of the bourgeoisie, and therefore those who expressed these interests – enlighteners, acted as supporters of a strong legislature. And their arguments about the “balance of power” in the

Constitution were rather directed against any attempts of the ruler to go beyond the limits assigned to him by law (read – Parliament) the place.

Keywords: England, the enlighteners, Parliament, corruption, reform the legal system.

Следует отметить, что указанная проблема впервые была разработана нами в конце 1990-х – начале 2000-х гг. [2; 3]. В данной статье мы остановимся на основных положениях и выводах проделанного ранее исследования.

Краеугольный камень в концепции правового государства – принцип «разделения» ветвей власти – в XVIII веке сделался основополагающим в просветительской идеологии стран Европы и Америки. Все английские просветители также являлись убежденными приверженцами теории «разделения властей». Одним из первых об этой теории заговорил известный философ Джон Локк. Необходимость соблюдения данного принципа в правлении он объяснял следующим образом. Правитель государства, который пользуется правом издания законов, может пожелать сосредоточить в своих руках и право на их исполнение для того, чтобы самому не подчиняться тем из них, которые неуютны, либо невыгодны ему самому. Поэтому-то и необходимо провести разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную [4, с. 83, 84].

Отстаивая принцип «разделения» властей, все просветители сходились во мнении, что верховной должна быть законодательная власть. «Во всех случаях, пока существует правительство, – писал Локк, – законодательная власть является верховной: ведь то, что может создавать законы для других, необходимо должно быть выше их... Все остальные власти... проистекают из нее и подчинены ей» [4, с. 86]. Аналогичного взгляда на верховенство законодательной власти придерживался также лорд Болингброк. Он полагал, что тот, кто издает законы для всех, и должен быть верховным [6, с. 263].

Законодательная власть, полагали просветители, должна принадлежать коллективному органу – парламенту. Именно парламент через издание законов может обеспечить неприкосновенность собственности граждан, в чем и заключалась, на взгляд Локка, его главная миссия [4, с. 55, 80–81]. Болингброк полагал, что только парламент способен сохранять свободы граждан, заявляя: «Парламенты – истинные хранители свободы, именно с этой целью они и были созданы» [1, с. 174].

Центральное место в парламенте просветители отводили палате общин, хотя некоторые из них (лорды Галифакс, Сомерс, Болингброк) заседали в палате лордов. К примеру, Болингброк утверждал, что участие лордов в работе парламента несущественно, поскольку они ответственны за свою деятельность «перед Богом, перед своей совестью, перед судом общественной славы и более ни перед кем». Палата же общин представляет народ и потому несет ответственность перед своими избирателями. Болингброк считал обязательной подотчетность всех членов палаты общин перед народом. Если народ одобряет деятельность депутатов, то их полномочия продлеваются на новый срок. Но если их работа по какой-то причине не устраивает сограждан, то они вправе отозвать неугодного депутата, что позволит избежать «множества неудобств и злоупотреблений» [1, с. 189–190].

Признавая за палатой общин главенствующую роль в парламенте, просветители большое внимание уделяли рассмотрению вопросов о том, кого следует избирать в парламент и кто обладает правом голоса. Существующая избирательная система не устраивала просветителей. К примеру, Д. Дефо ратовал за равномерное представительство депутатов от графств и городов. Он приводил в пример графство Корнуолл, в котором фригольдеры избирали двух представителей в парламент, тогда как города того же графства – сорок депутатов. Дефо отмечал, что посылают кандидатов даже города, которые «давно мертвы» либо с бедным населением, которое просто не в состоянии оплатить свои расходы на выборы. В то же время многие большие и богатые города вообще не имеют своих представителей в парламенте. В результате подобное неравномерное представительство «открывало дорогу мошеннической деятельности на выборах, проявляющейся чаще всего в подкупе голосов избирателей, предоставлении избирательных прав лицам, проживающим за пределами данного округа, с целью получения дополнительных голосов, в дебошах во время выборов, когда целые города спаивали и угощали на протяжении месяца, а иногда двух и более, с тем чтобы получить нужные голоса избирателей» [9, с. 176–177].

Дефо полагал, что существующая избирательная система негативно влияет на граждан, морально их разлагая. В результате значительных расходов, затраченных на выборы, многие люди разоряются, «честные становятся бесчестными», дебоширами, «корыстными», клятвопреступниками» и, будучи подкупленными, готовы

продать и свою страну, и свободу. Избирательные кампании Дефо расценивал как пустую трату времени, отвлекающую народ от более достойных дел. Сельские джентльмены, избранные в парламент, по каждому зову короля торопятся в столицу, оставляя свои дела, семью, хозяйство, совершают утомительное путешествие, а затем, растратив деньги графства, возвращаются обратно. Вряд ли есть прок от подобных парламентариев, заключал просветитель [14, с. 545–546].

Особенно резко критиковал Дефо такие присущие избирательной системе Англии негативные явления, как коррупция и взяточничество. Одну из причин подкупа голосов Дефо усматривал в слишком больших расходах (от 2 до 11 тыс. ф. ст.), которые выпадали на долю каждого из кандидатов в парламент. Многие джентльмены разорялись, попадая в палату, и потому, став депутатами, желали получить своеобразную компенсацию за это и брали взятки от любой партии или отдельных лиц. Подкуп и взяточничество, подчеркивал Дефо, осуждались многими парламентами, предпринимались различные попытки, направленные на искоренение подобной практики, принимались многочисленные законы, резолюции, указы, но все оказывалось бесполезным: «коррупция велась настолько открыто и нагло, как будто бы и не существовало суровых законов против нее». Можно написать целые тома по поводу искоренения подобного «неприятного явления», сетовал Дефо, но мало что от этого изменится, поскольку закон, направленный против коррупции, «ограничен во времени и не является постоянно действующим». К тому же подкуп и взяточничество одинаково практикуются обеими палатами парламента и обеими партиями – тори и вигами, а законопроекты против коррупции обсуждаются чаще всего теми же членами парламента, которые сами замешаны в подобном преступлении [11, с. 4–9].

Дефо обращал внимание также на моральный аспект негативных явлений избирательной системы, на то разлагающее влияние, которое оказывали на народ своими действиями кандидаты, стремившиеся попасть в парламент. Выборам, как правило, сопутствовали драки, сквернословие, битье стекол в окнах, отмечал памфлетист. «Город во власти винных и пивных паров; бренди, эль и вино закрывают глаза и рты толпе, которой предстоит решать, кого им следует избирать. Бедный народ, которого споили, должен выбрать

законодателей в парламент, которые примут законы против пьянства», – с горечью констатировал Дефо [11, с. 13].

Кто же в Англии должен пользоваться избирательным правом? Все просветители выступали в поддержку высокого имущественного ценза для выборщиков, однако расходились во мнении, чьим интересам, «денежным» или «земельным», отдать предпочтение. Свифт поддерживал «земельных людей». Критикуя существующую избирательную систему, согласно которой правом выбора обладали тем, кто имел не менее сорока шиллингов годового дохода, просветитель утверждал, что подобная система изжила себя, потому что устарела, а также из-за коррупции. В этой связи избирательное право следует предоставлять тем, кто владеет земельной собственностью. Свифт предлагал повысить размер имущественного ценза для выборщиков, а также допускать в их ряды исключительно землевладельцев [13].

Свифт ни на минуту не сомневался также в том, что те, кого избирают в парламент, должны происходить из имущих слоев, в первую очередь из числа землевладельцев. В памфлете «Мысли о различных вопросах морали и развлечений» он со всей категоричностью заявлял: «Закон в свободной стране должен устанавливаться большинством тех, кто владеет земельной собственностью». Во всех «хорошо устроенных государствах, – продолжал просветитель, – власти пекутся об ограничении владений собственности своих граждан, причем делается это нередко с целью повышения их стимула к заботе об общественном благе» [18, с. 304–305]. Защитник интересов имущих слоев Свифт считал, что доверять заботу об охране собственности следует тем, кто «сам платит за свои выборы», то есть крупным собственникам [17, с. 124].

Иначе подходили к данному вопросу те просветители, которые защищали интересы «денежных людей» – купцов, банкиров, промышленников. К примеру, лорд Сомерс считал «абсурдным» утверждение, будто земельная собственность считается единственным важным критерием для тех, кого избирают в парламент. Аналогичного мнения придерживался и Дефо.

Но если просветители расходились во мнении, чьи интересы – «денежные» или «земельные» – должны отстаивать депутаты в палате общин, то в вопросе о лишении избирательных прав трудящихся они были едины. В представлении Свифта избирательными правами могли пользоваться исключительно имущие слои. Ремес-

ленники, квалифицированные рабочие, мелкие торговцы и фермеры, не говоря уже о крестьянах и ремесленниках, принадлежали к тому «низшему сорту людей», которых Свифт исключал из права участия в политической жизни общества. Как справедливо подметил британский ученый И. Эхренпрайз, Свифт оставлял за неимущими лишь право пассивного подчинения законам [12, с. 137]. Против избрания в парламент представителей трудящихся выступал также сторонник «денежных людей» Дефо, который полагал, что «заполнение палаты ремесленниками, лавочниками приведет к подрыву основ государственного правления и благосостояния нации» [9, с. 280–281, 179]. Так или иначе, но большинство просветителей твердо придерживались решимости не допустить в политическую жизнь общества неимущие слои населения. Тем самым просветители поддерживали политику исключительно имущих слоев, направленную на сохранение кастового характера законодательного органа страны.

Большое внимание просветители уделяли кандидатурам лиц, избираемых в парламент. «Когда кандидаты предлагают свои кандидатуры для служения страны, – утверждал журналист Р. Стилль, – разумно поинтересоваться, каким образом они это намерены делать, и смогут ли с должным вниманием относиться к свободам и благополучию нации?» [15, с. 36]. Просветителя глубоко возмущал тот факт, что порой совершенно невежественные во многих вопросах люди претендовали на право издавать законы для страны, и потому он призывал своих сограждан заставить подобных невежд отказаться от опасных замыслов проникнуть в парламент.

О том, кто должен заседать в палате общин, Дефо написал специальный памфлет «Шесть характерных качеств депутатов парламента». В парламент надлежит избирать людей состоятельных, религиозных, образованных, придерживавшихся «ортодоксальных принципов и морали». Не следует допускать к выборам католиков, атеистов, еретиков, так как они не будут поддерживать протестантскую религию должным образом. Не подходят для парламента глупые, бесчестные люди, повесы и щеголи, а также слишком юные англичане. Представлять интересы графств в палате общин должны люди разумные, высокообразованные, умеющие разбираться в вопросах торговли, сельского хозяйства, а также свободах, законах королевства и способные защищать их. Непременное качество депутата – честность. Хотя и предполагается, что избрание состоя-

тельных людей в парламент устранил интерес к должностям и пенсиям со стороны двора в обмен на свободы нации, но, как замечал Дефо, обстоятельства изменились: «подкуп и взяточничество сделались нынче обычным явлением среди парламентариев» [9, с. 179].

Особое внимание просветители уделяли моральным качествам избираемых. По мнению Болингброка, хороший парламентарий – это честный, неподкупный человек, которому «не совестно предстать с отчетом перед избирателями». Кроме того, депутат должен быть бережливым, энергичным, мужественным, сведущим в вопросах политики, устройства дел в государстве и в своем графстве. Ему надлежит со вниманием относиться к торговле и финансам и всегда оставаться «ревностным защитником свобод народа» [6, с. 275].

Подробно на характеристиках депутатов, которых следует избирать в парламент, остановился маркиз Галифакс. На его взгляд, парламентариям не следует забывать, что их главная цель – это «благо тех, кто их избирает». Между тем английский парламент весьма далек от совершенства, поскольку напоминает собой «войска противоборствующих партий, стремящихся к достижению преимуществ каждая для себя». К тому же некоторые депутаты много говорят о защите свобод народа, но мало делают для реализации своих обещаний. Задумываясь над тем, как же улучшить существующее положение дел в парламенте, Галифакс пишет памфлет «Некоторые предостережения, предлагаемые вниманию тех, кому предстоит избирать членов будущего парламента». В нем он подробно разъясняет, кого не следует избирать в парламент. Галифакс сомневался в том, что кандидаты, стремившиеся в парламент, не думали о личной выгоде. Человечество настолько продажно, утверждал маркиз, что было бы «наивным и смешным» допустить, будто у тех, кто избирается в парламент, отсутствует личная выгода. Он настоятельно рекомендовал отбирать кандидатов «особенно тщательно», поскольку народ доверяет парламентариям свои свободы и деньги. Галифакс напоминал депутатам, избранным в парламент о том, что они не должны «манкировать своими обязанностями». «Если они не посещают заседания из лени, – писал он, – то пусть и остаются дома, а если не являются в палату, чтобы избежать процедуры голосования по важным вопросам, то позвольте им остаться мудрыми, но никогда впредь не выдвигайте на должности, где требуется служение народу». Предостерегая избирателей от выбора депутатов, «пренебрегающих своими обязанностями», Галифакс

заявлял, что будь его воля, то подобных «слуг народа» он заточил бы в тюрьму как «банкротов, не выплативших долги». У него не вызывали доверия и те парламентарии, которые, хотя и присутствуют на заседаниях, однако в мыслях «витают далеко» и заняты лишь «своими личными делами». Подобных депутатов, равно как и лиц, «чрезмерно занятых своим бизнесом», Галифакс не советовал избирать в парламент. Он считал, что сверх меры «активные бизнесмены» вряд ли будут объективно рассматривать вопросы, связанные с общественными интересами.

Просветитель категорически высказывался против избрания в парламент лиц, отличавшихся пристрастием к спиртному. «Очень вероятно, – писал он, – что принципы таких людей будут столь же основательными, как содержимое в их бутылках, на дне которых они черпают свои аргументы». У него не вызывали доверия также лица с небольшим достатком, но обремененные многочисленными домоладцами. Допуская, что среди людей с небольшим достатком найдется немало таких, «чьи добродетели возвышаются над их желаниями», просветитель, однако, не советовал бороться с искушением и предлагал исключить возможность подкупа, избирая в парламент более состоятельных граждан. Да и вообще, Галифакс был твердо убежден в том, что нельзя избирать в парламент лиц, «не владеющих значительной собственностью» в графстве или бурге (городе). На его взгляд, «чужаки» вряд ли позаботятся об устранении «злоупотреблений» в графстве, которое для них «чуждо» [8, с. 162–167].

Следует отметить, что просветители нередко давали нелицеприятные оценки существующему парламенту. Рассуждая о высшей палате, Свифт подчеркивал, что не все ее члены хорошо знакомы с законодательством Англии, что не мешает им, однако, решать в качестве высшей инстанции дела своих сограждан. Лорды не чужды корыстолюбия, приверженности к какой-либо из партий, и на них так же действуют подкуп и лесть, как и на депутатов палаты общин. Не лучшее зрелище представляли собой и духовные лорды в палате. Вряд ли можно полагать, считал Свифт, что они возводятся в сан лишь благодаря глубокому знанию религиозных догм или своей святой жизни. Он был убежден, что многие церковники угождали «мирским интересам, будучи простыми священниками», и потому нередко среди них встречаются «растленные капелланы какого-нибудь вельможи, мнениям которого они продолжают раболепно

следовать и после того, как получили доступ в это собрание» [5, с. 249–250].

В негативном свете представлял Свифт также членов нижней палаты. Он подчеркивал, что в палату общин нередко попадает «чужой человек с туго набитым кошельком», который оказывает давление на избирателей, «склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина этой местности». Свифт отмечал, что хотя многие депутаты парламента сетуют на то, что пребывание в законодательном учреждении сопряжено с большими издержками, порой приводящими к разорению их семей, и беспокойством, тем не менее они «страстно стремятся попасть в упомянутое собрание». И вряд ли подобная «жертва» с их стороны диктуется «добродетелями» или «гражданственностью». Скорее всего, уверял Свифт, члены палаты общин надеются, попав в парламент, «вознаградить себя за понесенные ими тягости и беспокойства».

Особое внимание просветители уделяли разоблачению коррупции и взяточничества в парламенте. Стиль, являвшийся членом палаты общин, выступил на одной из парламентских сессий с речью, в которой гневно клеймил коррупцию. «Многие с большим трудом попали в эту палату с тем, чтобы поправить свое финансовое положение», – заявлял он. На взгляд Стиля, продажа депутатами голосов вопреки интересам их графства, а порой и вопреки их разуму и совести является «наихудшим видом проституции» [16, с. 7]. Просветитель был убежден в том, что любой злодей, вознамерившийся разрушить государство, сможет достигнуть своей цели, не нападая на нее, а лишь поощряя подкуп парламентариев.

С осуждением коррупции в парламенте выступал также Дефо. Он уверял, что депутаты, избранные ценой купли-продажи голосов избирателей, очень часто продают свои интересы, а заодно и свою страну. До тех пор, пока избранные депутаты будут руководствоваться требованиями и желаниями отдельных людей или партий, и голосовать, исходя из личной заинтересованности, невозможно будет добиться достойного представительства. Одну из причин подкупа голосов Дефо усматривал в слишком больших расходах, которые был вынужден нести каждый из кандидатов в депутаты. В результате многие, желающие попасть в парламент, разорялись, а когда избирались, то стремились получить своего рода компенсацию за понесенный ущерб. Поэтому депутаты охотно брали взятки от любой партии или отдельных заинтересованных лиц. Подкуп превращал принципи-

альных людей в беспринципных. Блеск золотых монет заставлял забывать о партийных и религиозных разногласиях. Дефо признавал, что парламент предпринимал неоднократные попытки для предотвращения коррупции в законодательном органе страны. Издавались многочисленные законы, указы, но все оказывалось напрасным: коррупция продолжала процветать. Одну из причин подобного положения вещей просветитель усматривал в том, что законопроекты, направленные на осуждение коррупции, принимались чаще всего теми депутатами, которые сами в этом преступлении были замешаны [9, с. 152; 10, с. 126; 11, с. 7–8].

Несмотря на то, что все просветители единодушно осуждали коррупцию в представительном учреждении, ни один из них не внес конкретных предложений, направленных на борьбу с этим социальным злом. Лишь у Болингброка встречаются отдельные замечания, из которых можно заключить, что действительную помощь в искоренении коррупции смогут оказать политические партии, а также предание гласности имен взяточников на страницах прессы [1, с. 195–196].

Хотя просветители выступали в поддержку принципа «равновесия властей», многие из них в своих высказываниях доказывали необходимость более строгого подчинения исполнительной власти парламенту. К примеру, Дефо полагал, что каждая из ветвей власти должна обладать привилегиями, которые необходимо равномерно распределять. Исполнительная власть (монарх) вправе облагать народ налогами и устанавливать пошлины, объявлять войну и заключать мир, вершить правосудие и даровать прощение. Однако, подчеркивал просветитель, все эти prerogatives короля устанавливаются и оговариваются законодательной властью, т. е. парламентом. Таким образом, рассуждения Дефо о «равномерном» распределении привилегий между исполнительной и законодательной ветвями власти на деле оборачивались фикцией, поскольку из них становилась очевидной доминирующая роль, которую в государственном устройстве Англии начал играть парламент после Славной революции 1688–1689 гг.

Джон Локк неоднократно высказывался о верховенстве законодательной власти, подчеркивая, что все другие ветви власти «прорастают из нее и подчинены ей». Более того, исполнительная власть не только занимает подчиненное и подотчетное по отношению к законодательной власти место, но и может быть изменена и смещена ею [4, с. 87, 89]. Указывая на то, что правитель порой до-

пускает ошибки, Локк полагал, что именно парламенту надлежит на эти недочеты в правлении указать, а также предложить способы их устранения. «Парламент должен открыто и откровенно разговаривать с правителем, – отмечал Локк в памфлете «Старая законная конституция Англии». – Ошибки его правления, какими бы постыдными они ни были, не должны замалчиваться, а напротив, должны быть открыто обнародованы с тем, чтобы устранить их последствия». Правитель же обязан соглашаться с теми законопроектами, которые предлагает парламент. Локк отмечал также, что нередко правители злоупотребляют своей прерогативой, в результате чего нарушаются свободы нации. Поэтому парламент должен стоять на страже этих свобод и не допускать усиления прерогативы короля. Парламент обязан также контролировать деятельность министров. Локк полагал, что нужны совершенно иные стимулы для работы административных чиновников, нежели те, что существуют в Англии. «Если министров и их приспешников будут ожидать не титулы, голубые ленты ордена Подвязки, дары, пенсии, денежные вознаграждения, должности, конфискованные владения и т. д., а тюремные заключения, штрафы, публичные осуждения за их плохую деятельность, то мы очень скоро увидим совершенно иной стиль работы», – считал просветитель [7, с. 319, 322]. Судя по высказываниям Локка, в конституции Англии должна существовать такая расстановка сил, при которой законодательная власть занимает превалирующее во всех отношениях положение. Естественно, что ни о каком действительном «равновесии» ветвей власти говорить не приходится.

Стремление усилить положение законодательной власти ярко проявилось в рассуждениях просветителей по поводу привилегий парламента, в особенности регулярности его созыва. Напомним, что во время революции в Англии в 1641 г. был издан Трехгодичный закон, который предусматривал созыв парламента королем не реже одного раза в три года. В период Реставрации (1660–1688 гг.) партия вигов вела упорную борьбу за то, чтобы сохранить указанный закон, поскольку он не позволял монарху править без парламента. Короли Карл II и Яков II Стюарты в своем стремлении к абсолютизму попытались избавиться от «неудобного» для них закона. Яков II в том преуспел, однако этот шаг стоил ему впоследствии трона, поскольку, оказавшись отстраненной от управления, буржуазия решилась на переворот – Славную революцию. Законодательство

Славной революции подтвердило действие Трехгодичного закона, в защиту которого просветители неоднократно выступали. Наиболее подробно об этом писал лорд Болингброк. Он не только выступал за частые созывы парламента, но даже предлагал ввести в практику ежегодные парламенты. «Сохранность нашей свободы, – рассуждал Болингброк, – обеспечивается не только частыми созывами одного и того же парламента, но в не меньшей степени частыми сменами состава парламента». «Парламент должен созываться ежегодно, – продолжал просветитель, – иначе... нашему правительству грозит беда» [1, с. 177–179]. Как видно, просветитель усматривал надежное средство устранения коррупции в парламенте в частых его созывах. Поэтому он приходил к заключению о необходимости введения в практику ежегодных, или, хотя бы трехгодичных выборов в парламент.

Как можно убедиться, в вопросе о «равновесии властей» слова у просветителей нередко расходились с делом. Хотя в своих рассуждениях они защищали принцип «баланса сил», однако на практике становились сторонниками смещения центра тяжести власти в сторону законодательного органа. Парламент создавал то законодательство, которое отвечало требованиям и интересам буржуазии, а потому те, кто эти интересы выражал – просветители, выступали как сторонники сильной законодательной власти. А их рассуждения о «равновесии сил» в конституции скорее были направлены против любых попыток правителя выйти за рамки отведенного ему законом (читай – парламентом) места.

Список литературы

1. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
2. Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994.
3. Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб, 2012.
4. Локк Д. О государственном правлении // Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах. М., 1969. Т. II.
5. Свифт Дж. Путешествия Гулливера. М., 1976.
6. Bolingbroke H. St. J. A Collection of Political Tracts. L., 1748.
7. Bourne Fox H. R. The Life of John Locke. L., 1876. Vol. 2.
8. The Complete Works of Georg Savile First Marques of Halisax. Oxford, 1912.

9. Defoe D. A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman. Vol. I. L., 1703.
10. Defoe D. A Review. Vol. 2. L., 1705.
11. Defoe D. The Candidate: Being a Detection of Bribery and Corruption As It Is Just Now in Practice All Over Great Britain in Other to Make Members of Parliament. L., 1715.
12. Ehrenpreis I. Swift on Liberty // Journal of the History of Ideas. Vol. XIII. L., 1952, No. 2.
13. The Examiner. L., 1712.
14. The Novels and Miscellaneous Works of Daniel Defoe. Vol. 6. L., 1890.
15. Stelle R. The Englishman. A Political Journal by Richard Steele. L., 1955.
16. Stelle R. A Speech Suppos'd to Be Spoken by R. St-le, Esq. at the Poening This Present Parliament. L., 1714.
17. Swift J. Bickerstaff Papers and Pamphlets on the Church. Oxford, 1940.
18. The Works of Jonathan Swift. Vol. II. L., 1876.

Т. Н. Гелла

доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета,
зав. кафедрой всеобщей истории и регионоведения
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева, Орел

ИССЛЕДОВАНИЯ БРИТАНСКОГО РАДИКАЛИЗМА НОВОГО ВРЕМЕНИ В РОССИЙСКОМ АНГЛОВЕДЕНИИ

Аннотация: Статья посвящена вопросам изучения истории британского радикализма в отечественной исторической науке. В центре внимания автора находятся исследования известных советских и российских историков-англоведов проблем зарождения и развития радикализма как идеологического и политического течения в Великобритании в XVIII–XIX веках. Особый акцент в статье сделан на анализе работ С. Б. Семёнова, одного из основоположников изучения английского радикализма в российском англоведении.

Ключевые слова: англоведение, радикализм, либерализм, чартизм, парламентские реформы, С. Б. Семёнов.

T. N. Gella

Doctor of science (History), Professor,
Dean of the Faculty of History, Head of the Department of
Universal History and Regional Studies
Orel State University named after I. S. Turgenyev, Orel

THE RESEARCHING OF THE BRITISH RADICALISM OF MODERN TIMES IN RUSSIAN ENGLISH STUDIES

Abstract: The article is devoted to the study of the history of British radicalism in the national historical science. The research of well-known Soviet and Russian historians-anglists of the origin and development of radicalism as an ideological and political trend in the UK in the XVIII–XIX centuries is on the author's focus. The analysis of the works of S. B. Semenov, one of the founders of the study of English radicalism in Russian English studies is placed on particular emphasis in the article.

Keywords: English studies, radicalism, liberalism, Chartism, parliamentary reforms, S. B. Semenov.

Радикальное движение играло заметную роль в политической истории Великобритании второй половины XVIII–XIX вв. В британской исторической работе ему уделяется достаточно большое внимание. Однако оно не получило широкого освещения в советской / российской исторической литературе. Краткому обзору работ известных отечественных историков, в которых представлен британский радикализм как идеологическое и политическое течение в общественно-политической жизни Англии конца XVIII–XIX вв., посвящена данная статья.

Если рассматривать послевоенную историографию, то можно выделить работы Е. Б. Черняка, в частности «Демократическое движение в Англии. 1816–1820» [18], вышедшую в свет в 1957 г. Работа посвящена развитию радикальному, или, как пишет автор, демократическому, движению непосредственно в посленаполеоновскую эпоху в Англии. Историк в чисто марксистско-ленинском духе обосновывал необходимость изучения истории этого движения. «Значение этой проблемы, – пишет он, – очевидно хотя бы из того, что после наполеоновских войн в демократическом движении наряду с массой мануфактурных рабочих, полупролетарскими и мелкобуржуазными элементами впервые в истории человечества принял активное участие формировавшийся в тот период современный крупнопромышленный пролетариат, могильщик капиталистическо-

го общества» [18, с. 3]. На большом источниковедческом и исследовательском материале Черняк анализирует деятельность различных обществ и клубов (например, «Гемпдена»), члены которых выступали за проведение парламентской реформы. Обладая прекрасным литературным стилем, историк приводит интереснейшие характеристики лидеров радикального движения. Примером может служить характеристика Джону Картрайту, «ветерану движения за радикальную реформу, который не сочувствовал крайним элементам в среде радикалов». Оценивая его деятельность в военный период, автор отмечает, что «Картрайт продолжал сохранять верность тем либеральным идеям, которые он пропагандировал десятки лет. Однако он настойчиво призывал к единству всех сторонников реформы...». В 1815 г. он считал, что на время «...можно надеяться в основном лишь на помощь средних классов, а в будущем Картрайт думал привлечь к движению за реформу и высшие классы. Но протянутая рука повисла в воздухе. Буржуазия не обнаружила склонности к оппозиции правительству в этом вопросе» [18, с. 80–81].

В целом подход Черняка к анализу радикального движения в конце второго десятилетия XIX в. достаточно интересен. Во-первых, он соотносит это движение с демократическим. Он пишет: «В 1816–1818 гг. формируются в основных чертах идеология и программа радикализма. Демократическая программа представляла собой неизбежное и закономерное на ранней стадии движения пролетариата и полупролетарских масс, боровшихся тогда в союзе с частью мелкой буржуазии против блока крупных землевладельцев и буржуазных верхов» [18, с. 278].

Во-вторых, он, на наш взгляд, преувеличенно оценивает роль пролетариата в формировании радикальной идеологии, хотя историк и отмечает, что английский пролетариат «не мог быть гегемоном демократического блока», т. к. «не сформировал своей классовой идеологии». «Эту роль играли мелкобуржуазные лондонские радикалы» [18, с. 278].

В-третьих, Черняк считает, что влияние пролетариата проявилось в постановке более острых экономических вопросов и в формировании левого радикализма. По его мнению, левые радикалы вкладывали особый смысл в борьбу за реформу. Для них завоевание политического равенства было не только целью, но и «средством коренного улучшения материального положения народа». Историк противопоставляет левых радикалов «социальным и социалистиче-

ским теоретикам», «игнорировавшим политическую борьбу за общедемократическую программу», и буржуазным радикалам, «рассматривающим реформы как средство уничтожения политического неравенства» [18, с. 278]. При этом он считает, что их программа выглядела как политическая хартия мелкой промышленной буржуазии, а не промышленного пролетариата.

В-четвертых, Е. Б. Черняк утверждает, что агитация за парламентскую реформу в период борьбы за билль 1832 г. в основном базировалась на основных положениях радикальной платформы, а чартизм «тоже немало взял от радикализма». Обосновывает этот тезис историк тем, что «радикальная идеология вырабатывалась под влиянием народных масс, поэтому чартизм мог использовать некоторые положения радикализма». Тем более что многие чартисты имели демократическое прошлое, радикалов и чартистов объединяло сходное отношение к вигам и тори. Но чартисты «поднялись в лице своих наиболее талантливых мыслителей до такого понимания сущности всех социальных и политических институтов буржуазного государств, которое было абсолютно недоступно радикалам» [18, с. 279].

И наконец, исходя из классового подхода к оценке политических событий, Черняк делает вывод о значении демократического движения для дальнейшего развития страны, т. к. оно «вырвало народные массы из-под идеологического влияния партий господствующих классов и превратило их в силу, способную вести борьбу за демократические преобразования» [18, с. 282].

В 60–70-х гг. прошлого столетия вышли в свет ряд работ, посвященных чартистскому движению. В их числе было исследование Н. А. Ерофеева, Б. А. Рожкова, А. Б. Резникова [7; 13; 14]. В работах этих историков, как и монография Е. Б. Черняка, написанных с позиций марксизма-ленинизма, чартизм предстает как первое пролетарское движение в Англии. В силу этого радикальное движение рассматривается как буржуазное, его представители – это сторонники новой парламентской реформы. Они хотят использовать народное движение в своих целях, добиться от лидеров чартистских организаций принятия «чрезвычайно умеренной программы реформа, – пишет Н. А. Ерофеев, – в частности, эта программа предусматривала сохранение имущественного ценза для участия в выборах: буржуазия вовсе не собиралась давать рабочим возможность влиять на парламент» [7, с. 40]. Но в ходе борьбы за Хартию буржуазия постепенно отходит от чартизма, который становится чисто пролетарским.

Радикальное движение в 30–40-х гг. XIX в. рассматривается историками как движение, действующее совместно с промышленной буржуазией за отмену «хлебных законов» и введение фритреда (свободной торговли). Н. А. Ерофеев, в частности, подробно описывает деятельность «Лиги за отмену хлебных законов», одного из ее лидеров Ричарда Кобдена, а также известного поэта Эбенезера Эллиота. Историк заключает, что, начиная «энергичную пропаганду свободной торговли, английская буржуазия рассчитывала противопоставить ограниченную экономическую программу широким планам демократизации политического строя и таким образом отвлечь рабочий класс от политической борьбы» [7, с. 50–52]. При этом он разводит понятия «фритредеры» и «буржуазные радикалы», хотя не дает четкой характеристики последним [7, с. 70], но преимущественно, согласно Ерофееву, это средние классы. Историк описывает деятельность Стерджа, владельца крупной мельницы из Бирмингема, его сторонников, образование Бирмингемского союза полного избирательного права. Суть выступлений буржуазных радикалов сводилась к основанию «союза «за полное, честное и свободное» представительство народа в парламенте, в который вошли бы и представители народа, и представители буржуазии» [7, с. 73]. В целом буржуазные радикалы предстают в качестве «временных попутчиков», боящихся решительных действий и шагов со стороны чартистов и ведущих «предательскую политику» по отношению к ним.

Более подробно деятельность буржуазных радикалов в начале 40-х гг. XIX в. анализирует в своей работе А. Б. Резников. Он также характеризует Стерджа и его сторонников как лиц, которые стремятся использовать народные массы для завоевания мест в парламенте и которые действуют под руководством Лиги за отмену хлебных законов. Он так характеризует поведение английских радикалов в начале 1842 г.: «Последующий переход буржуазии на радикальные позиции имел ... вполне фритредовское происхождение. То, что потом объяснялось требованием общедемократического характера, было задумано буржуазией как средство удовлетворения ее собственных классовых интересов. Организаторы движения Стерджа видели в этом движении средство борьбы против хлебных законов, средство привлечения масс к этой борьбе. Вместе с тем оно должно было нанести удар по чартизму. Оно было организовано фритредерами, вдохновлялось ими, и внешняя «независимость»

стерджизма от Лиги (Лига борьбы против хлебных законов. – Т. Г.) была лишь результатом заранее продуманного плана» [13, с. 65].

В работах перестроечного периода и 90-х гг. прошлого столетия проблемам английского радикализма также уделялось определенное внимание.

Если рассматривать английский радикализм первой половины XIX в., то хотелось бы остановиться на работах таких авторов, как М. В. Жолудов и М. П. Айзенштат.

В небольшом монографическом исследовании [8], посвященном истории либеральной партии Великобритании в 30-е гг., рязанский историк М. В. Жолудов выделяет два направления в английском радикализме: умеренное, или «философское», с лидерами И. Бентамом и Дж. Миллем и левое, во главе которого стояли У. Коббет и Г. Хант.

Представители первого, по мнению Жолудова, отрицали революционный путь развития общества, считали «себя наследниками умеренно-эволюционистских идей французских энциклопедистов, а для того, чтобы избежать социальной революции, необходимо, согласно их рекомендациям, было «растворить» социальные противоречия в политической борьбе, перевести классовую борьбу в локальные партийные конфликты» [8, с. 21]. Жолудов солидаризируется с историками предшествующего периода в вопросе о классовых интересах умеренных радикалов. Поддерживая идею широкой избирательной реформы, они в то же время были противниками всеобщего избирательного права, «выступали за высокий имущественный ценз, который закрывал дорогу в парламент низшим слоям общества» [8, с. 21]. Радикалы и виги составили оппозицию тори, первые поддержали вигскую программу парламентской реформы, «придав ей радикальный характер». В результате исследования проблемы, автор монографии пришел к выводу, что «в 1830 г. сложился компромиссный союз вигов и радикалов в борьбе за парламентскую реформу». Этот союз, заключает историк, по существу, положил начало успешному распространению политических принципов либерализма в Великобритании (главным из которых было признание необходимости реформирования избирательной системы) и, соответственно, оформлению либеральной партии» [8, с. 21–22].

Что же касается левых радикалов, то, по мнению Жолудова, их сильные позиции определялись тем, что они были близки к народу, знали их нужды и чаяния. И хотя они имели довольно смелые пла-

ны по реформированию парламента, вынуждены были поддержать умеренный по своему содержанию вигский план реформы, видя в нем первый шаг к преобразованию парламентской системы страны [8, с. 23–24]. Историк делает вывод, что «поддержка левых радикалов, имевших тесные связи с народными массами, оказала неоценимую услугу вигам в деле создания благоприятного для них общественного мнения в стране» [8, с. 24].

Таким образом, М. В. Жолудов подходит к оценке истории английского радикального движения с точки зрения его роли в процессе зарождения либеральной партии Великобритании.

Монография М. П. Айзенштат «Британский парламент и общество в 30–40-гг. XIX в.» [1] посвящена проблеме взаимоотношения общества и парламента после реформы 1832 г., т. е. взаимодействию законодательной и политической структуры с социальной сферой. В центре внимания автора такие вопросы, как: «какие изменения в парламенте вызвала реформа, как протекала его законодательная деятельность и политическая борьба, какую роль в жизни людей они играли, была ли реакция в обществе на проходившие обсуждения, какое и каким образом оказывалось давление на принятие тех или иных решений» [1, с. 5]. Исходя из такой постановки задач своего исследования, М. П. Айзенштат не ставит перед собой цель детально анализировать каждую политическую группировку тогдашней Англии. Но обойти их совсем вниманием она также не могла. Анализируя английских радикалов 30–40-х гг., она отмечала, что после реформы 1832 г. численность депутатов радикальной группировки в парламенте увеличилась. Они были довольно активны в критике различного рода злоупотреблений и высоких налогов, и по-прежнему выступали за «дальнейшие кардинальные реформы». Историк касается социальной базы радикалов, что, на наш взгляд, очень важно. Она замечает, что «объективно они отражали интересы той части финансово-торговой и промышленной буржуазии, которая была заинтересована прежде всего в отмене системы протекционизма и переходе к либеральной экономической политике, свободе торговли (фритреду)» [1, с. 33].

Чартистское движение также является предметом ее исследования. Во-первых, М. П. Айзештат отходит от традиционной в советской историографии оценки чартизма как первого пролетарского движения. Она четко характеризует его как самое крупное самостоятельное народное движение первой половины XIX в. не только

в Великобритании, но и в мире. Во-вторых, в работе нет специальных сюжетов, посвященных деятельности радикальных групп в период развития чартистского движения. Правда, она останавливается на характеристике деятельности отдельных радикалов, в частности депутата Т. Данкомба [1, с. 179, 182–183]. В целом М. П. Айзенштат рассматривает радикальное движение в контексте всей общественно-политической жизни британского общества, обращая при этом внимание на специфику взглядов его представителей на реформирование конституционной системы страны и на положение низших слоев Великобритании.

В конце XX столетия проблема английского радикализма освещалась в ряде работ о политической жизни британского общества во второй половине XIX в. Из их числа хотелось бы выделить работы двух авторов: Л. Е. Кертмана и И. М. Узнародова.

В монографии Л. Е. Кертмана [10], посвященной деятельности Джозефа Чемберлена и двум его сыновьям – Остину и Невиллю, поднят целый пласт проблем, связанных как с радикализмом поздневикторианской эпохи, так и с ролью и местом радикальных идей в либерал-юнионистской политической группировке и влиянием их на консервативную партию рубежа XIX–XX вв. Не останавливаясь на чисто биографических сюжетах, отметим, что относительно вопросов радикального движения Кертман пишет, что после введения фритредовских принципов в экономическую практику страны в «старом лозунге свободы экономической деятельности» «не было ничего радикального» [10, с. 29]. В связи с этим радикалы 50–60-х гг. XIX в. сосредоточили свои усилия на чисто политических требованиях: расширение избирательного права, введение тайного голосования, полное равенство всех вероисповеданий и т. д. Автор замечает, что «только проводя эти буржуазно-демократические преобразования, буржуазия могла, вытеснив торийскую и вигскую аристократию, приобрести такое место в политике, которое соответствовало бы ее положению в экономике, – место полновластного и непосредственного распорядителя всеми государственными делами» [10, с. 30]. Но для этого нужна была поддержка мелких собственников, сельских и городских рабочих, и радикалы стали активно апеллировать к массам, критикуя верхи. Их деятельность проявилась в работе Лиги реформы, созданной в 1866 г., когда ими была предложена частичная реформа избирательного права, которая распространялась на мелкую буржуазию и верхушку рабочего класса.

В целом историк через характеристику деятельности Дж. Чемберлена дает картину развития радикального течения в стране в 60–70-е гг. В частности, он пишет, что Чемберлен хотел войти в политику как крайний радикал, «радикал новой формации», не огранивавшийся лозунгами старого радикализма. Автор приводит интересный пример из одного заявления Чемберлена: «Государство так же обязано позаботиться о том, чтобы дети получили образование, как о том, чтобы они были накормлены» [10, с. 36]. Но поскольку, пишет Кертман, ни одна государственная структура, равно как ни одна партия, в том числе и радикалы, не поддерживали идею вмешательства государства в экономическую жизнь, то, «провозглашая этот принцип, Чемберлен бросал вызов сложившимся представлениям и делал это сознательно». В программе по частному вопросу он сформулировал положение более широкой программы, которую впоследствии будет детализировать. Таким образом, как считает Кертман, Чемберлен закладывал основу новой тактики в отношении рабочих – тактики социальных реформ.

Характеризуя радикальное крыло в либеральной партии, Кертман называет его «аморфным». В сфере социальной политики серьезных расхождений между радикалами и лидером партии У. Гладстоном практически не было. Формально лидером радикалов оставался Дж. Брайт, но Чемберлен готов был взять лидерство на себя, и главным стал принцип «интеграция рабочего класса в господствующую систему». Это был принцип «нового радикализма».

Кертман подробно описывает становление Чемберлена как лидера радикального течения в либеральной партии и в период власти, и в период оппозиции. Взлет его как лидера радикалов приходится на время второго и третьего кабинетов У. Гладстона, т. е. на первую половину 80-х гг. При этом он замечает, что английский радикализм столкнулся с проблемой необходимости разработки новой программы, «такой, которая могла бы послужить барьером против проникновения в массы социалистических идей» [10, с. 132]. В целом, как пишет историк, «“радикальная программа” Чемберлена исходила из признания незыблемости основ существующего строя», но при этом «в рамках этих первооснов он хотел так трансформировать капиталистических строй, чтобы низшие слои общества были довольны своим положением» [10, с. 133].

Роль Дж. Чемберлена в вопросе о принятии гомруля в 1886 г. и в расколе либеральной партии общеизвестна. Показательно, что

Кертман объясняет его поведение тем, что «классовый инстинкт толкнул значительную часть буржуазии в сторону консерватизма, заставив ее живо отреагировать на изменившуюся ситуацию в рабочем движении, на появление реальной опасности буржуазному господству снизу. И Чемберлен, обладавший высокоразвитым чувством классового сознания, был одним из первых государственных деятелей, выразивших эту реакционную тенденцию» [10, с. 180].

В монографии ростовского историка И. М. Узнародова [17] рассматриваются этапы становления политики либеральной и консервативной партий по отношению к рабочим избирателям. В этом контексте анализируются и позиции радикалов. Автор монографии очень подробно освещает дискуссии в парламенте и прессе относительно различных проектов парламентской реформы в 50–60-х гг. На фоне заявлений либералов и консерваторов о содержании проектов реформы, радикалы, как показывает историк, занимали более последовательную позицию, утверждая в 1860 г., что «наделение правом голоса значительной части рабочего класса не несет никакой угрозы основам государства». Более настойчиво в их выступлениях стало звучать требование предоставления избирательного права всем домовладельцам и квартиросъемщикам без ограничения» [17, с. 27].

В рассуждениях Узнародова английские радикалы 60-х гг. предстают как политики, которые выступали за предоставление рабочим право голоса в целях решения накопившихся проблем и улучшения жизни трудящихся. Во-первых, это надо было сделать, чтобы рабочие не считали, что их интересы отличны от интересов их хозяев; во-вторых, чтобы «отвлечь их внимание от стачек» и «переключить его на проблемы, от которых зависело благоденствие страны»; в-третьих, им импонировала «идея возрождения взаимных симпатий у различных классов», поскольку «открывало бы путь к созданию прогрессивного общества, немыслимого без уважения к собственности и классовой иерархии»; радикалы как естественное явление воспринимали «стремление рабочих жить лучше и добиться повышения заработной платы, а также снижения продолжительности рабочего дня». Таким образом, считает историк, «наделение рабочих правом голоса виделось радикалами как важный шаг на пути к классовой гармонии» [17, с. 31]. В результате своих исследований И. М. Узнародов приходит к выводу, что за период 50–60-х гг. взгляды либералов и консерваторов на рабочий вопрос претер-

пели серьезные изменения, результатом чего стало принятие новой парламентской реформы 1867 г., предоставившей возможность мелкой буржуазии и части рабочего класса обладать избирательным правом. Аргументация у двух партий была различна: «тори отстаивали преимущества традиционных государственных институтов, либералы, напротив, не придавали им значения». И те и другие связывали улучшение жизни рабочих с деятельностью государства, но подходили к роли последнего по-разному. Тори-демократы имели в виду весьма умеренное участие государства в социально-экономических отношениях, а радикалы из либеральной партии отводили последнему очень важное место в своих планах». «Обе концепции, – заключает Кертман, – в значительной мере ориентировались на реформы, однако при сравнении радикальная программа реформ выглядит основательнее и привлекательнее, чем консервативная» [17, с. 168].

И, безусловно, рассуждая о британском радикализме, нельзя обойти вниманием монографию Сергея Борисовича Семёнова «Политические взгляды английских либералов XVIII века» [15], вышедшую в 1995 г. По сути это было первое исследование, посвященное исключительно радикальному движению, его истокам, идеологии, его лидерам во второй половине XVIII в. Автор отмечает, что идейная платформа радикализма возникла в конкретных исторических условиях, отражает те проблемы и противоречия, которые имели место в Великобритании в рассматриваемый период. Радикальное течение получило идеологическое обоснование в произведениях публицистов, которые использовали аргументы из арсенала теории Просвещения. Сам автор определял специфику своей работы следующим образом: в работе анализировались лишь наиболее значимые с точки зрения автора произведения публицистов, «в которых общие вопросы политической теории рассматривались в связи с идейным обоснованием радикальной политической программы» [15, с. 4]. В центре внимания – идейно-теоретическая концепция радикальной идеологии.

Работа С. Б. Семёнова написана в жанре очерка. Больше всего автора интересовала «динамика политической доктрины радикализма в целом», а не эволюция взглядов отдельно взятых радикальных идеологов. В силу этого каждая глава монографии посвящена одному из радикальных мыслителей, в ней приводятся их биографии и дается анализ их произведений.

Героями монографии стали такие известные идеологи раннего радикализма, как Джозеф Пристли, Ричард Прайс, Джеймс Бург и Джон Картрайт, Кэтрин Маколей. В результате своего исследования Семёнов приходит к выводу, что в идеологии радикальных интеллектуалов находили отражение и неоднородный состав участников радикального движения, и сочетание в нем различных, подчас противоречивых интересов, и влияние разнохарактерных идейных традиций. Он подчеркивает, что радикальные идеологи использовали в своих произведениях теории Просвещения, «развивая и интерпретируя его социологическую концепцию». Представители раннего радикального движения оказались в гуще событий второй половины XVIII в., им пришлось решать многие проблемы текущей политики, «оценивать изменяющуюся ситуацию и выработать практические рекомендации». Отсюда, по мнению Семёнова, своеобразие их политической доктрины, заключавшееся в убеждении, что «непременным условием прогресса общества и личности является обеспечение всех людей большей свободой». Таким образом, заключает историк, «разум заставляет требовать политических реформ с целью улучшения всех аспектов человеческого существования» [15, с. 112]. Он также считает, что в работах авторов-радикалов нашла отражение «идеальная модель совершенного правления, при котором гармонически сочетаются интересы личности, общества и государства» [15, с. 113]. Однако политическая реальность Великобритании влияла на практические рекомендации радикальных интеллектуалов, что в результате придавало «радикальной программе парламентской реформы жизненную силу и предопределяло ее английскую специфику» [Там же]. Семёнов заключает, что «радикальные мыслители, как и большинство интеллектуалов эпохи Просвещения, выступали с позиций «граждан мира», но их взгляд на политику был чисто британским» [Там же]. В целом можно отметить, что данная работа С. Б. Семёнова заложила основы исследования британского радикализма XVIII в. в российском англоведении.

Первые два десятилетия новое XXI тысячелетие отмечены значительным числом работ по истории Великобритании. Российское англоведение пополнилось целым рядом интереснейших работ. Пусть не в хронологическом порядке, но хотелось бы вновь обратиться к работе С. Б. Семёнова [16], изданной в 2008 г. Она посвящена истории возникновения раннего английского радикализма и его программе парламентской реформы. На основе большого коли-

чества разнообразных источников и материалов исследовательской российской и зарубежной литературы автор анализирует огромный пласт фактических событий второй половины XVIII в., прослеживает основные этапы развития радикального движения. В монографии даны портреты политических деятелей рассматриваемой эпохи, а также анализируется радикальная идейная доктрина. Автор широко использует исторический фон для освещения социальных и политических конфликтов того времени.

Отметим, что С. Б. Семёнов рассматривает британский радикализм как единое, цельное конкретно-историческое явление, поскольку идеологические и политические компоненты находились в органическом единстве. Он подчеркивает своеобразие английского радикализма, так как, по мнению историка, «он представлял собой сложное переплетение взаимосвязанных факторов: социального, политического, идеологического». Непосредственной причиной формирования течения послужил политический кризис, связанный с борьбой короля Георга III и вигских фракций. Семёнов считает, что «генезис радикализма представляется результатом сцепления случайных обстоятельств» [16, с. 325], но при этом радикальное движение можно рассматривать «как результат глубинных социальных процессов, происходивших в Англии в первой половине XVIII в., и как проявление накопившегося в обществе напряжения» [16, 326].

С. Б. Семёнов подходит к оценке радикального движения в первую очередь как политического. Автор детально анализирует процесс формирования радикальной оппозиции в 60–80-х гг. XVIII в., останавливается на освещении истории образования радикальных организаций, рассматривает основные этапы и коллизии борьбы радикалов за парламентскую реформу. Автор считает, что «парламентская реформа, к которой стремились радикалы, отвечала интересам определенных социальных групп, она получила определенное идейно-теоретическое обоснование, но сама по себе она была целью политической» [16, с. 326]. Он убедительно показал стремление радикалов занять свою нишу на политической арене Англии. Он пишет, что «с самого начала своей деятельности радикалы организационно и политически обособились от парламентских фракций, стремились проводить собственную линию» [16, с. 327]. Самое важное, на наш взгляд, то, что автор дает определение английскому радикализму XVIII в. «Это, – пишет он, – не только внепарламент-

ская демократическая оппозиция, это не только движение за парламентскую реформу; это – движение за демократическую парламентскую реформу, в котором ключевую роль играет предоставление всеобщего избирательного права». И поскольку реализация принципа естественного равенства и социальной справедливости являлась неотъемлемым условием парламентской реформы избирательного права, то это означало не только коренную модернизацию основ политической системы, но и ломку традиционных идеологических моделей. Сторонники такой модели, как полагает автор, по праву занимали левый фланг в расстановке политических сил своего времени, и поэтому их можно называть радикалами [16, с. 328]. Безусловно, данная работа С. Б. Семёнова внесла огромный вклад в развитие российского англоведения.

Не менее важными, на наш взгляд, являются исследования М. П. Айзенштат, посвященные политической истории Британии в XVIII–XIX вв. Их результатом явились три работы, изданные в первом десятилетии XXI в. [2; 3; 4]. Уже в первой из них «Западноевропейский парламентаризм XVIII–XIX вв.: этапы становления и развития» (2001) М. П. Айзенштат прослеживает этапы становления парламентской системы в западноевропейских странах и, безусловно, уделяет внимание британской государственной системе. Радикальное движение второй половины XVIII в. она рассматривает в контексте формирования конституционной монархии и политической системы в Англии, «важными компонентами которой были двухпартийный парламент, ответственное правительство и партии». По мнению автора, «борьба за парламентскую реформу протекала в двух направлениях: как массовое общественное движение, направленное на утверждение демократических принципов... и как политическая идеология, получившая название «радикализм» [4, с. 17]. Его программа оформилась в 1776 г. и была представлена в памфлете Дж. Картрайта «Сделайте свой выбор». Радикалами современниками стали называть тех, кто выступал за кардинальные изменения системы представительства, а демократическая программа преобразований в экономической и политической жизни нашла отражение в произведениях либеральных мыслителей рубежа XVIII–XIX вв. М. П. Айзенштат освещает также процесс образования политических обществ и организаций, деятельность представителей демократического движения – Дж. Уилкса, Т. Пейна, Т. Гради, У. Коббета [4, с. 18–21].

Рассматривая события первой половины XIX в. на фоне дальнейшей трансформации государственной системы Великобритании, автор анализирует парламентскую реформу 1832 г. и не обходит вниманием вопрос о роли радикалов в ее принятии. Интерес представляет авторская трактовка программ сторонников реформа. Она пишет о «радикальной программе» как о «программе демократических преобразований» [4, с. 52]. Безусловно, ею также освещается деятельность политических клубов и союзов, объединяющих радикально настроенных англичан, а также радикальные митинги и выступления. В целом развитие радикального движения М. П. Айзенштат рассматривает на фоне складывающегося британского гражданского общества.

Такой подход к раскрытию сути радикального движения прослеживается у М. П. Айзенштат и во второй книге «Великобритания нового времени: политическая история» (2002), в которой более детально освещаются политические процессы в стране в XVII – начале XX в. В частности, автор, подводя итоги борьбы за реформу 1832 г., отмечает, что в 1830–1832 гг. в стране произошли «кардинальные сдвиги». «Борьба за реформу системы представительства способствовала быстрой политизации общества, вовлечению в борьбу за свои права городского и сельского населения; размежеванию лагерей аристократии по вопросу о путях реформирования, упрочению методов внутри- и внешнеполитической борьбы» [2, с. 75], – считает автор. «В конечном счете, – констатирует она, – реформа 1832 г. явилась победой общественного мнения, давления «извне»... Без широкого массированного давления на парламент, правительство и короля трудно сказать, когда и как была бы проведена реформа» [2, с. 76].

Касааясь вопроса о месте и роли радикального движения в политической жизни Великобритании в середине и второй половины XIX в., М. П. Айзенштат отмечает, что радикалы продолжали отстаивать фритредовские идеи и выступали за проведение новой парламентской реформы. Авторитет их рос, и это позволило им увеличить число своих депутатов в парламенте и даже иметь своих представителей в правительстве. Это в первую очередь относится к таким лидерам радикализма, как Дж. Брайт и Дж. Чемберлен [2, с. 84].

И, наконец, хотелось бы остановиться на третьей книге М. П. Айзенштат «Власть и общество Британии 1750–1850 гг.» (2009). В данном фундированном исследовании автор на основе большой и разнообразной по содержанию источниковой базы и огромного пласта

зарубежной и отечественной исследовательской литературы проводит детализированный анализ политической жизни Великобритании на протяжении 100 лет – с середины XVIII до середины XIX в. Основной целью работы стал анализ динамики развития властных структур институтов Британии. В центре внимания – изменения в социальной сфере, зарождение и развитие различных общественных и политических движений, деятельность организаций и обществ, выступающих за реформирование политических институтов. Этапы становления гражданского общества Британии в рассматриваемый период стали предметом специального исследования автора.

Остановимся только на сюжетах, посвященных радикальному движению в конце XVIII в. Можно отметить то, что в данной работе нашли уже известные нам подходы автора к радикализму. Но в то же время Айзенштат подходит к оценке радикального движения с новых позиций. К факторам, способствующим зарождению радикализма в 60-х гг. XVIII в., она относит появление и деятельность дискуссионных клубов, обществ и ассоциаций политического толка, что свидетельствовало, по ее мнению, об углублении процесса формирования общественной сферы. М. П. Айзенштат дает свое, новое определение радикализму, который, как она пишет, «был сложным многоплановым явлением в жизни британского общества, вобравшим политический и социальный протест, недовольство злоупотреблению власти, стремление к усовершенствованию государственной системы». Социальный состав нового движения – «укрепляющий экономические позиции и быстро богатевший средний класс», с одной стороны, а с другой – «обездоленные слои» британского общества. Автор монографии отмечает, что обращение к реформе парламента «явилось проявлением мировосприятия, правового самосознания, сложившихся в ходе многовековой истории страны, в формировании которых парламент занимал особое место» [3, с. 103–104]. На большом фактическом материале историк анализирует деятельность общественных организаций и развитие радикального движения в целом в конце XVIII в. Так, она отмечает, что в 90-е годы появились объединения, отражавшие новые сдвиги в социальной сфере. Их основывали ремесленники, не имевшие политических прав. А радикалы стали называть себя «народом», противопоставляя себя тем самым аристократам [3, с. 122]. Нельзя не согласиться с выводами М. П. Айзенштат о том, что вторая половина XVIII и начало XIX в. «явились важным этапом становления нацио-

нального, гражданского, правового самосознания в Великобритании». Становление институтов гражданского общества, по мнению автора, «протекало в рамках политизации лишенного политических прав среднего класса, который использовал существовавшие формы социального объединения и средства для выражения своих требований» [3, с. 130].

Эта работа М. П. Айзенштат знаменовала собой важнейший этап в развитии англоведения и исследовании радикального движения в политической истории Великобритании.

Однако следует заметить, что если в отечественном англоведении радикализм XVIII в. и первой половины следующего столетия представлен рядом фундаментальных исследований, то этого нельзя сказать в полной мере о второй половине XIX в. Безусловно, в работах многих отечественных англоведов в той или иной мере затрагиваются сюжеты, посвященные радикалам [5; 6; 9; 11; 12]. Как правило, они рассматриваются историками как представители левого крыла или течения в либеральной партии; их идеология, программы и тактика оцениваются сквозь призму их дискуссий с либералами центра или вигского крыла партии. Положительным, на наш взгляд, является представленное историками разнообразие дискуссионных вопросов и проблем, в обсуждении которых радикалы второй половины XIX в. активно принимали участие: парламентские реформы, проблемы местного управления, различные направления начинавших набирать силу реформ в социальной сфере, ирландский вопрос, внешняя и колониальная политика правящих партий, имперские вопросы. Но многие аспекты деятельности радикалов этого периода, их идеологов и лидеров остаются еще далеко не исследованными. История радикального движения Великобритании еще до конца не написана. Все еще впереди.

Список литературы

1. Айзенштат М. П. Британский парламент и общество в 30–40-гг. XIX в. М.: ИВИ РАН, 1997. 207 с.
2. Айзенштат М. П. Великобритания нового времени: политическая история. М.: ИВИ РАН, 2002. 100 с.
3. Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с.
4. Айзенштат М. П. Западноевропейский парламентаризм XVIII–XIX вв.: этапы становления и развития. М., ИВИ РАН, 2001. 100 с.

5. Айзенштат М. П. PAX BRITANNICA: Великобритания // Всемирная история Т. 5. Мир в XIX веке: на пути в индустриальной цивилизации / отв. ред. В. С. Мирзеханов, М.: Наука, 2014. С. 264–295.
6. Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века: монография. Орел: Изд-во ОГУ, 2008. 295 с.
7. Ерофеев Н. А. Чартистское движение. М.: Изд. АН СССР, 1961. 128 с.
8. Жодудов М. В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е годы XIX века: монография. Рязань: Изд-во РГПУ, 1997. 100 с.
9. История Британии: современные исследования: сб. статей / отв. ред. М. П. Айзенштат. М.: ИВИ РАН, 2013. 447 с.
10. Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: Мысль, 1990. 542 с.
11. Науменкова Е. О. Власть и общество: избирательные реформы их восприятие в Великобритании в последней трети XIX в. СПб: Алетейя, 2017. 240 с.
12. Политические партии Англии. Исторические очерки: монография в честь Т. Л. Лабутиной. СПб: Алетейя, 2017. 358 с.
13. Резников А. Б. Первая классовая битва пролетариата. Англия, 1842 год. М.: Наука, 1970. 310 с.
14. Рожков Б. А. Чартистское движение. Краткий очерк. 1836–1854. М.: Соцэргиз. 1960. 216 с.
15. Семёнов С. Б. Политические взгляды английских либералов XVIII века. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. 116 с.
16. Семёнов С. Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара: Изд-во СамНЦ РАН. 2008. 360 с.
17. Узнародов И. М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 200 с.
18. Черняк Е. Б. Демократическое движение в Англии. 1816–1820. М.: Изд. АН СССР, 1957. 298 с.

Е. Ю. Сергеев

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник, профессор
Институт всеобщей истории РАН
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**ФОРИН-ОФИС И НКВД В 1918–1924 ГГ.:
ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ**

Аннотация: Основанная на сравнительном изучении британских и российских источников, а также современной историографии, статья посвящена ключевым аспектам взаимодействия Министерства иностранных дел Соединенного Королевства (Форин-офис) и Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) РСФСР (СССР) в период Гражданской войны в России (1918–1922) и последовавшего признания советского государства со стороны ведущих западных держав в 1923–1924 гг.

Ключевые слова: советско-британские отношения, Форин-офис, Народный комиссариат иностранных дел, иностранная интервенция.

E. Yu. Sergeev

Doctor of History, Chief Research Fellow, Professor,
Institute of General History of Russian Academy of Sciences
Russian State University for the Humanities, Moscow

FOREIGN OFFICE AND THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR FOREIGN AFFAIRS IN 1918–1924: FROM CONFRONTATION TO COLLABORATION

Abstract: Based upon the comparative study of British and Russian published sources as well as on the contemporary historiography, this paper deals with some key aspects of the interaction between the United Kingdom Ministry for Foreign Relations (Foreign Office) and the People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID) of the Russian Federation (USSR) during the Civil War in Russia (1918–1922) and the subsequent period of recognition of the Soviet State by major Western powers in 1923–1924.

Keywords: Soviet-British relations, Foreign Office, People's Commissariat for Foreign Affairs, foreign intervention.

Важность изучения опыта взаимодействия России и Великобритании, остававшихся ключевыми акторами мировой политики в Новое и Новейшее время, не вызывает сомнений. На протяжении столетий отношения двух держав испытали подъемы и спады, однако немногие их периоды были наполнены столь значимыми и драматическими событиями, как 1918–1924 гг. События эти повлияли на судьбы не только россиян или британцев, но и миллионов людей в различных регионах планеты. Поэтому задача реконструкции механизма взаимодействия Министерства по внешним сношениям Британской империи (Форин-офис) и Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) РСФСР (с 1923 г. – СССР) и именно в этот период является актуальной и научно значимой.

Несмотря на кажущееся обилие работ историков, посвященных рассмотрению структуры и функций обоих ведомств, избранный автором ракурс анализа проблемы становления советско-британских отношений после окончания Первой мировой войны и российской революции 1917 г. до настоящего времени не стал предметом специального исследования. Как правило, эксперты фокусировали внимание на событийной канве контактов между Форин-офис и НКВД, не рассматривая их внутреннюю трансформацию и воздействие новых дипломатических практик на специфику перехода Москвы и Лондона от неизбежного противостояния к вынужденному сотрудничеству [1; 3; 4; 6; 12; 17; 21; 22; 25; 26; 32; 33; 37; 41; 42; 44; 45; 49; 51; 52; 53; 55; 56].

Поэтому автор предпринял попытку восполнить указанный пробел, обобщив имеющиеся в историографии точки зрения и предложив свое видение проблемы на основе комплексного изучения корпуса официальной документации и источников личного происхождения.

Принципиально важными вехами для нашего исследования явились следующие события: создание НКВД в ноябре 1917 г., подписание Брестского мира 3 марта 1918 г., заключение торгового договора между РСФСР и Великобританией 16 марта 1921 г. и, наконец, дипломатическое признание СССР Лондоном де-юре в феврале 1924 г.

Характеризуя учреждение НКВД и начало его работы сразу после захвата власти большевиками, отметим стремление В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, занявшего 8 ноября того же года, правда не без колебаний, пост главы комиссариата, к сокращению и даже сворачиванию ведомственной деятельности в связи с ожиданием всемирной революции. Один из современников свидетельствовал, что Ленин «не придавал в то время большего значения чисто дипломатической работе, которой, как он полагал, будет немного», обращая главное внимание на информационно-пропагандистскую деятельность за рубежом [12, с. 43; 41, с. 45–76]. Неслучайно поэтому в ноябре 1917 г. формировавшаяся структура НКВД включила Пресс-бюро во главе с К. Б. Радеком и Бюро международной революционной пропаганды во главе с Б. Рейнштейном [60, с. 90].

По воспоминаниям видного советского дипломата И. М. Майского, саботаж абсолютного большинства чиновников МИД в Петрограде и дипломатических представителей за границей, уволенных

в итоге со службы двумя приказами Троцкого от 29 ноября и 12 декабря 1917 г., стал причиной того, что деятельность персонала НКВД, который формировался в экстренном порядке из лояльных новому режиму лиц, напоминала «жизнь на бивуаке»: новоявленные советские служащие принимали пищу и ночевали прямо в кабинетах, а работа аппарата ведомства сопровождалась постоянными митингами, спорадическими ружейными выстрелами днем и пулеметными очередями по ночам, которыми от скуки нередко «развлекалась» охрана здания на Певческом мосту [9, с. 21–22].

Двумя основными направлениями работы комиссариата зимой – весной 1917–1918 гг., количественный состав которого составлял 200 чел., включая технический персонал [18, с. 202], была обеспечение мирных переговоров в Брест-Литовске и публикация 130 секретных дипломатических документов из архивов прежнего МИД в семи выпусках [5, с. 118–122; 17, с. 43; 20, с. 73–82].

Фиаско Троцкого в качестве главы большевистской дипломатии в Бресте и постепенное замещение его на посту наркома возвратившимся в январе 1918 г. из Великобритании на Родину Г. В. Чичериным [55, с. 29–30] завершили этап становления НКВД. Характерно, что 12 марта того же года Совет народных комиссаров (СНК) переехал из Петрограда в Москву. А спустя всего три месяца – 4 июня 1918 г. декретом Совета народных комиссаров (СНК) были упразднены прежние дипломатические ранги и введено единое наименование советских эмиссаров за рубежом – полномочный представитель (полпред) [10, с. 142]. Таким образом, к лету 1918 г. структура НКВД приобрела в общих чертах законченный вид, а персонал в сравнение с прежним МИД пополнился женщинами на должностях вспомогательного персонала, что еще летом 1917 г. казалось чиновникам Временного правительства совершенно недопустимым [32, с. 19].

Завершение Гражданской войны и переход к восстановлению связей Советской России с внешним миром привели к дальнейшему разрастанию штата комиссариата. Решающим в этом процессе стал 1921 год, который положил начало возрождению дипломатии не как средства для всего лишь выигрыша времени, чтобы обеспечить «победу мировой революции», а в качестве необходимого условия длительного существования большевистского государства, окруженного чуждыми ему по идеологии «капиталистическими» странами [29, с. 31; 55, с. 69–74]. В июне 1921 г. прошла реорганизация центрального аппарата НКВД, который насчитывал 1300 сотрудни-

ков, с учреждением западного и восточного департаментов. Соответственно, к 1924 г., отмеченному «полосой признания СССР» крупнейшими странами, штат внешнеполитического ведомства превышал 2 тыс. работников, из которых 1098 находились за границей и еще 231 работали в различных государственных структурах на советской территории [43, с. 41].

В 1919–1920 гг. произошло изменение механизма принятия решений руководством наркомата. Если в первые месяцы после Октября 1917 г. Троцкий нередко брал на себя ответственность за те или иные внешнеполитические шаги Советской России, то сменивший его Чичерин в условиях постоянно работавшей коллегии ведомства не предпринимал никаких действий без предварительной консультации с Лениным. Согласно воспоминаниям наркома, он телефонировал главе правительства по несколько раз в день [7; 55, с. 121; 43, с. 41]. Кроме того, начиная с 1919 г. все принципиально значимые международные вопросы предварительно обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б). Одновременно сотрудники ведомства были вынуждены терпеть вмешательство в свою работу со стороны Коминтерна и ВЧК-ОГПУ, поскольку вторыми и третьими секретарями советских диппредставительств за рубежом, как правило, работали агенты именно этих организаций. Даже кабинет самого Чичерина прослушивался сотрудниками всемогущей советской политической контрразведки [26, с. 254–256].

Инструкции партийных органов и настоятельные рекомендации руководителей Коминтерна, к которым должны были прислушиваться работники НКВД, приводили к ведомственной неразберихе, дублированию функций, а порой и к противоречивым решениям. Иллюстрацией служат переговоры о заключении торгового соглашения с Великобританией, которые вела советская делегация во главе с Л. Б. Красиным в 1920–1921 гг., или Генуэзская конференция апреля – мая 1922 г., в которой приняла участие большая группа дипломатов РСФСР под руководством Г. В. Чичерина.

Что же касается ситуации внутри комиссариата, то она осложнялась борьбой личных амбиций заместителей наркома и других членов коллегии НКВД, прежде всего Чичерина и Литвинова. Характерно, что на одном из заседаний Политбюро, участники которого по инициативе первого обсуждали вопрос о выводе представителей Коминтерна из аппарата полпредств, Радек назвал Чичерина «революционером в футляре» [2, с. 122–123].

Обратимся теперь к рассмотрению тех трансформаций, которым подверглось Министерство иностранных дел Соединенного Королевства после окончания Первой мировой войны. Историки подчеркивают, что в противоположность прежним дефектам, сочетавшим «отсутствие координации, недостаточный профессионализм, а временами и безответственный оппортунизм» [26, с. 17], послевоенная британская дипломатия стремилась на новом уровне добиться эффективной защиты позиций империи по всем азимутам. С этой точки зрения, период 1918–1924 гг. характеризовался не только концептуальным переосмыслением геополитических интересов Великобритании, но и реорганизацией административных структур, отвечавших за выработку и проведение внешнеполитического курса. Именно тогда, по образному выражению одного из исследователей, в составе персонала Форин-офис «стратегически мыслящие профессионалы пришли на смену джентльменам-любителям» [27, с. 1–18], что позволило Лондону найти выход из кризиса, вызванного Первой мировой войной и российской революцией.

Здесь стоит отметить, что, хотя А. Дж. Бальфура, возглавлявшего Форин-офис с декабря 1916 по октябрь 1919 г., и Дж. Н. Кёрзона, занимавшего этот пост с момента отставки старшего коллеги до января 1924 г., было трудно причислить к реформаторам, преобразования дипломатического ведомства проходили ускоренными темпами именно в период их руководства. По мнению ряда историков, это привело к наиболее существенным изменениям «официального лица» британской дипломатии за весь межвоенный период [25, с. 20; 22, с. 167–182]. В то же время Бальфуру и особенно Кёрзону все же удалось обеспечить необходимый баланс между традициями и новациями на фоне попыток премьер-министра Д. Ллойд Джорджа – человека, который, по мнению современников, «выиграл для Британии Первую мировую войну» [24, с. 90] – осуществлять «параллельную» личную дипломатию на многочисленных международных конференциях [49, с. 198].

Еще весной 1918 г., структура Форин-офис пополнилась Департаментом политической разведки (Political Intelligence Department), что позволило сохранить доминирующую роль ведомства в области определения внешнеполитического курса, хотя и не устранило соперничества с личным секретариатом Д. Ллойд Джорджа [28, с. 2; 45, с. 4]. Спустя год произошло объединение центрального аппарата, зарубежной дипломатической и консульской служб Великобри-

тании, которые до этого времени функционировали самостоятельно [57, с. 43]. Одновременно усилилась роль Департамента информации (News Department), который был призван играть решающую роль в формировании общественного мнения, организуя пресс-конференции, брифинги и интервью официальных лиц новостным периодическим изданиям [53, с. 278–286]. Кроме того, резко возросла нагрузка на парламентского заместителя министра иностранных дел, поскольку члены обеих палат высшего законодательного органа не упускали возможности выступить с запросами о тех или иных шагах правительства на международной арене, требуя от его официальных представителей подробных разъяснений и комментариев. Наконец, Лондон вынужден был учитывать мнение доминионов, или, как их называли на берегах Темзы, «развивающихся наций» (emerging nations). Представители Австралии, Канады, Южно-Африканского Союза все настойчивее требовали от метрополии учета своих геополитических интересов, что наглядно продемонстрировала Вашингтонская морская конференция 1921–1922 гг. и Имперская конференция 1923 г. в столице Британской империи [25, с. 57].

Об интенсификации работы Форин-офис после окончания войны говорят данные статистики: если в 1913 г. через его канцелярию прошло 58 790 документов, то в 1921 г. их количество возросло до 146 846 при увеличении штата сотрудников центрального аппарата всего в 3,5 раза – со 132 до 482 чел. [50, с. 85]. По воспоминаниям лорда У. Стрэнга, прослужившего четверть века в центральном аппарате и девять лет на дипломатическом поприще за пределами метрополии, а к концу карьеры занявшего должность постоянного заместителя министра иностранных дел, «поступление на работу в Форин-офис обеспечило ему определенную степень уверенности в себе, которой он до этого не обладал» [52, с. 50].

С точки зрения кадрового состава многолетние традиции британского МИД, конечно же, вступали в противоречие с реалиями новейшего времени, но отнюдь не спешили окончательно уходить в прошлое. Так, продолжало действовать негласное правило конца XVIII в., согласно которому поступление на дипломатическую службу было закрыто для евреев, «цветных» и нехристиан, а для католиков резко ограничено. Несмотря на рекомендации специальной Королевской комиссии по гражданской службе относительно более открытого набора персонала, высказанные в 1914 г., Форин-офис и после окончания Первой мировой войны оставался «вотчи-

ной» сильного пола, в которой женщины занимали лишь технические должности, а контингент чиновников высшего и среднего уровня составляли не имевшие специального образования отпрыски дворянских семейств – выпускники Оксфорда и Кембриджа (или Оксбриджа, как иронично называли их современники) [39, с. 11]. В этих условиях хранителями викторианских традиций и эдвардианского образа мышления на протяжении 1920-х гг. выступали такие мэтры британской дипломатии – высшие чиновники МИД, как Ч. Гардинг, Р. Сесил, У. Тиррелл и Э. Кроу [23; 31; 36].

И все же «ветры перемен» стали ощущаться даже в стенах главного здания Форин-офис, и сегодня выходящего окнами к Сент-Джеймскому парку британской столицы. Так, в 1919 г. один из колледжей Оксфорда открыл двери первой в мире кафедры международных отношений, ставшей «кузницей» дипломатических кадров [27, с. 13–14; 52, с. 182–194]. И хотя процесс увеличения доли выходцев из семей среднего класса, а также неуклонного возрастания количества представительниц «лучшей половины человечества» приобрел необратимую динамику лишь с середины 1920-х гг., начало этому процессу положили преобразования МИД после заключения Компьенского перемирия.

Среди нестандартных подходов к решению внешнеполитических проблем, с которыми сталкивался Лондон в интересующий нас период, обращает на себя внимание привлечение к дипломатическим зондажам представителей бизнес-сообщества, профсоюзных лидеров, общественных деятелей, иерархов церкви и мастеров культуры – то есть методы, как сейчас бы назвали, «мягкой силы» [61, с. 6]. Очевидно также, что нововведением стало участие представителей Уайтхолла в работе Лиги Наций – межправительственного органа, призванного согласно ее уставу урегулировать конфликтные ситуации, хотя осознание британской властной элитой роли этой организации в мировой политике произошло далеко не сразу. Примечательно, что с 1919 г. вопросы взаимодействия с Лигой в составе центрального аппарата Форин-офис стал курировать Западный департамент (Western Department), а в 1920 г. ее первым генеральным секретарем был избран британский дипломат сэр Дж. Драммонд, занимавший эту должность до 1933 г. [19; 40; 47; 58].

Если лорд Кёрзон все же был склонен рассматривать ее как «некий излишний орган, влияние которого на внешнюю политику Британской империи следует ограничивать» [28, с. 170; 62, с. 170], то

занявший Даунинг-стрит, 10 в начале 1924 г. Р. Макдональд, совмещавший премьерство с должностью главы Форин-офис, а затем и сменивший его на посту министра иностранных дел О. Чемберлен придавали дипломатической работе в Женеве, где находилась штаб-квартира Лиги Наций, исключительное значение [34; 46].

В этой связи полезно провести сопоставление кадрового состава, внутренней композиции и методов деятельности НКВД и Форин-офис на протяжении интересующего нас периода. Может возникнуть обманчивое представление о том, что создание и дальнейшее функционирование советского внешнеполитического ведомства находились в противоречии с вековыми традициями и принципами Министерства иностранных дел Соединенного Королевства как наиболее авторитетного и влиятельного государственного органа не только для Британской империи, но и аналогичных структур других держав. Здесь уместно привести мнение П. Н. Милокова, который в курсе лекций о причинах и последствиях российской революции 1917 г. отмечал: «Дипломатия и большевизм – не включает ли в себе уже сопоставление этих двух слов самого кричащего противоречия? Возможно ли вообще, чтобы крайняя партия, поставившая своей главной задачей всемирный взрыв, была допущена цивилизованными державами вести переговоры и заключать соглашения с теми силами, против которых она ведет подкоп, и чтобы таким образом сознательно облегчалось ей осуществление этой задачи? Увы, действительность иногда бывает невероятнее всякой выдумки» [11, с. 258].

Разумеется, кадровый состав НКВД и Форин-офис различался кардинальным образом как по количеству, так и по уровню профессионализма сотрудников. Неслучайно поэтому, проводя сопоставительный анализ этих учреждений, специалисты отмечают почти в три раза меньший и лучше подготовленный аппарат МИД Великобритании, чем НКВД РСФСР [43, с. 41]. С другой стороны, национальный состав служащих НКВД по понятным причинам отличался большим разнообразием, а их заработок в несколько раз превышал среднюю зарплату тружеников промышленных предприятий, не говоря уже о специальных пайках и других льготах, положенных советской номенклатуре. В то же время, хотя размер ежемесячного жалования чиновников британского МИД (в пересчете с фунта ст. – 1000–1200 руб.) был в три-четыре раза выше зарплаты работников НКВД (300–400 руб.), на берегах Темзы все же не наблюдалось такого кри-

чащего разрыва в доходах различных слоев населения как в стране «победившего пролетариата» [9, с. 22; 42, с. 107–108, 114; 59, с. 620].

Укажем и на общие тенденции для обоих ведомств в рассматриваемый период. К ним стоит отнести заполнение вакансий представителями среднего класса (в случае с НКВД – выходцами из дореволюционной русской интеллигенции, которые были вынуждены пойти на службу к большевикам), увеличение доли женщин среди персонала и селекцию кандидатов на занятие ответственных должностей после получения ими высшего профессионального образования. В Советской России такую селекцию, как правило, осуществляли партийные органы и ОГПУ, а в Великобритании – созданная под давлением общественности в 1919 г. Служба отбора (Board of Selection) [42, с. 112].

При различной композиции НКВД и Форин-офис их деятельность, однако, также обнаруживала немало сходных черт. Так, в основу структуры двух ведомств был положен регионально-страноведческий принцип, когда заместителю наркома или министра поручалось курировать определенное направление: европейское, ближне-, средне- или дальневосточное и т. д., хотя под воздействием каких-либо значимых международных событий, когда происходила актуализация того или иного регионального направления, как это произошло, например, в середине 1920-х гг. в связи с очередной революцией в Китае, указанная группировка могла претерпевать соответствующие изменения [48, с. 59–63; 54, с. 167–183].

Аналогичным образом наблюдалось сходство относительно вмешательства других государственных органов, занимавшихся внешнеполитическими проблемами, в работу как НКВД, так и Форин-офис. Для первого это были наркоматы внешней торговли, финансов, военных и морских дел, для второго – министерства по делам Индии, военное, колониальное и Адмиралтейство, а временами и Казначейство. Следует также отметить близость стремлений Кремля и Уайтхолла осуществлять более тесную координацию работы внешнеполитических и силовых структур. На протяжении рассматриваемого периода в Советской России эту функцию выполняли сначала Революционный военный совет республики, затем Политбюро ЦК РКП(б), а в Великобритании – Комитет имперской обороны (Committee of Imperial Defence), созданный еще в 1902 г. [14; 15; 13, с. 5; 35, с. 12–18; 38; 16, с. 129–143].

Нельзя не сказать и о «первой революции» в области оргтехники, произошедшей как раз в начале 1920-х гг. Именно тогда служащие НКВД и чиновники Форин-офис стали широко применять печатные машинки, светокопировальные устройства, радиоаппараты, через которые в годы интервенции и экономической блокады помимо дипломатов происходил обмен нотами между РСФСР и Великобританией, телефонные линии, соединившие все правительственные службы, и, наконец, аэропланы, сделавшие возможными близкие визиты дипломатов в экстренных случаях. Примером может служить поездка Л. Б. Красина на берега Темзы через Кенигсберг и Берлин в мае 1923 г. для экстренных объяснений с лордом Керзоном после предъявления последним советскому руководству известной ноты ультимативного характера [8, с. 58–59].

Даже в методах работы сотрудников интересующих нас государственных структур можно увидеть переход от старой кабинетной к новой публичной дипломатии. Здесь уместно подчеркнуть, что Первая мировая война и вызванная ею волна революций, прокатившаяся по Европе и Азии, не только изменили концептуальное представление о характере международных отношений, но и серьезно повлияли на сами дипломатические практики, включая дресс-код членов официальных делегаций (вместо цилиндров и фраков – шляпы и деловые костюмы) [30, с. 34]. Хотя практика секретных переговоров в узком кругу доверенных лиц, конечно же, не утратила своего значения, о чем свидетельствуют официальные документы и воспоминания непосредственных участников таких встреч, в международных контактах все большее место занимали конференции, встречи и дискуссии, открытые для прессы и общественности [61, с. 6].

Обобщив результаты сравнительного анализа исторического опыта советско-британских межгосударственных контактов, можно прийти к выводу о воздействии их динамики на процесс становления НКВД и адаптации к новым реалиям Форин-офис. Так, организация большевистской пропаганды и ответные шаги со стороны британского правительства обусловили появление соответствующих структур как в НКВД, так и в Форин-офис. Похожая ситуация наблюдалась по мере создания и ускоренного развития тех отделов этих ведомств, которые были призваны заниматься сбором разведывательной информации. Одновременно осуществлялось перераспределение полномочий в области внешней политики между различными правительственными органами, близкими по своим

функциям. К примеру, в Соединенном Королевстве регион Среднего Востока (прежде всего Персия и Афганистан) был изъят из ведения министерства по делам Индии и администрации ее вице-короля для передачи под контроль Форин-офис. А в Советской России усилиями Чичерина полпредства, и прежде всего дипломатическая миссия на берегах Темзы, постепенно избавлялись от назойливой опеки со стороны агентов Коминтерна [26, с. 243].

Еще одним заметным итогом деятельности обоих внешнеполитических ведомств после окончания мировой войны явилось снижение конфронтационной составляющей (интервенция Великобритании в составе Антанты и «экспорт» революции Советской Россией) и возрастание значения экономического (возобновление торгового обмена, заключение концессионных договоров), а также гуманитарного сотрудничества (репатриация военнопленных, борьба с голодом, визиты общественных деятелей и ученых).

От военных действий против большевиков в 1918–1919 гг. к выполнению заказа советского министерства финансов на чеканку серебряных рублей Банком Англии в 1924 г. [61, с. 75–77] – таков путь, который прошли отношения России (СССР) и Соединенного Королевства за несколько лет. И роль сотрудников обоих дипломатических ведомств – НКВД и Форин-офис – в процессе их нормализации поистине невозможно переоценить.

Список литературы

1. Бахов А. С. На заре советской дипломатии. Органы советской дипломатии в 1917–1922 гг. М., 1966.
2. Беседовский Г. З. На путях к Термидору (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Париж, 1930. Т. 1.
3. Блинов С. И. Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры. М., 1973.
4. Быстрова Н. Е. Из истории дипломатических отношений Советской России 1917–1918 гг. // Российская история. 2012. № 5. С. 121–139.
5. Воронина И. А. Первые публикации НКВД // Международная жизнь. 2003. № 2. С. 118–122.
6. Выгодский С. Я. У истоков советской дипломатии. М., 1965.
7. Известия. 1924. 30 января.
8. Красин Л. Б. Письма к Т. В. Миклашевской-Красиной / сост. С. С. Хромов // Вопросы истории. 2005. № 10.
9. Майский И. М. Внешняя политика РСФСР, 1917–1922. М., 1923.
10. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / сост. и ред. Ю. В. Ключников, А. Сабанин. М., 1926. Ч. 2.

11. Милуков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1.
12. Очерки истории Министерства иностранных дел России 1802–2002. М., 2002. Т. 2.
13. Политбюро РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1929–1933 гг. / ред. Г. М. Адиебеков [и др.]. М., 2001.
14. Реввоенсовет республики. Протоколы. 1918–1919. М., 1997.
15. Реввоенсовет республики. Протоколы. 1920–1923. М., 2000.
16. Сергеев Е. Ю. Комитет имперской обороны – главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / отв. ред. А. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М., 2014. Вып. 4. С. 129–143.
17. Трофимова Л. И. Первые шаги советской дипломатии // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 37–52.
18. Утро Страны Советов. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. – 10 марта 1918 г. / сост. М. П. Ирошников. Л., 1988.
19. Ходнев А. С. Формирование британской политики в отношении Лиги Наций, 1914–1919 гг. // На пересечении британской истории / отв. ред. А. Б. Соколов, А. М. Ермаков. Ярославль, 2013. С. 128–143.
20. Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.
21. Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1920 гг.) и капиталистический мир. СПб, 2002.
22. Bishop D. The Administration of British Foreign Relations. New York, 1961.
23. Cecil R. A Great Experiment. An Autobiography. London, 1941.
24. Clarke P. Hope and Glory. Britain 1900–2000. London, 2004.
25. Connell J. “The Office”. A Study of British Foreign Policy and Its Makers, 1919–1951. London, 1958.
26. Craig G., Gilbert F. (eds) The Diplomats, 1919–1939. New York, 1953. Vol. 1.
27. Cromwell V. ‘A World Apart’: Gentlemen Amateurs to Professional Generalists // Dockrill M., Mackercher B. (eds) Diplomacy and World Power. Studies in British Foreign Policy, 1890–1950. Cambridge, 1996. P. 1–18.
28. Crowe S., Corp E. Our Ablest Public Servant Sir Eyre Crowe, 1864–1925. Branton, Devon, 1993.
29. Debo R. K. Revolution and Survival. The Foreign Policy of Soviet Russia, 1917–1918. Liverpool, 1979.
30. Debo R. K. Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918–1921. Montreal, 1992.
31. Dutton D. Austen Chamberlain: Gentleman in Politics. Bolton, 1985.
32. Goldstein E. Winning the Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford, 1991.

33. Gorodetsky G. (ed.) *Soviet Foreign Policy 1917–1991. A Retrospective*. London, 1994.
34. Gregory J. *On the Age of Diplomacy. Rambles and Reflections, 1902–1928*. London, 1928.
35. Hankey M. *Diplomacy by Conference. Studies in Public Affairs. 1920–46*. London, 1946.
36. Hardinge C. *Old Diplomacy*. London, 1947.
37. Johnson F. *Defence by Committee. The British Committee of Imperial Defence, 1885–1959*. London, Oxford University Press, 1960.
38. Johnson G. (ed.) *The Foreign Office and British Diplomacy in the Twentieth Century*. London, 2004.
39. Jones R. *Arthur Ponsonby. The Politics of Life*. London, 1989.
40. Joyce J. *Broken Star: The Story of the League of Nations (1919–1939)*. Swansea, 1978.
41. Kocho-Williams A. *Russian and Soviet Diplomacy, 1900–1939*. Basingstoke, 2012.
42. Larner C. *The Amalgamation of the Diplomatic Service with the Foreign Office // Journal of Contemporary History. 1972. Vol. VII. Nos. 1–2. P. 107–126*.
43. Mackenzie D. *From Messianism to Collapse. Soviet Foreign Policy, 1917–1991*. Fort Worth–London, 1994.
44. Mackercher B. *The Old Diplomacy and New. The Foreign Office and Foreign Policy, 1919–1939 // Dockrill M., Mackercher B. (eds) Diplomacy and World Power. Studies in British Foreign Policy, 1890–1950. Cambridge, 1996. P. 79–114*.
45. Maisel E. *The Foreign Office and Foreign Policy, 1919–1926*. Brighton, 1994.
46. Marquand D. *Ramsay Macdonald*. London, 1977.
47. Northedge F. *The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946*. Leicester, 1986.
48. Nyman L.-E. *Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918–1934*. PhD Thesis. Stockholm-Goteborg, 1977.
49. Sharp A. *The Foreign Office in Eclipse, 1919–1922 // History. 1976. Vol. LXI. No. 202. P. 198–218*.
50. Steiner Z. *The Foreign Office and Foreign Policy, 1898–1914*. Cambridge, 1969.
51. Steiner Z., Dockrill M. *The Foreign Office Reforms, 1919–1921 // Historical Journal. 1974. Vol. XVII. No. 1. P. 131–156*.
52. Strang W. *Home and Abroad*. London, 1956.
53. Tilley J., Gaselee S. (eds) *The Foreign Office*. London; New York, 1933.
54. Ulam A. *Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967*. New York; Washington, 1968.

55. Uldricks T. J. *Diplomacy and Ideology: The Origins of Soviet Foreign Relations, 1917–1930*. London, 1979.
56. Ullman R. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*. Princeton, N. J., 1961–1972. Vol. 1–3.
57. Vansittart R. *The Mist Procession. The Autobiography of Lord Vansittart*. London, 1958.
58. Walters F. *A History of the League of Nations*. Westport, Conn., 1986.
59. Ward A., Gooch G. (eds). *Cambridge History of British Foreign Policy*. Cambridge, 1923. Vol. III.
60. Wheeler-Bennett J. *Brest-Litovsk 1918. The Forgotten Peace, March 1918*. London, 1939.
61. Williams A. *Trading with the Bolsheviks. The Politics of East – West Trade, 1920–1939*. Manchester; New York, 1992.
62. Yearwood P. ‘A Genuine and Energetic League of Nations Policy’: Lord Curzon and the New Diplomacy, 1918–1925 // *Diplomacy and Statecraft*. 2010. Vol. XXI. No. 2.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. С. Фогель

кандидат исторических наук, Самарский государственный
экономический университет, Самара

«ЭКСПОРТ ВЕРЫ»: РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ СРЕДИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В X–XII ВВ.

Аннотация: Статья посвящена путям и методам распространения мировых религий (христианства, ислама, иудаизма) в Восточной Европе на протяжении X–XII вв. В работе рассмотрены идеологические предпосылки «экспорта веры» для каждого из активных геополитических и конфессиональных пространств (Священная римская империя, Византийская империя, Багдадский халифат, Хазарский каганат) и мотивация тех стран, народов и племен, которые принимали или не принимали новые для себя религии. Исследование основано на анализе источникового материала и современной литературы.

Ключевые слова: ислам, иудаизм, католицизм, православие, империя, варвары, иудаизм, религия.

A. S. Fogel

candidate of the historical sciences, associate professor
Samara State University of Economics, Samara

“EXPORT OF FAITH”: THE SPREAD OF WORLD RELIGIONS AMONG THE PEOPLES OF EASTERN EUROPE IN THE X–XII CENTURIES

Abstract: This article is devoted to the ways and methods of distribution of world religions (Christianity, Islam, Judaism) in Eastern Europe during the X–XII centuries. The article considers the ideological prerequisites of “export of faith” for each of the active geopolitical and confessional spaces (the Holy Roman Empire, the Byzantine Empire, the Baghdad Caliphate, the Khazar Kaganate) and the motivation of those countries, peoples and tribes that accepted or did not accept new religions. The study is based on the analysis of the source material and modern literature.

Keywords: Islam, Judaism, Catholicism, Orthodoxy, Empire, barbarians, Judaism, religion.

Геополитическая ситуация в Восточной Европе на протяжении X–XII вв. (условно от битвы при р. Лех, 955 г., покончившей с венгерскими набегами и до нашествия монголов в 1230-х гг.) отличалась относительной стабильностью. Пространство от Карпат до Уральских гор было занято славянскими, финно-угорским, балтскими и тюркскими народами, переживающими в этот период всплеск становления государственных институтов – формируются территории империи Рюриковичей, Польского королевства, Венгрии, Волжской Булгарии. Эта активность, проявлявшаяся во многих сферах жизни, создавала предпосылки для религиозной деятельности окружающих пространств, в первую очередь «мировых религий» того времени – византийского христианства (православия после раскола 1054 г.), западного христианства (католичества), ислама и иудаизма. Основными центрами распространения религий выступали Священная Римская империя, Византийская империя, Арабский халифат и Хазарский каганат. Каждый центр действовал исходя из своих собственных интересов, и координация между ними была достаточно слаба.

Наибольшую активность в вопросах миссионерства и крещения окружающих народов в этот период проявила Священная римская империя. Германская империя воспринималась ее создателями как наследница Римской империи, универсалистское наднациональное государственное образование. Высшая власть в ней должны были осуществлять император и папа [13, с. 187]. Империя мыслилась ее идеологами центром мира, как Рим Античности, и все государства представлялись как подданные империи, задачей светской власти являлся возврат всех принадлежащих Риму земель в состав империи, задачей же власти духовной являлось несение в мир христианской веры, а потому епископы становились носителями и проводниками политики империи [10, с. 58]. Церковная миссия рассматривалась как одна из главнейших задач империи и была направлена на создание на территории государств, лежащих за пределами непосредственных границ Германской империи, церковной организации, руководимой немецкими епископами [20, с. 313].

Империя объявляет своей сверхполитической целью собрать римское наследие и христианизировать варварский «постримский мир», включив его в «свое» пространство. С X в. распространение христианства сделалось в большей мере, чем раньше, непосредст-

венной задачей светских правителей, и прежде всего императора как воплощения единства западно-христианского мира [14, с. 44].

К этому времени была разработана и общая «стратегия обращения» язычников, включавшая в себя целый ряд как «военных», так и «мирных» аспектов. И перед тем как использовать «вооруженные методы введения христианства», необходимо было рассказать язычникам о новой религии, подготовить паству к обращению, а уже если она будет упорствовать в своих идолопоклонских заблуждениях, то возможно и даже необходимо вооруженное вмешательство для их же пользы и торжества христианства [6, с. 22]. Деятельность латинских миссионеров должна была опираться на поддержку духовных и светских иерархов и на желание местных властей принять ее. В данной ситуации оказывались очень важны подготовительные шаги для распространения новой веры – проповедь среди язычников, династические браки, в результате которых князь-язычник получал жену-христианку с условием, что сам примет крещение, так как изначально языческая периферия христианского мира, сохраняя свою независимость, обычно воспринимала христианство не иначе как веру чужой страны, от которой можно ожидать угрозы для своей родины и веры [14, с. 30].

По мнению многих исследователей, акт официального крещения воспринимался принимавшими его государственными деятелями в первую очередь как шаг политический, причем по преимуществу внешнеполитический. При выборе «центра крещения» всегда оказывалась важна внешнеполитическая конъюнктура. Так, вторжение венгров в Центральную Европу и падение Великоморавской державы сделали земли, занятые западными славянами, отрезанными от Балкан и Византии, усиление в X в. Германского королевства сделало вопрос об отношениях с ней важнейшим для западнославянских государств, а принятие христианства из Рима затрудняло для Германской империи экспансию против восточных соседей.

Вероисповедальный фактор по мере усиления религиозной полемики между католичеством и православием, хотя и осложнял международную обстановку на европейском континенте, все же не был главной доминантой развития международных отношений, а находился в тесной зависимости от деятельности политических и религиозных центров христианского мира [4, с. 9].

В деятельности Германской империи в Восточной Европе следует отметить активную миссионерскую политику, форпостом кото-

рой выступает в этот период Магдебургская епископия. Империя организывает миссии в Польшу, Венгрию, на Русь (епископы Адальберт и Рейнберн), а также даже пытается крестить кочевых печенегов и половцев (миссия Бруно Кверфуртского).

Однако при наличии определённых успехов западные источники всегда признавали, что миссионерство в восточных землях является делом трудным и опасным. Западные христиане в деле крещения стран смогли продвинуться только на территории, непосредственно примыкавшие к Германии – в первую очередь в Польское королевство (966 г.) и Венгрию (около 1000 г.), но на более отдалённых территориях (той же Руси) успехов не добились [27, с. 208].

Другим центром «экспорта веры» традиционно была Восточная Римская, или Византийская, империя. Византийская империя, «Империя ромеев», к концу I тысячелетия н. э. оставалась не только старейшим государством известного мира, наследницей Римской империи, но и наиболее мощным культурным и политическим центром обозримой ойкумены, перекрестком культур. Восточная Римская империя продолжала оставаться в глазах современников недостижимым идеалом вселенского государства, совмещая в себе две основные и определяющие ценности Средних веков – традицию и веру. Для средневекового сознания империя и связанная с ней римская имперская традиция были воплощением вселенского идеала жизни. Именно империя, по представлениям авторов Средних веков, могла гарантировать своим подданным стабильность и неизменность, защиту от всех возможных бед. Идеальная империя и ее столица – Константинополь является для ее подданных осью, вокруг которой вращаются все страны и народы [15, с. 26].

Империя строилась не на принципах власти того или иного народа, для нее не было грека, армянина, сирийца, руса, болгарина, а были только подданные. Официально считая себя преемниками римлян, «ромеев» не вкладывали в этот термин никакого этнического содержания, кроме содержания конфессионально-политического [16, с. 166]. Империя стремилась не зависеть от тех, кто ее населяет, она, по замыслам ее идеологов, должна была управляться законами и традициями, принесенными еще из римской древности.

На основе религиозно-идеологических установок Византия четко делила всех, с кем сталкивалась, на «варваров» и «христиан». Каждый из этих типов подразумевал определенный уровень отношений, значимых для империи. «Варвары» и «христиане» рассматривались

как противоположные оценки людей и народов. Стереотипы византийцев строились вокруг двух основных составляющих – политической силы государства и христианской православной веры. Для Византийской империи политика и вера во все времена ее существования мыслились как нечто единое и одновременно вытекающее одно из другого. Вероисповедальный признак является для средневековых народностей важным фактором самосознания [28, с. 295]. Вера, по мнению исследователей Византии, создавала саму возможность начала политических взаимоотношений и определяла место того или иного народа в системе государств, входящих в империю. Одновременно официальное признание Византийской империей самого факта существования народа как отличного от всех других нужно было заслужить, а зачастую – просто завоевать. Иначе он не попадал в поле зрения византийских авторов.

Христианство было главной скрепой империи, оно объединяло различные народы в ее пределах, укрепляло и придавало законность власти [17, с. 37]. Столица Византии мыслилась не только Вторым Римом, но и Новым Израилем, то есть Землей Обетованной, а сами византийцы – новым избранным народом [11, с. 110]. Империя представлялась византийским авторам прообразом и подобием Царства Небесного, стражем истинной православной веры, предназначенным исполнять эту роль до последних дней и прихода Антихриста [23, с. 289].

В представлениях о себе и окружающих народах действовала иерархическая система, по которой все народы образуют семью в рамках единой христианской Римской империи под скипетром Христа, представителем которого на земле провозглашается Римский император, обретающийся в столице мира, центром которой был императорский дворец, понимаемый как святилище. Представление о централизованной иерархической структуре мира сохранялись на протяжении всего существования Византийской империи, причем эта система существовала не только в представлении византийцев [18, с. 126].

По представлениям византийцев, за пределами *Pax Romana* = *Pax Christiana* мир является одновременно иноверным (неверным), инокультурным (варварским) и к тому же беззаконным, не мир, не космос, а хаос, «тьма внешняя» [17, с. 40]. Отношения с варварами рассматривались византийцами как вынужденная мера. Существование варваров – как некое скандальное нарушение власти императора

над ойкуменой. Поэтому все варвары идеально и потенциально признавались подданными Византии. И если их земли сейчас находятся вне ойкумены, то это лишь результат пощущения Божия и божественного домостроительства, но когда-нибудь им придется признать власть императора [17, с. 290].

Христианизация других народов рассматривалась имперскими идеологами как способ «замирения» и «подчинения» внешних варваров (таким образом, одновременно она выступала еще и как средство дипломатического давления), включения их в систему ойкумены [8, с. 172], то есть еще и как способ структурирования «своего» пространства, его отделения от «чужого» и «еще ничейного».

Язычество в глазах греков являлось «непорядком», доказательством ничтожества варваров и возможностью за счет христианской миссии устранить несоответствия между «всемирной империей» и реальностью. Одновременно проработанная в теории идея миссии не имела экспансионистской направленности, как на Латинском Западе, и не была сведена в систему. Исследователи говорят о том, что греки не были активны и последовательны в распространении христианства. Крещение варваров, зачастую выгодное для Империи с практической точки зрения, в теории обставлялось Византией как «уступка варварам» и «снисхождение Империи к прозябающим во мраке народам». Крещение (как и признание) должны были заслужить варвары, они сами должны были стремиться в Империю.

После крещения и официального принятия народа в Империю от него требовали жизни по христианским и имперским нормам и правилам, не делая никакой скидки на варварское происхождение [7, с. 25]. Здесь, возможно, действовал своеобразный «переключатель стереотипов»: не бывает подданных «наполовину» или же варваров «наполовину» – ты или один, или другой. «Промежуточных типов» или времени «на адаптацию» не должно было быть.

Крещение было для Империи актом признания народа «существующим», оно включало народ в систему культурной имперской жизни. С этого момента народ «официально» переставал быть «варварским» в строгом смысле, но теперь он сам, своим поведением и делами во славу веры должен был доказать свою «культурность» и преданность Империи и ее идеалам.

Византийская империя видела себя всемирным надгосударством и продолжала претендовать на все территории, когда-либо принадлежавшие Риму [15, с. 27]. Именно поэтому император в глазах ви-

зантийских авторов является верховным и единственным правителем [29, с. 5]. Все остальные правители должны быть если и не назначены им напрямую (как управители определенных территорий, по большому счету – более или менее крупные чиновники Империи или в крайнем случае – ее союзники), то хотя бы править с его согласия [15, с. 26]. Само пожалование имперских титулов, то есть выделение отдельных государей из общего круга также было возможностью, хотя бы и идеальной, показать свое влияние среди правителей «византийского круга» [23, с. 292]. Империя выстраивала четкую идеальную вселенскую систему иерархии государств и правителей, как их персонификаций, по отношению к себе. Весь мир в идеале является территорией империи, а значит и все люди – подданными императора Византии [3, с. 4].

Византия не исповедовала идеалы «священной войны». Византийский экспансионизм и создание системы государств-сателлитов и федератов преследовал цели обороны империи, возвращения потерянных земель, а не присоединения новых. Реально оценивая свои силы, Византия стремилась к сохранению системы международного равновесия всеми возможными путями [12, с. 66].

В силу столь своеобразного понимания вопросов веры и последовавшего кризиса во второй половине XI в. (после битвы при Манцикерте 1071 г.) успехи Византии в этот период были достаточно невелики – удалось окончательно закрепить за собой Русь (официально крещеную в 860 г., но реально в конце X – начале XI в.), миссионеры действовали в Венгрии и на Северном Кавказе, но там больших результатов достичь не удалось.

Третьим значимым центром распространения «мировых» религий был Багдадский халифат. С политической точки зрения IX–XII вв. для Востока это время распада Арабского халифата на ряд государственных образований. X в. ознаменовался окончательным распадом единого мусульманского мира в духовном и политическом смысле: появляются новые халифаты, соперничающие с Багдадским (Омейяды в Испании (929–1031, с перерывами) и Фатимиды в Египте (909–1171)); внутри самих государств начинается дробление, сводящее на нет как власть прежнего халифа, так и власть его новых соперников [1, с. 272].

Арабская экспансия на определённый период приостановилась и «мусульманский регион» замкнулся в себе и собственных проблемах, а на окраинных территориях даже начал «сжиматься» под на-

пором немусульманских народов и государств. Исламский мир в целом еще обладал большим военным потенциалом, но большая часть сил оказывалась направлена не на присоединение новых территорий, а на удержание и передел старых.

Арабский мир был в достаточной степени отдален от основных территорий Восточной Европы и не граничил с древнерусскими землями. Самым близким из активных «регионов ислама» оказывалась Средняя Азия (Бухара и Хорезм) [2, с. 9].

Однако с начала X в. (922 г.) Волжская Булгария принимает ислам как государственную религию и становится форпостом мусульманского мира в Восточной Европе. Ислам в этот период активно распространяется по Северному Кавказу и Поволжью. Волжская Булгария превращается в центр ислама в Восточной Европе и была признана халифатом как страна исламского мира [9, с. 45]. А сами булгары с этого времени становятся активными проповедниками ислама в регионе.

Еще одним религиозным центром Восточной Европы выступал Хазарский каганат до конца своего существования в 960-х гг. В период наибольшего расцвета его границы простирались от Кавказа до Камы и от левых притоков Волги до Днепра. В IX–X вв. каганат выступал политическим и экономическим гегемоном Восточной Европы, подчинившим себе все окрестные народы – северяне, радимичи, поляне, вятичи, венгры (до своего ухода на запад), огузы, волжские булгары, аланы были данниками или вассалами каганата. В его руках находились все торговые пути региона. Хазария пыталась создать свой «центр притяжения» и в религиозном плане – приняла иудаизм как государственную религию, чтобы не зависеть в идеологическом плане от «великих держав» – Византийской империи и Арабского халифата.

Принятие иудаизма как религии, обладавшей на тот момент достаточно большим влиянием и связанной с получением больших торговых выгод, не могло не усилить политического авторитета хазарских правителей [19, с. 181]. Существуют расхождения в определении времени принятия хазарами иудаизма – это событие в источниках относят как к концу VIII в., так и к 861 г. [21, с. 237], но эти расхождения не влияют на конечную оценку политического положения каганата среди окружающих его держав Восточной Европы.

Иудаизм никогда не связывался с насильственным принятием, и в Хазарии господствовала, хотя бы до первой половины X в., веротер-

пимость. Скорее всего, она была частью государственной политики, нацеленной на приобретение максимальных прибылей от международной торговли, и таким образом, были созданы все условия для торгового преобладания.

Хазария не выступала как жестко структурированная держава и не имела идеологического и политического центра, почти целиком подчинив себя торговле и торговым интересам. Этим она проигрывала окружающим теократическим империям, но это же обстоятельство позволяло Хазарии играть на противоречиях, всегда сохраняя пространство для маневра. Хазар вполне устраивало язычество окружающих племен, а сама идея миссионерства не была свойственна иудейской традиции [24, с. 92]. Но кроме очевидных торговых выгод, принятие иудаизма связывают и с гражданской войной и, таким образом, началом распада каганата, так как, по мнению Плетневой, новая религия разъединяла население [26, с. 67]. Иудаизм как достаточно специфическая религия и сама внешняя политика каганата, а также и его структура постепенно превращали его в изолированное в политическом смысле государство без надежных союзников, но со все усиливающимися соперниками, для сдерживания которых требовалось все больше сил, что вело к истощению каганата.

Ситуация с «хазарским барьером» меняется только к X в., когда Хазарский каганат начал слабеть. В первой половине X в. Хазария неуклонно шла к упадку и теряла свой политический вес. Иудаизм с падением Хазарии сохранился лишь в небольших локальных колониях в Крыму и на Северном Кавказе [22; 26].

Таким образом, мы видим, что различные религиозные центры действовали в Восточной Европе в нескольких направлениях. Действия их в основном были успешны – мировые религии приняли Польша, Венгрия, Русь, Волжская Булгария и Нижнее Поволжье, в Великой степи некоторые роды кочевников по сообщениям источников принимали различные религии. Но во многих случаях принятие веры было формальным, во многих регионах длительное время сохранялось двоеверие (до XIII–XIV вв.). А что касается основного населения Великой степи, Прибалтики, Финляндии, Среднего Поволжья и Приуралья, то оно продолжало исповедовать традиционные верования. Новообращенные государства и страны были в большинстве случаев в этот период еще слабы для планомерной миссионерской деятельности.

Список литературы

1. Альфан Л. Великие империи варваров. М., 2006.
2. Арапов Д. Ю. Мусульманский мир и Восточная Европа // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 2006.
3. Арутюнова-Фидонян В. А. «Рузы» в Закавказье (X век) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988.
4. Головкин А. Б. Древняя Русь и страны Центральной и Западной Европы: проблемы религиозно-политических и межгосударственных отношений // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. М., 1987.
5. Горский А. А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
6. Долгов В. В. Языческое противодействие христианизации в Западной Европе в раннее средневековье // Вопросы истории. 2007. № 1.
7. Иванов С. А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге II тысячелетия. М., 2002.
8. Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина. М., 1996.
9. Измайлов И. Л. Хазарский каганат и Волжская Булгария в конце IX – начале X в. // Хазары. II Международный коллоквиум. М., 2002.
10. История Европы. Т. 2. М., 1992.
11. Каждан А. П. Византийская культура X–XII вв. М., 1997.
12. Калашников В. Д. Византия и Русь: проблемы устойчивости. Красноярск, 1999.
13. Колесницкий Н. Ф. Исследования по истории феодального государства в Германии. М., 1959.
14. Кузнецова А. М. Миссии Латинской церкви: опыт христианского Запада и Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже II тысячелетия // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге II тысячелетия. М., 2002.
15. Левченко М. В. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в I половине X в. // Византийский временник. Т. IV. М., 1953.
16. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы одного столетия. 976–981 гг. М., 1977.
17. Медведев И. П. Империя и суверенитет в Средние века // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.
18. Медведев И. П. Роль Византии в средневековом мире христианском мире вообще и в христианизации Руси в частности // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование идеологии и культуры до XVII в. М., 1997.

19. Михеев В. К., Тортика А. А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим; М., 2005.

20. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001.

21. Науменко В. Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX в. // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим; М., 2005.

22. Новосельцев А. П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в Средние века // Вопросы истории. 1989. № 9.

23. Оболенский Д. С. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Наука, 1998.

24. Петрухин В. Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим; М., 2005.

25. Петрухин В. Я. Христианство на Руси во II половине X – I половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге II тысячелетия. М., 2002.

26. Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.

27. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

28. Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985.

29. Ostogorsky G. The Byzantine Emperor and the Hierarchical Order // The Slavonic and West European Review. London, 1956.

М. В. Кузьмина

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СВЕДЕНИЙ НЕОДНОРОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ (ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ XIV–XV ВВ.)

Аннотация: В статье рассматривается проблема анализа сведений неоднородных источников, т. е. источников, которые не относятся к одному жанру, способу изложения материала, целеполаганию. Более того, смысл понятий, которые используют авторы для обозначения одного и того же явления, может отличаться, даже если авторы являются современниками. Исследователь, работая с такими источниками, должен прежде всего определить критерии, согласно которым он будет анализировать информацию таких источников, чтобы осмыслить её в едином ключе и сделать необходимые выводы. Для этого им используется такой метод научного исследования, как интерпретация. Интерпретация даёт возможность анализиро-

вать сведения источников в соответствии с современным научным знанием и поставленными самим исследователем научными задачами.

Ключевые слова: неоднородные источники, анализ, критерии, интерпретация, смысл.

M. V. Kuzmina

PhD (History), Senior Researcher,

Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF HETEROGENEOUS SOURCES (FRENCH SOURCES XIV–XV CENTURIES)

Abstract: Article is devoted to the problem of the analysis of the information that is in the heterogeneous sources, i.e. the sources that are different in genre, purpose and method of presentation. Moreover, the semantics of the similar notions can be different in these sources though authors are contemporaries. Researcher has to define criteria for the analysis the information of such sources to comprehend it in a single way and to make all necessary conclusions. So researcher uses a method of the interpretation. It's an interpretation that gives an opportunity to analyze information sources according to the modern scientific knowledge and to the researcher's scientific purposes.

Keywords: heterogeneous sources, analysis, criteria, interpretation, meaning.

Историк, анализируя исторические источники, подвергает их сведения индивидуальной интерпретации, с помощью которой придаёт им смысл, соответствующий современным теоретическим представлениям. Однако порой не учитывается то, что данные даже близких по времени создания и по происхождению источников могут и не рассматриваться как совокупность однозначных по выражению и смыслу сведений. Интерпретация даёт возможность не только понять данные источников в соответствии с достигнутым на данный период уровнем знания, но и позволяет упорядочить их в соответствии с определёнными критериями [2].

Необходимость интерпретации со стороны современного исследователя обуславливается тем, что при анализе неоднородных источников (источников, не относящихся по жанру и целям к одной и той же группе) встаёт вопрос поиска соответствующих приоритетов в субъективных по характеру источниках, а следовательно, и выяснение смысла, вкладываемого авторами источников в используемые ими понятия. Форма изложения материала, построение текста, своеобразное понимание разными авторами происходящих событий, явлений, особенности их социальной ориентации и самоиден-

тификации означают, что массив исторических источников не составляет однородную совокупность. Каждый исторический текст в отдельности заслуживает своего источниковедческого анализа, понимания и интерпретации, которые исследователи осуществляют с учётом современного уровня исторического знания.

Проиллюстрируем возможности интерпретации на сопоставлении двух средневековых нарративных французских текстов, относящихся к концу XIV в. и первой половине XV в. Цель сопоставления – показать различное понимание авторами источников социальной самоидентификации при их возможной принадлежности к одному и тому же или близкому по положению социальному слою. Критерием для анализа послужил концепт «свой» – «чужой». Эта дихотомия является одной из основных в ментальных установках людей различных эпох, поскольку, по словам Ю. М. Лотмана, всякая культура начинается с разграничение мира на внутреннее («своё») пространство и внешнее («их»). При этом границы могут иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо другой характер [3]. Большую роль в формировании таких концептов играет личный опыт человека.

Первый из сопоставляемых текстов – “Le Ménagier de Paris” [11] (условный перевод – «Парижский домохозяин»), второй – “Journal d’un bourgeois de Paris” («Дневник буржуа Парижа» или «Дневник парижского горожанина»). Автора в исторических исследованиях часто называют «Парижский горожанин», «Горожанин» [10]. Оба автора, оставшихся анонимными, принадлежат, как это принято считать в историографии, к сословию буржуа (хотя есть и другое мнение в отношении анонимного автора «Парижского домохозяина»). Имеется и другая, на мой взгляд, вызывающая сомнения, версия, согласно которой автор трактата был рыцарем. Я думаю, что, если даже он и являлся по происхождению рыцарем, он вёл жизнь парижского буржуа, представители которой входили в эту эпоху в верхушку городского населения и сами стремились во многом вести жизнь, характерную для представителей знатного сословия. Во всяком случае, его положение в обществе определяло и его поведение. Исследование Н. Кроссли-Холланд, согласно которому автор трактата – рыцарь, построенное также на косвенных доказательствах, не показывает, чем же именно его образ жизни отличался от образа жизни богатых буржуа [9]. Термин «буржуа» мог иметь самое широкое значение, относясь ко всем горожанам или даже – ко всем

ротюрье (людям незнатного происхождения. – М. К.). Его значение могло быть еще более узким: так называли состоятельных горожан, отошедших от торговли и ремесла [8, с. 94–97]. Автор «Дневника» – Горожанин, например, сам о себе говорит как о человеке, имеющем отношение к Парижскому университету [10, р. 381, 385], называя его “*nostre mere*” [10, р. 385], но кто он по происхождению – мы не знаем. Как бы там ни было, анализ обоих текстов позволяет нам предположить, что их авторы или принадлежали к сословию буржуа, или были очень близки с его представителями, что во многом определяет и их понимание «своих» и «чужих». Однако их возможная принадлежность к сословию буржуа и к жителям Парижа (заметим ещё раз, образованным кругам парижан) не свидетельствует об их общности в том, как они идентифицируют себя и своё окружение.

Свой «Дневник» анонимный парижский горожанин вёл в весьма трудных внешних обстоятельствах: Столетняя война вылилась в оккупацию большей территории Франции, усугубляющуюся междоусобицей между сторонниками арманьяков (сторонников дофина) и бургиньонов (сторонников герцогов Бургундских), фактически вылившуюся в гражданскую войну; голод и болезни в самом Париже – всё, чему он стал свидетелем. Патриотическое чувство, зарождение которого историки относят как раз к этому периоду, у Горожанина имело специфические черты, обусловленные (и характерные в целом для этого исторического периода) тем, что для него интересы своего города стоят на первом месте. Меняя политическую позицию от сторонника герцога Бургундского и противника арманьяков до отхода от герцога и перехода на сторону дофина Карла – будущего Карла VII, он оценивал поступки тех или иных политически деятелей сначала с точки зрения пользы для Парижа. И именно от того, что и как делается для Парижа тем или иным лицом, зависит отношение к нему Горожанина.

Именно парижане для него – это «свои», а все остальные жители Франции – «чужие». Франция же чаще всего в его рассказах – это районы, близкие к столице, т. е. фактически домен короля с центром в Париже. В середине XV в. существовало мнение, что Франция протянулась от морского побережья Фландрии до границ с Наваррой, затем по Пиренеям до Нарбонны; на востоке – по Роне до Средиземного моря [12, р. 199]. Но о территориях отдалённых в дневнике говорится с чужих слов. Таким образом, парижане и французы для автора дневника не совсем одно и то же.

Ещё более откровенно в качестве «чужих» он воспринимает людей – не французов, под которыми можно понимать и англичан – врагов, и людей, чуждых автору этнически. Встреча с цыганским табором вызывает у него смешанное чувство недоверия, брезгливости, замешанное также и на характерном для средневекового общества настороженном восприятии всего непонятого и непривычного [10, р. 220–221]¹. «Чужие» во всех отношениях люди были ещё и опасными людьми из-за их приверженности колдовству. Известно, что человек, обвинённый в колдовстве, едва ли мог рассчитывать на оправдательный приговор [6, с. 85]. В облике «чужого» присутствовал элемент опасности.

Под «чужими» можно было бы понимать и сарацинов (Sarazins – так называли после крестовых походов всех мусульман), с которыми автор сравнивает всех врагов французского королевства. Эту метафору он применяет всякий раз, когда нужно описать совершаемые ими жестокости.

В этой связи особо ярко на протяжении почти всего дневника в качестве опасных «чужих» выступают англичане и их король, от которых всегда следует ждать неприятностей (1411 г.): «...не имели (в Париже) никаких новостей о герцоге Бургундском, и предполагали, что он или умер, или отправился к англичанам в Англию преда-

---

¹ “...Et vray est que les enfans d’icelx estoient tant habilles filx et fillex que nulz plus, et le plus et Presque tous avoient des deux oreilles perceés, et en chascun Oreille ung anel d’argent ou deux en chascune, et disorient que ce estoit gentillesse en leur país. Item, les hommes estoient tres noirs, les cheveux crespez, les plus laides femmes, que on peust veoir et les plus noires; toutes avoient le visage deplaié, chevelx noirs comme la queue d’un cheval, pour toutes robes une vieille flausoioie tres grosse d’un lien du drap ou de corde liée sur l’espaule, et desssoubz ung povre roquet ou chemise pour tous paremens. Brief ce estoient les plus povres creatures que on vit onques venire en France de aage de home. Et neantmoins leur povreté, en la compaignie avoit sorcieres qui regardoient en mains des gens et disoient ce que advenu leur estoit ou à advenir, et mirent contans en plusieurs mariages, car elles disorient (au mari): “Ta femme (ta femme t’a fait) coux ou à la femme: “Ton mary t’a fait couple”. Et qui pis estoit, en parlant aux creature, par art magique, ou autrement, ou par l’ennemy d’enfer, ou par entregent d’abilité faosoient vuyder les bources aux gens et le mettoient en leur bource, comme on disoit. Et vraiment, je y fu III ou IIII foys pour parler à eulx, mais onques ne m’a aperceu d’un denier de perte, ne ne les vy regarder en main...”

вать...» [10, р. 14]. Или: «В это время не было никаких новостей, кроме как о том зле, что творят англичане во Франции, ибо из-за дня в день они захватывали города или замки и лишали всё королевство Францию богатств и людей, всё увозя в Англию...» [10, р. 129]².

Однако мир в Труа, заключённый между Францией и Англией 21 мая 1420 г., делавший английского короля Генриха V наследником французского короля Карла VI, и заключению которого способствовал герцог Бургундский Филипп Добрый, тем не менее не вызвал всплеска эмоций у автора «Дневника». Он не дал никакой оценки этому событию, хотя некоторые исследователи отмечают, что «...в среде парижан царилась радость по поводу заключённого перемирия» [5, с. 318]. Тем не менее мы в записях за этот год уже не встретим ничего враждебного по отношению к англичанам. Напротив, автору пришлось принять то, что свершилось, поскольку это произошло от имени легитимного короля: «...наши французские сеньоры, а именно: король Франции, король Англии, обе королевы, герцог Бургундский и некоторые другие... въехали в Париж в блестящем великолепии...» [10, р. 144]³.

Но даже и «свои» могли быть опасными, если принадлежали к колдунам или еретикам – изгоям общества. Модальность этой пары – «свой» – «чужой» – зависит от конкретного опыта человека и исторических обстоятельств. Так, подвергая сомнению мнение о чудодейственности корня мандрагоры для желающих разбогатеть, Горжанин пишет: «...но если люди очень и надеялись обогатиться в будущем таким способом, то это происходило из-за дурного совета некоторых старух, полагающих, что всё знают, когда толкают на подобные злые поступки, которые есть колдовство и ересь» [10, р. 236]⁴. Богатство могло, таким образом, восприниматься как

---

² “En ce temps n'estoit nouvelle fors que du mal que les Anglois faisoient en France, car de jour en jour gaignoient villes et chasteaux, et minoient tout le royaume de France de chevanche et gens, et tout envoyoient en Engleterre...” (1419).

³ “...noz signeurs de France, c'est assavoir, [le roy de France], le roy d'Angleterre, les deux royens, le du de Bourgongne, ... et plusieurs autres signeurs... entrerent à Paris à grant noblesse...”.

⁴ “...mais tres gtant esperance avoient qu'ilz les eussent faictz moult riches ou temps avenir, par le mauvais conseil d'aucunes vieilles femmes qui trop cuident savoir, quant elles se boutent en telles mechancetés, qui sont droictes sorceries et heresies”.

нечто ненормальное, если было сопряжено с запретным, осуждаемым социумом и тогда человек становился «чужим». Даже люди, близкие к автору дневника по своему положению и образованию, т. е. те, кого можно было бы считать «своими», могли перейти в разряд «чужих», если что-либо в их положении или поведении выходило за рамки нормативного и понятного.

Так, оценивая способности одного молодого человека, выступавшего в университете и знавшего несколько языков; умевшего играть на всех музыкальных инструментах, рисовать, украшать миниатюрами, петь, исполнять вариации на тему пения, который «знал все семь свободных искусств» и являлся мэтром искусств, мэтром медицины, доктором права, доктором теологии, автор «Дневника» заключает: «...правду сказать, он нам внушил великий страх, так как он знал больше, чем могло человеческое существо... Мы читаем в Писании, что Антихрист будет рождён случайно от отца христианина и матери – еврейки, которая будет представляться христианкой, ...но сначала будет рождён от дьявола..., и что все молодые люди, будь то женщины или мужчины, изменят свой обычный образ поведения как через гордыню, так и через сластолюбие, и будет великая ненависть к знатым сеньорам (*grans signeurs*) из-за того, что те будут очень жестоки к простому люду (*menu people*)... Вся эта учёность будет происходить от дьявола, а он её будет представлять происходящей от природы...» [10, р. 381–382]⁵. Всё, что непонятно, автор пытается объяснить через привычное, через некие схемы, но на деле смысловое наполнение концепта «свои» и «чужие» оказывается зависимым от многих факторов.

В целом дифференциация и жителей Парижа, а не пришельцев, которые вначале всегда воспринимаются как чужаки, у автора «Дневника» довольно смазана. В этом смысле его представления характерны для горожан XIV–XV вв.: как правило, разделение на-

---

⁵ “Item, toute sa science sera de par le dyable, et il cuidera qu’elle voit de par nature... se ung homme pouvoit vivre c ans sans boire, sans menger et sans dormir, il ne auroit pas les sciences qu’il scet... et pour certain il nous fist tres grant freour, car il scet plus que ne peut savoir nature humaine... Et nous avons en Escripiture que Ante-Crist sera engendré en advoiture de pere chrestian et de mere juive, que se faindra chrestienne...sera né de par le deable en temps de toutes guerres... Item, toute sa science sera de par dyable, il cuidera qu’elle soit de par nature...”

селения города на две группы, обозначающиеся весьма расплывчато. Первая группа – зажиточные слои – *les gros, les granz richez homes, richez peoples, bourgeoisie*; вторая – те, кто выступает как *menu peopple, commun peopple, menuz gens, le commun, le peopple* [4, с. 103]. В «Дневнике» основная масса парижского населения выступает в качестве обезличенной толпы. Эти абстрактные группы – богатые – средние – бедные («...знатные ненавидели друг друга, средние (моуенс) были обременены денежными поборами, а самые бедные не находили способа заработать» [10, р. 43]⁶) – и есть парижане, среди которых живёт автор «Дневника». Но пересекается лишь с немногими и для обозначения которых он пользуется такими определениями как *menu peopple, pouvre gens, pouvre plebstres, le commun, foule*, а для зажиточных слоёв – *les gros, richez, bourgeoisie, gentil*. Однако нужно сказать, что эти последние уже не такая обезличенная масса, у этих людей есть имена: когда автор говорит об именитых купцах, эшевенах, прево. Это высший слой парижского населения, с которым Горожанин наиболее часто, вероятно, вступает в непосредственный контакт. Его, например, весьма затрагивает и удручает то, что король и знать мало уделяют внимания Парижу и нуждам его жителей.

Горожанин демонстрирует в целом неопределённое понимание сословности, трактуемое им как высокое или низкое положение, смешивая половую, социальную и профессиональную характеристики. Вот, например, запись за 1423 г.: «*В феврале все парижане: буржуа, домашние хозяйки, возчики, пастухи, свинопасы, горничные и другие присягнули герцогу Бедфорду, регенту Франции...*» [10, р. 182–183]. Или: «*В понедельник на Пасху парижане всех сословий: священники, писцы и другие начали чистить улицы...*» [10, р. 77].

Когда автор дневника высказывается относительно роли дворянства в войне с Англией и в связи с другими политическими событиями во Франции, воспринимающимися в свете переживаемых им самим и парижанами в целом несчастий, он использует очень общие определения: «...народ хотел мира, тогда как дворяне (*les gentilzhommes*), которых он ненавидел, желали только войны» [10, р. 112–113]. Дворянство, к которому автор дневника не принадлежит, всё же является необходимой частью сословной структуры со-

---

⁶ «...les grans s'entrehayaient, les moyens estoient grèves par sussides, les tres pouvres ne trouvoient où gaigner”.

временного ему общества, и он действительно сожалеет о погибших французских рыцарях в битве при Азенкуре (25 октября 1415 г.). В этом смысле они могут считаться «своими» в расширительном смысле, в противопоставлении с англичанами, хотя, по сути, дворяне для него, конечно, «чужие» (1419 г.): «...а знатные французские сеньоры в гордыне восприняли от англичан всё: совершать святотатство 100 раз на день, грабить церкви, есть мясо по пятницам (в особенности), насиловать женщин, девушек и монахинь, сжигать мужчин и детей...» [10, р. 129].

«Колеблющейся» позиции он придерживается по отношению ко всем, кто нарушает установленный миропорядок, будь то дворяне, призванные защищать и не защищающие, советники короля, обязанные давать правильные советы, но на деле дающие дурные советы: «Париж управлялся gros, полными жадности, всегда в согласии с сеньорами и без сострадания к народу, столь бедному» [10, р. 189]⁷. Такие люди становились «предателями», а статус предателя переводил человека в положение «чужого». При этом стоит учитывать такой интересный момент как стремление богатых буржуа занять более высокое социальное положение через аноблирование, т. е. получение дворянства от короля. Эта попытка проникновения в «чужой» социальный слой и изменения своего статуса в XIV–XV вв. носила характер выраженной тенденции.

Хронологически автор «Парижского домохозяина» (“Le Ménagier de Paris” [11]) писал несколько раньше автора «Дневника парижского горожанина», на позицию которого, бесспорно, очень сильно повлияла политическая обстановка, меняющаяся постоянно расстановка сил между враждующими партиями, личные интересы. Время его создания – 1392–1394 гг. – совпало с относительно спокойным периодом в ходе Столетней войны, а материальное положение автора позволяло ему и его семье вести спокойную и умиротворённую жизнь. Отсюда и характер записей – спокойный и не окрашенный политически, главной целью которых было поучение супруги.

Судя по некоторым замечаниям, он и его отец были близки к адвокатским кругам Парижа. Как это следует из текста, круг его общения – образованные люди, занимающие высокое социальное по-

---

⁷ “Ainsi estoit le peuple gouverné par la malle et convoitouse volenté de gros, qui gouvernoient Paris, qui touzjours estoient avec les seigneurs, et n’avoient nulle pitié de povvre people, qui tant avoiet de povvreté”.

ложение. Но прежде всего это члены его «большой» семьи и поэтому в качестве «своих» автор «Парижского домохозяина» имеет в виду прежде всего свою семью и свой род – линияж (группы потомков (в том числе и мелкие группы), восходящие к одному предку, как по женской, так и по мужской линии). Источник ярко отражает личностно-субъективные особенности его автора, требующие от современного исследователя индивидуального подхода и индивидуальной интерпретации.

В отличие от автора «Дневника парижского горожанина» автор «Парижского домохозяина» вообще мало говорит о жителях Парижа, понимаемых как совокупность людей разных социальных слоёв, хотя и он рассуждает как парижанин, ориентирующийся в своих вкусах и притязаниях на представителей знати и короля, живущих в Париже. И хотя автор трактата не говорит прямо, к какому сословию он принадлежит, он постоянно упоминает о необходимости уважать и хранить доброе имя своего сословия – *estat*. Наравне с линияжем *estat* (которое можно перевести и как «сословие») играет роль расширенной семьи, каждый член которой должен был заботиться о сохранении её репутации. В средневековом обществе роль семьи, воспитывающей и защищающей своих членов, выполняли и профессиональные группы, формировавшиеся из людей одного сословия. Более того, во Франции в Средние века и в раннее Новое время, согласно исследованиям влияния регламентации на семейное положение и благосостояние ремесленников ремесленная мастерская, лавка торговца были в первую очередь семейным делом, и деление на «своих» и «чужих» проходило для корпораций по линии малой семьи. Это тем более было важно, что это деление в целом отличалось расплывчатостью и основывалось на корпоративности [1, с. 212–225].

Деление на «своих» и «чужих», как это уже отмечалось, для автора «Парижского домохозяина» проходит по линии «*estat*», именно это он имеет в виду, очерчивая круг дозволенного общения для своей супруги: «...мне довольно, чтобы вы поступали и служили так, как ваши добрые соседки поступают по отношению к своим мужьям, которые похожи на нас и из того же сословия (*estat*), и как ваши родственницы поступали по отношению к своим мужьям того же звания (*estat*), что и мы с вами» [11, р. 2–3]⁸.

---

⁸ «...sachez, chère seur, qu'il me suffist bien que vous me faciez au tel service comme vos bonnes voisines font à leur mariz qui sont pareilz à nous et de nostre

И это притом, что, по мнению буржуа, есть всё-таки то, что роднит разных людей, – это их общность по происхождению от Адама и Евы. Но и в этом случае эти люди находятся на периферии взаимоотношений в рамках пары «свой» – «чужой», поскольку понимание их в качестве «своих» оказывается чаще всего риторическим, следствием воспитания в христианских нравственных представлениях, ставших неотъемлемой частью представлений об устройстве миропорядка. Так, жена (и, видимо, все остальные члены семьи) должна уважать сначала близких родственников – отца и мать, своих предков, родных братьев и сестёр, мужа, а уж только потом – прочих благодетелей и господ, а также братьев и сестёр по Адаму и Еве [11, р. 32]⁹.

Таким образом, ощущение себя «своим» с другими людьми, не связанными ни кровными узами, ни семейными, ни сословными, весьма условно и на практике не так влияет на поведенческие стереотипы автора трактата. На деле все эти сёстры и братья и по Адаму и Еве, и во Христе являются гораздо более далёкими, чем родственники по крови и близкие по сословным связям.

Автор «Дневника» также исходит из понимания всех людей как братьев во Христе, но это влияет на самом деле только на его чувство сострадания к тем, кто в трудные времена вынужден страдать, голодать, умирать без возможности быть похороненным как подобает христианину.

Однако градация населения у Горожанина и автора «Парижского домохозяина» не совпадает. Так, оценивая поведение супруги в общепринятых параметрах, автор трактата всё-таки исходит из приемлемости её поступков лично для него, допуская нарушение поведенческого канона. В супружеских отношениях это было вполне возможно. Ведь и Жан Жерсон – крупный французский богослов XV в. – считал, что женатый человек не грешит смертельно, получая плотское удовольствие в браке, если хранит его честь [13, р. 100–104]. Буржуа идёт ещё дальше и оправдывает даже то, что в

---

estat et comme vos parentes font à leurs mariz de pareil estat que nous sommes”.

⁹ “mes amis qui sont de mon sang et de ma char, spécialement à mes père et mère et les prédécesseurs dont je suis venu, à mes frères et seurs naturels, à mon mary et autres bienfaiteurs et souverains, ne à mes autres frères et seurs d’Ève et d’Adam, car je n’ay nul autre prisié fors moy tant seulement”.

обычной жизни могло бы охарактеризоваться как колдовство – обольщение женщиной мужчины: *«Чтобы ни говорили, это не колдовство (ensorcellement) – это для страсти, приятностей, ласок, радостей и удовольствий, которые... женщины умеют доставить, и, честное слово, в этом всё их колдовство... Честное слово, я не считаю, что существует иной способ очаровывать..., невозможно лучше околдовать мужчину, как доставить ему удовольствие»* [11, р. 170–171]. Он при этом не уточняет, что конкретно понимается под колдовством. Ему важен результат, приятный ему. Согласно же общепринятому мнению, «бытовое» колдовство, весьма распространённое наравне с любовной магией, вело человека к Дьяволу, а на судебных процессах обвиняемому не полагался даже адвокат, поскольку он считался виновным a priori [7, с. 54–66].

Таким образом, оба автора анализируемых текстов, хотя условно и принадлежали к одному и тому же сословию парижских буржуа, по-разному решали одну и ту же проблему своей самоидентификации в обществе. Эти различия были обусловлены их разными ценностными ориентациями, хотя и осуществляемыми в рамках единых христианских установок.

Необходимость использования неоднородных источников, относящихся к одной исторической эпохе, заставляет исследователя искать критерии, по которым можно было бы сопоставить сведения, хотя в целом подобного рода источники могут содержать информацию, не относящуюся напрямую к теме исследования. Именно поэтому информацию источников исследователю необходимо интерпретировать с учетом накопленных исторической наукой знаний, применяя к анализу текстов определённые им самим критерии сравнительного анализа.

Список литературы

1. Кириллова Е. Н. Влияние регламентации на семейное положение и благосостояние ремесленников // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 23. М., 2008. С. 212–225.
2. Кузьмина М. В. Неоднородность сведений нарративных источников (на материале источников Франции конца XIV – начала XV в.) // Проблемы исторического познания. М., 2012. С. 143–153.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
4. Мелик-Гайказова Н. Н. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970.

5. Нуждин О. И. Договор в Труа 1420 г.: причины, условия, последствия // Античная древность и Средние века. 2001. Вып. 32. С. 318–327.
6. Тогоева О. И. «Ведьма» и её адвокат // Тогоева О. И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.
7. Тогоева О. И. Мужчина и женщина: две истории любви, рассказанные в суде // Тогоева О. И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.
8. Уваров П. Ю. Французы XVI века: взгляд из Латинского квартала. М., 1993.
9. Crossley-Holland N. Living and dining in medieval Paris. The household of a fourteenth century knight. Cardiff, 1996.
10. Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / ed. A. Tuetey. P., 1881.
11. Le Ménagier de Paris, traité morale et d'économie domestique, composé vers 1393 / ed. par J. Picnon. T. I, II. P., 1846.
12. Lewis P. S. La France à la fin du Moyen Age. P., 1977.
13. Rossiaud J. La prostitution médiévale. P., 1988.

А. А. Бельцер

кандидат исторических наук, доцент,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, Самара

МЕЖДУ АРИСТОКРАТОМ И КОРОЛЕМ? АДМИНИСТРАЦИЯ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI В.

Аннотация. Статья посвящена анализу состава мировых комиссий Нортумберленда и Камберленда в конце XV – первой четверти XVI в. В это время Тюдоры, придя к власти, должны были устанавливать свою власть в пограничном регионе. Генрих VII и Генрих VIII стремились включить в состав магистратов преданных короне людей, не имеющих корней в пограничных графствах или привязанных к новой династии различными пожалованиями. В то же время представители местной знати сохраняли определенные позиции в мировых комиссиях и могли влиять на их работу как лично, так и через своих родственников и клиентов.

Ключевые слова: мировые судьи, мировая комиссия, Дакр, аристократия, Тюдоры, англо-шотландское пограничье.

A. A. Belzer

candidate of the historical sciences, associate Professor
Samara National Research University, Samara

BETWEEN THE ARISTOCRAT AND THE KING? ADMINISTRATION OF NORTHERN ENGLAND AT THE END OF THE XV – THE FIRST QUARTER OF THE XVI CENTURY

Abstract: The article is devoted to the analysis of the personnel of the commissions of the peace of Northumberland and Cumberland at the end of the XVth – the first quarter of the XVIth century. At this time, the Tudors, having come to the throne, ought to establish their authority in the border region. Henry VII and Henry VIII sought to include in the magistrates of the Crown faithful people who had no roots in the border counties or were connected with a new dynasty with various awards. At the same time, representatives of local nobility kept certain positions in the peace commissions, and could influence their activities, both personally and through their relatives and clients.

Keywords: justices of peace, commission of peace, Dacre, aristocracy, Tudors, anglo-scottish border.

Проблема формирования централизованных (относительно) государств, опирающихся на более развитый по сравнению с предшествующими временами бюрократический аппарат, формирующуюся систему налогообложения, постоянную армию, занимает умы исследователей десятилетия [1; 2; 3]. Споры о сущности режимов приводят к появлению новых концептуальных названий (абсолютная монархия, новая монархия, ренессансная монархия). В качестве одной из важнейших составляющих нового режима историки отмечают отношения с аристократией. Представители знати долгое время были полновластными властителями обширных земель, особенно в периферийных регионах. Усиление королевской власти, стремление подчинить воле монарха все уголки страны, не могло не привести к столкновению с нобилитетом. Особенности выстраивания отношений правителей со сверхмогущественными подданными в каждом из государств имели свой колорит, также давно привлекающий внимание ученых. Одним из важных аспектов процесса вытеснения аристократов с прежних позиций была борьба за преобладание в местной администрации. Ослабить власть нобилитета значило уменьшить его влияние на персонал провинциальных судебных и административных структур, заменить преданных магнату людей на людей, верных монарху или его приближенным.

В английской монархии особое значение имели северные земли, граничащие с Шотландией. В условиях постоянной войны население пограничных земель вынуждено было уделять весьма большое

внимание военным навыкам, и местные лорды в ситуации политической нестабильности частенько своими военными контингентами оказывали влияние на то, кто будет сидеть на троне. Поэтому распространение всей полноты королевской власти на пограничные территории представлялось для монархии Тюдоров жизненно важным. В историографии давно идут споры по поводу степени контроля со стороны знати над системой управления пограничьем, необходимости вмешательства центральной власти в эти вопросы. Попробуем бегло рассмотреть, насколько отразились централизаторские (?) устремления первых Тюдоров на персонале местной администрации. Свое внимание мы сосредоточим на мировой комиссии, одной из ключевых структур в системе управления графством тюдоровской эпохи.

Мировые комиссии пограничных графств отличались от комиссий подобного рода на территории остальной части Англии редкостью издания и относительной малочисленностью персонала. При Генрихе VII для Нортумберленда было издано 8 комиссий, а для Камберленда – 5. За первые двадцать лет правления Генриха VIII в Нортумберленде список мировых судей менялся всего 5 раз, а в Камберленде – 6 [10, № 717, 1048, 3553, 5506; 11, № 249; 12, № 1084; 13, № 1610]. Для сравнения в Йоркшире только за период 1509–1514 гг. было издано по 7 комиссий в Восточном и Западном райдингах и 4 в Северном. Численность мировой комиссии была невелика. В Нортумберленде, например, за период 1485–1509 гг. она варьировалась от 8 человек до 17, а в 1510–1525 гг. от 21 судьи до 9 [10, № 717, 1048, 3553, 5506; 11, 2 № 249; 12, № 1084]. В Камберленде за тот же период она варьировалась от 11 до 18 человек за 1485–1509 годы и от 9 до 14 за 1510–1525 гг. В первой мировой комиссии Генриха VIII для Нортумберленда от 29 ноября 1512 года числился 21 судья [10, № 3553], согласно второй от 18 октября 1514 года – 13 [10, № 5506]. В комиссии 1515 года упоминается только 9 мировых судей [11, № 249]. Лишь после смещения Томаса, барона Дакра с поста генерального стража и создания Совета герцога Ричмонда в мировую комиссию от августа 1525 года был включен 31 человек [13, № 1610].

В Нортумберленде, в первую мировую комиссию Генриха VII, в сентябре 1485 года входил Генри Перси, 4-й граф Нортумберленд, и его клиента. Однако, как отмечает К. Этти, в течение последующих двух лет многие сторонники Перси получили королевские пожалова-

ния – должности или пенсии [8, с. 111]. Так, Ричард Нил стал судьей Королевской скамьи, а сэр Ральф Грейсток – стюардом манора Лэнгтон. В следующую мировую комиссию, изданную уже после гибели 4-го графа Нортумберленда вошли преимущественно королевские должностные лица во главе с Томасом Ховардом, графом Сарри, королевским наместником в северных землях [5, с. 495–496]. В их число входили, например, Уильям Тайлер, капитан Берика, Уильям Юр, королевский управляющий в Пикеринге, части герцогства Ланкастерского. Местные дворяне, традиционно входящие в орбиту влияния Перси, получили пенсии и должности на королевской службе, и в условиях малолетства наследника покойного графа оказались вынуждены в большей степени ориентироваться на корону. Похожая картина предстает и в следующих мировых комиссиях первого Тюдора. В них преобладали судьи ассиз и королевские должностные лица, светские или духовные [6, с. 652–653].

Многочисленность первой мировой комиссии Генриха VIII в Нортумберленде объяснялась тревожной внешнеполитической обстановкой. В преддверии шотландского вторжения в состав мировых судей было включено значительное количество должностных лиц пограничной администрации [10, № 3553]. К их числу относятся Томас, лорд Дарси, занимавший пост капитана Берика, даже некоторое время бывший стражем Восточной марки. Томас, граф Сарри, был назначен наместником Севера, дабы противостоять шотландцам и в этом качестве попал и в мировые судьи. В состав комиссии попал и Томас, барон Дакр, недавно назначенный генеральным стражем марок. Наряду с ним в список мировых судей попали и два его брата, Сэр Кристофер и Сэр Филипп, также входящие в состав пограничной администрации. Сэр Эдвард Ратклифф и Роджер Фенвик, лейтенанты Дакра и выходцы из местного дворянства также числились в комиссии. В число мировых судей вошли и два представителя семьи Перси, одной из самых влиятельных в регионе – Генрих, граф Нортумберленд и его брат Уильям.

В 1514 году, после Флоддена, угроза шотландского вторжения уже остро не стояла. В результате в списке назначенных мировых судей от 1514 года не было графа Сарри, отозванного в Лондон, да и количество судей сократилось [10, № 5506]. Тем не менее принцип остался тем же – в комиссии доминировали Дакры и Перси. На скамье мировых судей в 1512 и 1514 году заседал и епископ Дарем-

ский, Томас Руталл, игравший очень важную роль в обеспечении порядка в пограничье из-за местоположения своей епархии.

В 1515 году положение дел на шотландской границе стабилизировалось. В результате численность мировых судей по новой комиссии резко сократилась – до 9 человек [11, № 249]. Из числа мировых судей исчезли Перси и Дакры. На этот раз значительная часть судей состояла из представителей местного дворянства, выходцев из семей Лайл, Боус, Масгрейв. Единственный аристократ, включенный в эту комиссию, лорд Огл, также был связан исключительно с графством Нортумберленд [9, с. 88–93].

В Камберленде Генрих VII первоначально также не стал кардинально менять состав мировых судей, но включил туда Джона Эглсфилда, своего верного сподвижника. Только во второй комиссии появились Томас Ховард, граф Сарри, Генри Уэнтворт, констебль Кнарсборо в Йоркшире [5, с. 484]. В последующих двух мировых комиссиях Камберленда представительство людей короны увеличивалось. В их состав входили Артур, принц Уэльский, Джаспер Тюдор, герцог Бедфорд, епископы Дарема, Карлайла и Сент-Асафа [6, с. 634]. Однако в Камберленде постепенно корона ослабляла контроль и в феврале 1503 года в число магистратов входили преимущественно люди, так или иначе связанные с Томасом Дакром, бароном Дакром.

Томас Дакр, один из пограничных баронов, ключевая фигура в пограничной администрации первых Тюдоров, входил во все мировые комиссии Камберленда с 1487 года и вплоть до своего смещения в 1525 году. В Нортумберленде Дакр входил во все мировые комиссии Генриха VIII за исключением состава от 1515 года. Клер Этти предполагает, что исключение могло быть связано с обвинениями Дакра в злоупотреблениях и обращает внимание на то, что к 1518 году он уже был восстановлен в качестве мирового судьи [8, с. 115]. Дакр регулярно принимал участие в работе мировой комиссии. Судя по сохранившимся документам, барон проводил заседания магистратов в своих владениях, в частности, в замке Морпет, в Нортумберленде. Так, в обвинениях нортумберлендских дворян говорится о том, что некий Кокс Карлтон был обвинен в преступлениях и вызван на сессию мирового суда в Морпете, однако там барон не позволил предать его правосудию [4]. В 1514 году Дакр писал Уолси как один из мировых судей графства Нортумберленд о преступлениях Хамфри Лайла против приора монастыря Бринкберн [9, с. 378].

Насколько успешно удавалось Дакру включать своих слуг и родственников в число мировых судей? Первые мировые комиссии Генриха VII в Камберленде демонстрируют отсутствие людей, связанных с бароном. Первый Тюдор сохранил в основном в составе комиссии слуг Ричарда III, разбавив их своими людьми [5, с. 484]. Только во второй половине царствования Генрих VII включил в состав магистратов Камберленда последователей Дакра – Хамфри Конингсби, Томаса Беверли, Генри Дентона и Томаса Кервена [6, с. 634; 8, с. 116]. В первые комиссии Генриха VIII кроме самого барона Дакра попали его брат Кристофер, Томас Кервен, Хамфри Конингсби, Генри Дентон и Джон и Хью Хаттоны [10, № 717, 1048, 3553, 5506]. В число мировых судей Камберленда в ноябре 1520 года вошли Кристофер Дакр, Томас Кервен, Хью Хаттон и Уильям Бьюли, которого год спустя барон будет рекомендовать в “*custos rotulorum*” [12, № 1081(17)]. Наконец, в апреле 1524 года в мировую комиссию графства попали Кристофер Дакр, Кристофер Кервен, сын Томаса, постоянного члена мировых комиссий Камберленда и, соответственно, родственник Дакра, Джеффри и Уильям Ланкастеры [13, № 297(22)]. Ланкастеры принадлежали к числу клиентов барона в Уэстморленде. Ланселот Ланкастер, их отец был стюардом владений Дакра там, а Джеффри Ланкастер стал советником барона [7, с. 104].

В Нортумберленде в состав мировых судей еще при Генрихе VII был включен родственник барона, Хамфри Конингсби [6, с. 652]. Впрочем, при Генрихе VIII сам Дакр в магистраты Нортумберленда не попадал. После того, как Томас Дакр стал генеральным стражем марок, в состав магистратов графства попали два его брата, Филипп и Кристофер. Сэр Эдвард Ратклифф и Роджер Фенвик, лейтенанты Дакра и выходцы из местного дворянства также числились в комиссии. К числу слуг Дакра можно также отнести еще одного мирового судью, Джона Беднелла [10, № 3553, 5506]. В качестве слуги Дакра его в 1518 году указывает канцлер епископа Даремского Уильям Франклин [11, № 4528]. В 1515 году в Нортумберленде из числа людей Дакра в мировую комиссию не попал никто. Как уже говорилось выше, и сам генеральный страж не вошел в ее состав и был восстановлен в качестве магистрата позже [11, № 249].

Таким образом, на протяжении сорока лет мы наблюдаем изменения в составе мировых комиссий пограничных графств. В зависимости от обстановки и своих нужд корона манипулирует составом магистратов, то наводняя мировые комиссии своими людьми,

то позволяя местной знати провести в состав мировых судей своих клиентов. Как мы видим, в пограничье последнее лучше всего удаётся тогда, когда наличие обширных владений дополняется должностью на королевской службе.

Список литературы

1. Гордиенко Д. О. Английская гвардейская кавалерия (1660–1714 гг.): институциональное развитие на фоне европейских практик // История и историческая память. 2018. № 16. С. 59–69.

2. Гордиенко Д. О. Эпоха реставрации Стюартов как переходный период в истории британской монархии // История. 2012. № 3 (11). С. 5–6.

3. Пенской В. В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII века в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 152–158.

4. Articles of Accusation preferred against Lord Dacre, Warden of the East and Middle Marches between England and Scotland, by the inhabitants of Northumberland // Hodgson J. History of Northumberland. Newcastle. 1828. Vol. III (i). P. 31–40.

5. Calendar of Patent Rolls. Henry VII. (Kraus reprint). Nendeln., 1970. Vol. 1. 1485–1494.

6. Calendar of Patent Rolls. Henry VII. (Kraus reprint). Nendeln., 1970. Vol. 2. 1495–1509.

7. Ellis S. G. Tudor Frontiers and Noble Power: The Making of British State. Oxford, 1995.

8. Ety C. Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. Unpublished PhD thesis. Durham, 2006.

9. Hodgson J. History of Northumberland. Newcastle, 1828. V. III (ii).

10. Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 21 vols. L., 1862–1921. 1862. Vol. 1. L.: Her Majesty Stationery Office.

11. Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 21 vols. L., 1862–1921. 1864. Vol. 2.

12. Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 21 vols. L., 1862–1921. 1867. Vol. 3.

13. Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 21 vols. L., 1862–1921. 1875. Vol. 4. L.: Her Majesty Stationery Office.

Д. О. Гордиенко
кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный институт культуры, Самара

**«АМФИБИЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ»:
ПРОБЛЕМА ОБОРОНЫ АНГЛИИ В КОНФЛИКТАХ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам обороны Британии и ее королевств от угроз военного вторжения в раннее Новое время (конец XV – начало XVIII в.). Рассматриваются аспекты как внешнего характера (угрозы десантных операций вооруженных сил иностранных государств), так и реализация планов оппозиции по изменению правящего режима (как правило, оформленные в виде попыток узурпации власти под видом «возведения на престол законного короля»; после Реформации приобретшего характер «борьбы» или «защиты истинной религии»). Продемонстрирована связь между практическим аспектом проблемы (военные реформы и детализация планов обороны владений Тюдоров и Стюартов) и теоретическим развитием вопросов обороны (активные памфлетные дебаты конца XVII – первой декады XVIII в.).

Ключевые слова: Британия, вторжение, оборона, десант, Новое время, англо-голландские войны, Карл II, Людовик XIV, памфлеты, Славная революция.

D. O. Gordienko
candidate of the historical sciences, associate professor
Samara state Institute of culture, Samara

**“AMPHIBIOUS OPERATIONS”:
THE PROBLEM OF DEFENCE OF ENGLAND
IN THE CONFLICTS OF THE EARLY MODERN TIME**

Abstract: The article is devoted to the problems of defense of Britain and its kingdoms from the threats of military invasion in the early Modern times (late XV – early XVIII centuries). Aspects of both external character (threat of landing operations of armed forces of foreign States), and implementation of plans of opposition for change of the ruling regime (as a rule issued in the form of attempts of usurpation of the power under the guise of “enthronement of the lawful king” are considered; after reformation of the acquired character of “fight” or “protection of true religion”). The connection between the practical aspect of the problem (military reforms and detailed plans for the defense of the Tudor and Stewart possessions) and the theoretical development of defense is-

sues (active pamphlet debates of the late XVII – the first decade of the XVIII centuries) is demonstrated.

Keywords: Britain, invasion, defense, landing, Modern time, Anglo-Dutch wars, Charles II, Louis XIV, pamphlets, Glorious revolution.

Географическое положение Британии – то, что Туманный Альбион является островом, – как правило, трактовалось как неоспоримый фактор удобства обороны этой достаточно обширной по европейским меркам территории [5, с. 21]. Однако при наличии сильного желания стороны, обладающая подготовленными вооруженными силами на протяжении античности и Средневековья могла реализовать свой план по захвату (полному или частичному) этой территории. Первыми захватчиками островов в исторический период были несколько волн кельтов; последние из них – белги – завоевали земли своих будущих вождей в I в. до н. э. После них римляне, германцы, как первой волны (юты, саксы, англ), так и второй (скандинавы эпохи викингов), завоевывали как Британию, так и ее младшую сестру – непокорный «изумрудный остров» Ирландии. В 1066 г. началом завоевания Англии и южной части Шотландии нормандцами герцога Вильгельма Незаконнорожденного начинается новый этап истории региона, равно как и вторжений с континента, как правило удачных. В 1153 г. будущий Генрих II Анжуйский, повторил вторжение, предпринятое ранее его матерью Матильдой Императрицей, закончившееся неясной военной и полной дипломатической победой основателя династии Плантагенетов. Через шесть десятилетий муж внучки Генриха Бланки Кастильской Людовик (будущий Людовик VIII Французский) почти завоевал английскую корону [7, р. 68–120]. В 1326 г. другая представительница династии Капетингов, Изабелла, Французская волчица и жена Эдуарда II отвоевала корону для своего сына Эдуарда III, предприняв удачное вторжение вместе с мятежными баронами-изгнанниками, поддержанное английскими принцами крови, лордами и рыцарями королевства. Их потомок Генрих, лишенный наследства королем, своим кузеном Ричардом II, сын герцога Ланкастера, в 1399 г. с войском сторонников и наемников вторгся с континента и сверг своего царственного двоюродного брата. Последним, кто в Средние века удачно высаживался на берегах Англии и отвоевывал престол, был Генрих Тюдор, сын графа Ричмонда, для которого летом 1485 г. битва при Босворте закончилась символическим обрядом корона-

ции золотой короной, снятой со шлема убитого Ричарда III Плантагенета [9, р. 79–81].

Воцарение династии Тюдоров не завершило проблемы перспективы вражеского вторжения. Помимо того, что Англия была островом, отделенным от континента огромным естественным рвом Ла-Манша, это королевство было не единственным государством на этом обширном острове на северо-западе Европы. На севере Англии располагалось Шотландское королевство, связанное тесными политическими узами с Францией и находившееся (по мнению последующих поколений историков) в состоянии так называемой Трехсотлетней войны со своим южным агрессивным соседом. Шотландия на долгие столетия (даже после восхождения на английский престол Стюартов) стала своеобразным «черным ходом» в Англию. Первые два Тюдора – Генрих VII и Генрих VIII – были вынуждены коррелировать свою внешнюю политику (воевать с Францией), постоянно оглядываясь на возможность вторжения шотландцев на севере. И только отвага английских воинов и гений их полководцев привел к полному поражению вторгавшихся шотландцев (Флодден, 1513 г. и Соллуэй-Мосс, 1542 г.) [1; 2]. Континент при Генрихе VII тоже таил угрозы – две серьезные попытки свержения Генриха от имени самозванцев (Л. Самнела и П. Уорбека) были предприняты мятежной знатью при поддержке Маргариты Йоркской (сестры Ричарда III), вдовы Карла Смелого и мачехи Марии Бургундской, использовали оперативной базой Нидерланды, откуда силы мятежников совершали высадку в Ирландию, а затем появлялись в Англии. Только лишь мощь королевских армий сохраняла престол за Тюдорами.

Следующая угроза, по-настоящему серьезная, признававшаяся в качестве таковой и современниками, и потомками, относится к закату династии Тюдоров – знаменитая попытка Филиппа II Габсбурга транспортировать на кораблях Великой армады герцога Медина-Седонии корпуса вторжения (ветеранов войн против мятежных голландцев) великого Александра Фарнеза, герцога Пармского. Проблемы некомпетентности испанского морского командования и погода, вкупе с грамотными действиями английского флота, предотвратили высадку иностранной армии на Британских островах. Однако «гроза 1588 года» для опыта государственных деятелей, военных и интеллектуальной традиции Англии XVII столетия имела решающее значение – английская элита ран-

него Нового времени еще раз уверилась в том, что любая иностранная армия вторжения может поставить под вопрос независимость страны и «это королевство», не располагая развитыми современными (по сравнению с континентальными державами) вооруженными силами, может оказаться не в состоянии отразить вражеское вторжение.

Первая половина XVII в., эпоха правления первых Стюартов до 1637 г., не вызывала военной тревоги по поводу возможного вторжения иностранной армии с континента. Ни Яков I, ни его наследник Карл I не проводили агрессивной внешней политики – ни начавшаяся Тридцатилетняя война (в которой Яков крайне ограниченным контингентом отстаивал интересы своего зятя Зимнего короля), ни война Карла I с его шурином Людовиком XIII не привели к полномасштабным бескомпромиссным боевым действиям. Процесс формирования преданных короне воинских формирований в Ирландии лордом Уэнтвортом (будущий 1-й граф Страффорд) хоть и объяснялся предотвращением возможной внешней угрозы, но однозначно объяснялся оппозицией (прямо) и королевской властью (косвенно) необходимостью противостоять внутренним проблемам. Начавшаяся в 1637 г. Шотландская война стала началом двадцатилетия внутренних смут. В годы гражданских войн 1640-х гг. о реальных высадках мощных вражеских армий вторжения говорить не приходилось (интересно посмотреть современный английский [13] и французский взгляд на эту проблему [8]).

Действительные угрозы вторжения в этот период относятся к попыткам роялистов вернуть законные престолы Карлу II – молодой король в 1650–1651 гг. высадился в Шотландии и проиграл свое дело в битве при Вустере. В 1657 г. другая угроза высадки роялистов несколько беспокоила Кромвеля. Король Карл II, учитывая то, что Кромвель вступил в союз с Францией и ввязался в войну с Испанией, предложил правительству Филиппа IV поддержать английских роялистов финансово, взяв на себя обязательства набрать на испанские деньги войска и вторгнуться в Англию, где королевская армия поддержит предполагаемое роялистское подполье, поднимающее при приближении «королевской рати» восстания против военной хунты «круглоголовых». В 1656 г. с испанцами был заключен договор, Карл II получил денег на найм и содержание 6 тыс. солдат (в основном роялисты-мигранты, возвращенные под королевские знамена с иностранной службы). Зимой 1656–1657 гг. пла-

нировалась высадка каролинского десанта в Англии, и английская разведка доводила данные об этом до своего руководства, вызывая некоторое беспокойство скорее у членов дипломатического корпуса, нежели у лорда-протектора. Отправка Кромвелем во Фландрию для совместных действий с французами виконта Тюренна 6 тыс. «железнобоких» весной 1657 г. испугала испанцев, усиливших свою армию английским корпусом – роялисты с честью понесли огромные потери в проигранной доном Хуаном Австрийским и принцем Конде битве при Дюнах в июне 1658 г.

После 1660 г. правительство Карла II, восстановленного на престолах отца, проводило умеренно-агрессивную внешнюю политику. Англичане, обладая крайне малочисленной армией и хорошим военным флотом, как проводили десантные операции (или перебрасывали «за моря» войска – Танжер или колониальная «война короля Филиппа»), так и посылали полевые войска на континент для совместного действия с союзниками (войска герцога Монмутского в 1672–1673 гг. в Нидерландах). Однако было бы ошибкой считать, что с этого времени Британия была избавлена от угрозы иностранного вторжения, которое делали бы невозможным крепкие английские «деревянные стены» – мощный королевский военно-морской флот.

В ходе Второй и Третьей англо-голландских войн угроза иностранного вторжения, именно голландского, была более чем реальной. Соединенные Провинции обладали сильным флотом и первоклассной (и старейшей) регулярной армией в Западной Европе. Лондон до реформ позднего Карла II по увеличению численности королевской армии (эстафета затем была перенята Яковом II) опирался на 8 тыс. регулярных войск, основная часть которых была королевской гвардией; другая половина армии находилась в Северной Африке в Танжере, где вела тяжелые и перманентные бои с марроканцами. В случае реальной высадки голландцев правительству «веселого монарха» было бы сложно быстро отреагировать – войск было мало. Огромное на бумаге английское ополчение (96 тыс. пеших и конных) было разной степени подготовки, и корона обоснованно сомневалась в боевых качествах английской милиции. В ходе Второй войны приходилось формировать волнами конные роты и пешие полки, где командиры, в массе своей преданные режиму ветераны гражданской смуты, опираясь скорее на феодальные традиции, нежели методы вербовки регулярных войск, призывали своих родственников, друзей и арендаторов, выбирая все самое лучшее из

кадров милиции, получали массу, противоречивую по своим боевым качествам. Только отсутствие реального вторжения голландцев не привело к проверке боевых качеств этого воинства.

Осенью 1666 г. голландский флот на некоторое время блокировал устье Темзы. В мае 1667 г. голландцы провели смелый и блестящий рейд на Мидуэй, однако в разгроме английских морских объектов в Чатеме были задействованы экипажи кораблей и подразделения морской пехоты, а не армейские части. Что было бы, если бы братья де Витт посадили на корабли де Рюйтера несколько тысяч стойкой голландской пехоты, и как бы на это реагировало правительство Карла II – вопрос открытый. Но то, что как во время Второй, так и во время Третьей англо-голландской войны угроза голландских десантов была воспринята и доведена в Лондоне до истерики, говорит тот факт, что до самого конца войн Карла II с голландцами англичане готовились к отражению десантов врага – от Шотландии до острова Уайт. Даже несмотря на то, что в ходе Третьей войны союзником Карла был Людовик XIV с его огромной сухопутной армией, оккупировавшей значительную часть Соединенных Провинций, сковавшей всю армию молодого Вильгельма III, англичане продолжали опасаться угрозы голландского вторжения.

Новые угрозы вторжения врага оказались реализованными летом 1685 г. – мятежные герцоги Аргайл и Монмут высадились со своими сторонниками в пределах трех королевств [14]. Наиболее опасным был десант герцога Монмута [6, с. 63]. Герцог повторил путь своего предка Генриха VII, но был разбит в битве при Седжмуре лордами Фэвершэм и будущего Мальборо («отрабатывавшего» титул барона Черчилль оф Сэндридж [12, р. 6]) [11, р. 59–78]. К осени 1688 г. Яков II, продолжая политику своего старшего брата и используя угрозы и победы 1685 г., продолжил увеличение численности королевской регулярной армии. Когда оппозиционные лорды призвали Вильгельма III Оранского, штатгальтера Соединенных Провинций, племянника и зятя Якова, в Англию, правительственные агенты доносили в Лондон о готовившейся в портах Соединенных Штатов экспедиции. Флот и сухопутная армия формально были верны своему сюзерену и готовы отразить вражеское вторжение. Однако непоследовательное поведение короля после высадки претендента вынудили значительную часть высших английских офице-

ров занять выжидательную позицию и в конечном итоге примкнуть к победителю – Вильгельму Оранскому.

После 1689 г. фактор иностранного вторжения приобретает устойчивое двойное направление – англичане опасаются высадки сторонников свергнутого Якова II (якобитов) в Шотландии и Ирландии и поддержки, оказываемой там местными мятежниками [11, р. 8–34]; Лондон опасается вторжения крупных масс французской регулярной армии (уже не слабые вспомогательные войска, преданные якобитам), способной оказать серьезное сопротивление английским регулярным силам и даже, возможно, нанести британцам смертельный удар.

При жизни Вильгельма III – в ходе так называемых Вильгемитских войн – события будут развиваться именно по такому сценарию. Впрочем, в ходе Войны за испанское наследство, как ни странно, серьезных угроз со стороны врага не наблюдалось, что можно объяснить отсутствием ресурсов для вторжения у Людовика Великого [4]. После 1714 г., по восшествию на престол Великобритании новой династии, основной угрозой окажется восстание якобитов, поддержанное эмигрантами и французскими регулярными войсками – события 1715 и 1745 гг. подтвердят этот тезис. До устранения французской угрозы в 1815 г. кошмар французского десанта будет навязчивой реальностью для Лондона Ганноверов.

Тема иностранного вторжения (как правило, французского) станет кочевой темой в развернувшейся памфлетной дискуссии (иногда даже приобретающей форму открытой войны) конца XVII – начала XVIII в., решавшей насущную для Отечества проблему – иметь ли Англии регулярную армию, можно ли положиться в вопросах защиты Родины от вторжения вражеских полчищ (на роль супостата неизменно назначался Людовик XIV). Главной в этом процессе станет полемика между Д. Тренчардом и Д. Дефо [3].

Англичане со времен Плантагенетов и великих войн позднего Средневековья, умело (как правило) используя географическое положение своего королевства, наличие достаточного количества судов и боеспособных войск, грамотно использовали инструмент вторжения, морского десанта на вражескую территорию. Однако масса прецедентов из собственной истории показывала возможность ответного удачного вторжения врага. Вся военная история Англии, как до раннего Нового времени, так и вплоть до последней Великой войны, показывает справедливость опасений удачного

вторжения врага. Вторжения, к которому армия, флот и нация должны были быть готовыми.

Список литературы

1. Бельцер А. А. Королевская администрация и пограничные кланы на англо-шотландском пограничье в 1525–1527 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, № 3. С. 329–333.

2. Бельцер А. А. Корона, аристократия и дворянство на англо-шотландском пограничье в первой четверти XVI в. // История: электронный научно-образовательный журнал. 2014. № 6(29). С. 10.

3. Гордиенко Д. О. Идея постоянной армии и памфлетная война в Англии конца XVII – начала XVIII в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160, кн. 3. С. 761–771.

4. Иволина Л. И. Война за испанское наследство. М., 2009.

5. Маклинн Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009.

6. Станков К. Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб, 2014.

7. Bartlett C. England Under the Norman and Angevin Kings, 1075–1225. Oxford, 2000.

8. Cottret B. La révolution anglaise. 1603–1660. P., 2015.

9. Edwards P. The Making of the Modern English State, 1460–1660. Basingstoke, N. Y., 2001.

10. George J. W. H. A history of the English and Scotch rebellions of 1685. Describing the struggle of the English and Scotch people to rid themselves of a popish king, James the Second. N. Y., 1851.

11. Hayton D. W. Ruling Ireland, 1685–1742: Politics, Politicians and Parties. L., 2004.

12. Lovell M. S. The Churchills: A Family at the Heart of History – from the Duke of Marlborough to Winston Churchill. L., 2011.

13. Royle T. The Civil War: The War of the Three Kingdoms 1638–1660. L., 2004.

14. Tankerville F. Grey, Earl of. The secret history of the Rye-House plot and of Monmouth's rebellion. L., 1754.

О. Д. Столяров
кандидат исторических наук,
Самарский государственный медицинский университет, Самара

**К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ
БИРОНОВЩИНЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация: В статье рассматривается развитие точек зрения в отечественной историографии XVIII–XXI вв. на проблему общей характеристики политического режима в Российской империи в 1730-е годы. В качестве исходного пункта берется концепция бироновщины, которая рассматривается как совокупность пяти взаимосвязанных положений, большая часть которых была опровергнута или поставлена под сомнение еще в дореволюционной историографии. Сделан вывод о том, что наряду с концепцией бироновщины в российской историографии, начиная со второй половины XIX века существовала тенденция, в основе которой было отрицание традиционных представлений об «иностранном засилье» и «немецкой партии».

Ключевые слова: бироновщина, правление Анны Иоанновны, иностранцы, «немецкая партия», Бирон.

O. D. Stolyarov
candidate of the historical sciences,
Samara state medical University, Samara

**TO THE QUESTION ABOUT THE EVOLUTION
OF THE CONCEPT OF BIRON
IN RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE**

Abstract: In article development of the points of view in a domestic historiography of the 18–21st centuries on a problem of a general characteristic of a political regime in the Russian Empire in the 1730th years is considered. As starting point the concept of a bironovshchina which is considered as set of five interconnected provisions most of which part was disproved or called into question in a pre-revolutionary historiography undertakes. The conclusion that along with the concept of a bironovshchina in the Russian historiography, since the second half of the 19th century there was a trend at the heart of which there was a denial of traditional ideas of “foreign domination” and “the German party” is drawn.

Keywords: bironovshchina, Anna Ioannovna's government, foreigners, “German party”, Biron.

Как известно, концепция бироновщины на протяжении длительного периода определяла представления историков о времени правления Анны Иоанновны и отчасти о предыдущих и последующих царствованиях. С того времени, когда она начала подвергаться серьезной критике не в отдельных своих пунктах, а взятая в целом (1870-е гг.), многие исследователи формулировали свои положения путем ее отрицания. Таким образом, эта концепция сохраняет в исторической науке влияние и по сей день, не говоря уже о том, что она имеет значительное распространение в учебной и художественной литературе, а также в общественном сознании.

Тем не менее понятие «бироновщина» довольно вариативно и имеет у разных авторов различные толкования, и поэтому представляется важным выделить основные его элементы, имея в виду, что у многих историков присутствуют лишь некоторые из них.

Во-первых, правление Анны Иоанновны трактуется в рамках этой концепции как время «иностранныго засилья», период, в течение которого решающую роль в принятии важнейших политических решений, а также ведущую роль при дворе играли иноземцы, тогда как русские вельможи занимали второстепенные позиции. Единственным исключением тут был А. П. Волынский, трагическое завершение карьеры которого подчеркивает степень влияния иностранцев в аннинскую эпоху. Кроме того, предполагается, что в этот период резко увеличилось количество иноземцев, занимавших руководящие должности в государственном аппарате и армии.

Надо сказать, что это положение сохраняет свое влияние и в современной исторической литературе, поскольку лишь сравнительно немногие авторы полагают, что в 1730-е гг. число входивших в различные группы правящей элиты иностранцев не увеличилось, а даже уменьшилось в сравнении с предшествовавшим периодом [2, с. 431]. Кроме того, подавляющее большинство историков считают, что роль вельмож-иноземцев в принятии ключевых политических решений в правление Анны Иоанновны была решающей, чего в другие царствования не наблюдалось. По-видимому, в этом следует искать одну из причин того, что концепция бироновщины и по сей день играет известную роль в исторической науке.

Во-вторых, эти иностранцы, согласно данной концепции, представляли собой инородный элемент в российской обществу того периода и с высокомерием, а иногда и враждебностью относились ко всему русскому. Отчуждение, носившее взаимный характер,

приводило к тому, что вельможные иноземцы управляли страной, исходя из собственных интересов, а не потребностей общества. Это выражалось в казнокрадстве, предательстве государственных интересов за взятки от иностранных дипломатов и т. д. Данная точка зрения принимала иногда довольно курьезные формы, и в литературе можно встретить мнение, что главной пружиной политической жизни в аннинское царствование была борьба между ее ближайшими соратниками – Бироном, Остерманом и Минихом – «в связи с дележом взяток, щедро раздаваемых влиятельными иностранными державами... покупавшими этим путем преимущества в торговле с Россией и ее полукOLONиальной эксплуатации» [11, с. 309].

Впрочем, эти черты, хотя и не в таких масштабах, многие историки считали присущими всей послепетровской эпохе. И в современной литературе можно встретить суждение о том, что сподвижники Петра I принципиально отличались от вельмож второй четверти XVIII в. и последующего периода тем, что были ориентированы преимущественно на государственную деятельность, тогда как их преемники (хотя зачастую это были те же самые люди) были более заинтересованы в отстаивании своих личных интересов и предавались дорогостоящим и безвкусным придворным развлечениям. Так, характеризуя Волынского, И. В. Курукин пишет: «Артемий Петрович... был слишком яркой личностью на фоне «персон» аннинского царствования... Волынский как государственный деятель был соразмерен так же масштабному мыслителю Петру I. Однако при Анне Иоанновне востребованными были не реформаторы, а верноподданные, а главной политической наукой стали придворные «конъюнктуры»» [8, с. 372–373]. Если смотреть на проблему под таким углом, получается, что аннинское правление было в этом смысле квинтэссенцией особенностей политической жизни эпохи дворцовых переворотов.

В-третьих, входившие в состав политической верхушки Российской империи иностранцы, осознавали общность своих интересов (даже если между ними шла острая борьба за власть) и поэтому представляли собой единую политическую группу, называемую обыкновенно «немецкой партией». В соответствии с этим некоторые исследователи выделяли «русскую партию», имея в виду, что эти две силы находились в конфронтации друг с другом.

В-четвертых, главой «немецкой партии» и фактическим правителем страны в 1730-е гг. был фаворит императрицы Эрнст Иоганн

Бирон. Несмотря на то, что именно его имя дало название рассматриваемому политическому режиму, именно этот элемент данной концепции в наибольшей степени подвергся сомнению в исторической литературе, включая и тех исследователей, которые активно использовали термин «бионовщина» [22, с. 10].

В-пятых, эта группа, отчужденная не только от основной части населения Российской империи, но и от высших социальных слоев, проводившая внутреннюю и внешнюю политику, исходя только из собственных сиюминутных интересов, могла удерживаться у власти только одним способом – путем кровавого террора, который обрушивался на головы не только действительных или потенциальных противников «немецкой партии» (Долгоруковы, Волынский и т. д.), но и людей, далеких от политики.

Концепция бионовщины, включавшая в себя вышеперечисленные элементы, начала формироваться вскоре после падения вельможи, давшего ей свое имя. Елизавета Петровна, придя к власти, выдвинула лозунг возвращения к петровским заветам и борьбы с иностранным засильем, но роль главных притеснителей русского народа отводилась Остерману и Миниху [13; 21, с. 9–10], а не Бирону, к которому новая императрица относилась гораздо лояльнее, чем к другим ближайшим аннинским сподвижникам.

Видимо, по этой причине и в историографии поначалу были распространены сдержанные суждения о фаворите Анны Иоанновны. Так, М. М. Щербатов, полагавший, что Бирон был ключевой фигурой сложившегося в 1730-х гг. режима, и подвергавший его критике, делал это довольно умеренно [28, с. 52]. Согласно его мнению, важнейшей чертой бионовщины была узурпация власти узкой группой, состоявшей в более или менее равной степени из иностранцев и русских.

Однако в этот период были более распространены не столь взвешенные точки зрения. Например, Т. С. Мальгин не жалел черной краски, рисуя образ Бирона и возглавляемого им режима, и утверждал, что в этот период «великая и едва ли не превосходившая царя Иоанна Васильевича Грозного употребляема была строгость с суровством, жестокостью и крайним подданных удручением» [12]. В дальнейшем сравнение бионовщины со временем царствования Ивана IV стало общим местом в тех публицистических произведениях, которые касались правления Анны Иоанновны.

Многие историки винили во всех бедах этого периода персонально Бирона, снимая тем самым ответственность с прочих вельмож и императрицы. Так, Н. Г. Устрялов полагал, что в течение первых четырех лет своего царствования Анна прислушивалась к советам сановников, унаследованных ею и ее непосредственными предшественниками от петровской эпохи, а затем попала под влияние Бирона, что отрицательным образом сказалось на жизни страны в этот период. При этом Устрялов противопоставлял оберкамергера прочим влиятельным иностранцам, которых относил к числу бывших петровских сподвижников [25, с. 240]. Похожую точку зрения, хотя и не разработанную столь подробно, можно встретить у Н. М. Карамзина [3, с. 38–39].

С другой стороны, некоторые авторы делали акцент не на личности фаворита, а на господстве в аннинское царствование иностранцев. Так, И. П. Шишкин, что в результате дворцовых переворотов второй половины 1720-х гг. русские вельможи и шляхетство были оттеснены от власти, «и немецкий элемент полновластно воцаряется и господствует на Руси», причем это суждение историк распространял и на время правления Екатерины I и Петра II [27, с. 275–278].

С. М. Соловьев в целом стоял на почве уже сложившейся к тому времени концепции бироновщины, полагая, что обстоятельства прихода Анны Иоанновны к власти породили для нее необходимость опираться на людей, не связанных своим прошлым и своими интересами с русской знатью, и лучше всего на эту роль подходили иноземцы. Кроме того, поскольку положение Бирона вызывало неудовольствие русских вельмож, «естественно было окружить себя людьми, которые не могли быть оскорблены иноземством фаворита». При этом Соловьев, осуждая бироновщину как режим, рассматривал его главу как типичного фаворита того времени [23, с. 821–825].

Наиболее законченное выражение концепция бироновщины получила в работах В. О. Ключевского, у которого она включала все вышеперечисленные элементы [5, с. 272–277].

Д. А. Корсаков основой политической жизни России первой половины XVIII в. считал борьбу старой знати и «немецкой партии», которая и играла ведущую роль в 1730-е гг. Симпатии исследователя при этом были не на стороне иноземцев, и он считал, что «самодержавие Анны Иоанновны явилось не самодержавием, а именно

олигархией, а еще вдобавок не национальной, а иноземной» [6, с. 301–302].

С. Ф. Платонов пошел еще дальше, сделав вывод, что уже при Петре I большое количество иностранцев в правящей верхушке России имело свои отрицательные последствия [18, с. 164], а в 1730-е гг. это привело к забвению правительством государственных интересов страны. «Вся политика Анны, – писал Платонов, – не только не дворянская, но даже не национальная» [18, с. 553–554].

В советской историографии концепция бироновщины продолжала существовать, хотя и в видоизмененном виде. М. Н. Платонов, труд которого вышел еще до революции, рассматривал правление Анны Иоанновны как время, когда российская политика была подчинена интересам иностранного, по преимуществу английского, капитала, и именно это, а не наличие в правящих кругах большого количества иноземцев вызывало неудовольствие дворянства [19, с. 136].

В 1930-е гг. произошло развенчание «антиисторической школы Покровского», что, однако, не привело к отказу от концепции бироновщины. Напротив, в работах последующего периода об иноземных сподвижниках Анны говорилось как о «шайке немецких проходимцев», которая «с исключительной жестокостью помогала русским феодалам взимать крестьянские подати и разорять страну». При этом подразумевалось, что личные качества Бирона играли в этом процессе второстепенную роль [22, с. 25–27].

Из исследователей конца XX – начала XXI в. ближе всего к традиционной концепции бироновщины стоят воззрения Н. И. Павленко, который в одной из своих работ предлагал заменить термин «бироновщина» словом «остермановщина», поскольку, по мнению исследователя, именно Остерман, а не Бирон был фактическим главой правительства в 1730-е гг. [16, с. 194]. Впоследствии исследователь придерживался точки зрения, согласно которой страной в этот период правил «триумvirат», состоявший из Бирона, Остермана и Миниха [15, с. 261]. В целом же Павленко считал, что если при Петре I иностранцы играли роль квалифицированных специалистов, а не политической элиты, то при Анне Иоанновне они заняли ключевые позиции в управлении государством, поскольку императрица нуждалась в надежной опоре, которую русские вельможи обеспечить ей не могли, а отчасти в силу личных пристрастий [15, с. 126–127].

Как видно, концепция бироновщины была весьма влиятельной в российской историографии на всех этапах ее развития, однако отдельные ее положения довольно рано стали подвергаться критике. Так, Н. А. Попов, соглашаясь с тем, что в 1730-е гг. ведущую роль в политической жизни страны играли иноземцы, считал, что «немецкие правители, сменившие русских, были осторожнее их, менее обременяли свою память позорными интригами, чем их предшественники» и «покрыли имя русской императрицы и русской армии военной и дипломатической славою» [20, с. 193–195].

Е. П. Карнович, который впервые подверг концепцию бироновщины системной критике, доказывал, что аннинское правление напрасно противопоставляют предшествовавшим и последующим царствованиям, поскольку управление страной в этот период осуществлялось не хуже, а во многих отношениях и лучше. Что же до террора, он, по мнению историка, также не выходил за пределы, нормальные для той эпохи. Бирон, как считал, Карнович, во-первых, не был всемогущ, во-вторых, не отличался жестокостью, которая позволяла бы уподобить его Ивану Грозному [4].

В. А. Мякотин [14] и Н. И. Костомаров [7; 12] также пришли к выводу, что аннинское правление мало чем отличалось от других царствований той эпохи.

В. Н. Строев полагал, что основой политической борьбы первой половины XVIII в. было противостояние старой знати и новой чиновной элиты, и события 1730 г. были победой последней. Однако исследователь не связывал ее исключительно с иностранцами, доказывая, что «немецкой партии» не существовало, поскольку имело место как соперничество между вельможными иноземцами, так и сотрудничество между ними и русскими сановниками. Как и Карнович, Строев не считал Бирона кровавым тираном и, кроме того, полагал, что фаворит не обладал всей полнотой власти [24].

В советской историографии эта линия получила продолжение, начиная с 1950-х и особенно с 1970-х гг. Так, П. В. Черникова считала, что суть бироновщины состояла в борьбе дворянства, опиравшегося на бюрократический аппарат, с феодальной аристократией. Она также полагала, что политический террор в 1730-е гг. был не более масштабным, чем в другие царствования той же эпохи, и утверждала, что личного участия Бирона в большинстве политических процессов этого периода не прослеживается [26].

Е. В. Анисимов считает, что нет никаких оснований противопоставлять иностранцев, являвшихся петровскими сподвижниками, тем иноземцам, которые составляли правительство Анны Иоанновны, т. к. в значительном числе случаев это были те же самые люди [2, с. 436]. При этом исследователь делает акцент на положительных сторонах политики, проводившейся в это царствование, включая и то, что были отменены многие льготы, которыми прежде обладали иностранцы, состоявшие на русской службе [2, с. 428–430]. Что касается личности Бирона, Анисимов полагает, что за время аннинского царствования он стал не только фаворитом, но и довольно успешным профессиональным политиком [1, с. 139].

Таким образом, в отечественной историографии получили развитие как концепция бироновщины, сложившаяся в основных своих чертах во второй половине XVIII в., так и точки зрения, отрицающие положения этой концепции (со второй половины XIX в.). Предметом спора стали главным образом следующие моменты:

1. Проблема «немецкой партии». Историки, стоящие на традиционных позициях, полагают, что иностранцы, окружавшие трон Анны Иоанновны, составляли единую политическую силу, противостоящую русской знати, тогда как прочие исследователи придерживаются противоположной точки зрения.

2. Вопрос о проводимой высокопоставленными иностранцами политике, а именно о том, насколько она отражала государственные интересы России. В настоящее время большинство исследователей разделяют традиционное мнение, согласно которому аннинский режим являлся террористической диктатурой, отвечавшей интересам крайне узкой группы лиц, неверным или слишком преувеличенным [10; 17].

3. Вопрос о роли и влиянии Э. И. Бирона в 1730-е гг. В современной историографии господствующей является точка зрения, согласно которой в царствование Анны Иоанновны ее фаворит, хотя и являлся одним из влиятельнейших лиц в государстве, не был все-таки диктатором [9].

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Дворцовые тайны. СПб: Питер, 2006. 315 с.
2. Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб: Лениздат, 1994. 496 с.
3. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 [2] с.

4. Карнович Е. П. Значение бироновщины в русской истории // ОЗ. 1873. № 10, 11. С. 541–583.
5. Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4–7.
6. Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань: Типография Императорского университета, 1880. 303 с.
7. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 3. М.: ПФ «Красный пролетарий», 2003. 669 [2] с.
8. Курукин И. В. Артемий Волинский. М.: Молодая гвардия, 2011. 414 [1] с.
9. Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006. 426 с.
10. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. 570 с.
11. Малая советская энциклопедия / под ред. Н. Л. Мещерякова. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1931. 990 с.
12. Мальгин Т. Зерцало российских государей с 862 по 1789 г. СПб: При Императорской академии наук, 1789. 101 [2] с.
13. Манифест о вступлении на престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ея Величества на Императорскую Корону // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб, 1830. Т. 11. № 8476. С. 542–544.
14. Мякотин В. А. Лекции по русской истории. СПб: Типография Р. Голике, 1892. 468 с.
15. Павленко Н. И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М.: Аст-пресс книга, 2002. 384 с.
16. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1988. 346 с.
17. Петрухинцев Н. Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе. М.: РОССПЭН, 2008. С. 66–87.
18. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 735 [1] с.
19. Покровский М. Н. Избранные произведения. Т. 2. М.: Полигон, 1965–1966. 383 с.
20. Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время: эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1861. 804 с.
21. Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. Т. 2. М., 1859. С. 5–26.
22. Семин М. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 25–39.
23. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2006. 1024 с.

24. Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет министров. В 2 т. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909.

25. Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб: Тип. Рос. акад., 1839. 317 с.

26. Черникова Т. В. Политические процессы 30-х гг. XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989.

27. Шишкин И. П. События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // ОЗ. 1858. № 5. С. 275–352.

28. Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М.: Наука, 1983. 340 с.

Е. П. Макаров

кандидат исторических наук,

Самарский государственный технический университет, Самара

ОЦЕНКИ ВОЕННО-МОРСКИХ ОПЕРАЦИЙ 1757–1758 ГГ. В СРЕДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу двух британских десантных операций 1757–1758 гг., которые являлись примером смены тактики военных действий, разработанной и внедренной на практике У. Питтом. Переход к альтернативным способам ведения боевых действий на континенте, необходимым для поддержки германских союзников Великобритании на европейском континенте, отразился на видении ситуации британской политической нацией. В рассмотрении связи военной операции 1757 г., получившей название Рошфорского рейда, и операции 1758 г., получившей название рейда Сен-Мало, раскрываются изменения, произошедшие в сознании британской общественности, последовательно оценивавшей результаты двух военно-морских атак на французское побережье. За основу исследования взяты материалы парламентских дебатов, документы, отражающие взгляды современников событий, и историография данного вопроса, отраженная в работах современных специалистов.

Ключевые слова: Франция, Великобритания, XVIII век, рейд Рошфор 1757 г., рейд Сен-Мало 1758 г., Семилетняя война, десантные операции, Уильям Питт, герцог Мальборо, Ричард Хоу, Джон Мордаунт.

E. P. Makarov

candidate of the historical sciences,

Samara State Technical University, Samara

ASSESSMENTS OF NAVAL OPERATIONS 1757–1758 AMONG THE POLITICAL ELITE AND THE POLITICAL NATION OF GREAT BRITAIN

Abstract: The article is devoted to the analysis of two British landing operations of 1757–1758, which demonstrated an example of a change in tactics of military actions, developed and implemented in practice by W. Pitt. The transition to alternative methods of warfare on the continent, necessary to support the German allies of Great Britain on the European continent, reflected on the vision of the situation by the British political nation. Considering the connection of the 1757 military operation, known as the Rochefort raid and the operation in 1758, known as the Saint-Malo raid, reveals changes in the minds of the British public, who consistently evaluated the results of two naval attacks on the French coast. The study was based on materials from parliamentary debates, documents reflecting the views of contemporaries of events and the historiography of this issue, reflected in the context of the work of modern specialists.

Keywords: France, United Kingdom, XVIII century, Reid Rochefort 1757, Reid Saint-Malo, 1758, Seven Years War, Landing operations, William Pitt, the duke of Marlborough, Richard Howe, John Mordaunt.

Принято считать, что в среде политической элиты и политической нации Великобритании конца 1750-х гг., было распространено мнение о том, что британцы достаточно неудачно вступили в Семилетнюю войну. Британские вооруженные силы проиграли несколько сражений на североамериканском театре военных действий, потеряли Менорку, бывшую главной военно-морской базой в Средиземноморье, и к тому же континентальный союзник Великобритании, Ганновер, пострадал от французского вторжения [1, с. 50–52].

Обновленное правительство, которое с июня 1757 г. возглавил У. Питт-старший, выработало изменения в планах ведения боевых действий на континенте, сосредоточив главное внимание на французских атлантических портах. При этом главными инструментами удара должны были стать высадки десанта, обеспечивающие стремительность удара при относительно небольшой концентрации военных сил. Военно-политическое окружение У. Питта рассчитывало на то, что серия военно-морских десантных операций нанесет Франции ощутимый урон, и в то же время заставит французов оставить на границах часть войск, которые предназначались для вторжения в Германию. У. Питт исходил из того, что удержание побережья и его защита от вторжения с моря традиционно оставались одним из главных приоритетов Франции в войне с Великобритани-

ей. Также стоит отметить, что У. Питт находился под серьезным давлением с нескольких сторон. С одной стороны, британская общественность требовала изменение подхода к военным действиям. С другой стороны, главный и, по сути, единственный союзник Великобритании Фридрих Великий просил вмешаться в ситуацию и заставить французов воевать на несколько фронтов, ослабив, тем самым, военное давление на Пруссию. Фридрих Великий и сам предлагал начать военно-морские операции таким образом, чтобы Великобритания и Пруссия смогли скоординировать усилия, получив стратегическое преимущество в войне [12, с. 33–40].

Одной из первых целей для удара британской военной группировки был выбран порт Рошфор, поскольку британские военные инженеры выделяли его в качестве одного из самых мало укрепленных и уязвимых, но в то же время стратегически важных объектов французского побережья [6, с. 429–432]. Известно, что относительно первой цели для британского военно-морского удара не было единства мнений, и У. Питт советовался относительно данного вопроса не только с военными, но также и с герцогом Ньюкаслем и королем Георгом II [15, с. 206–212]. У. Питт также знал о сомнениях, которые царили в среде британской политической элиты относительно целесообразности новой тактики военно-морских десантных операций. Кроме того, еще до начала первой операции У. Питт получил множество просьб изменить первую цель для удара, а в качестве альтернативного объекта для высадки предлагался порт германского города Штаде, где могло бы состояться соединение британских подкреплений с отступавшими союзными ганноверскими подразделениями.

К июлю 1757 г., когда основные приготовления были завершены, командующим военно-морскими силами был объявлен Эдвард Хок, в обязанности которого входило обеспечение транспортировки, высадки и эвакуации сухопутного контингента, командование которым было поручено Джону Мордаунту, Эдварду Корнуоллису и Генри Конвею. Экспедиционный корпус был сформирован на острове Уайт в августе 1757 г., а в Ньюпорте было расквартировано около 8000 британских военных. При этом назначение экспедиции и конечная цель держались в тайне, таким образом, чтобы максимально обезопасить экспедицию от подготовки контрудара французских сил [13, с. 42–48].

В сентябре экспедиция отправилась от берегов Великобритании, однако по прибытии к порту Рошфор из-за осложнившихся погодных условий высадку пришлось несколько раз переносить. Несмотря на задержки, французские береговые силы оказались совершенно не готовы к противостоянию британскому нападению, и огонь береговых орудий был несоразмерен плотности огня с британских кораблей. Овладев пригодными для высадки стратегическими точками у порта Рошфор, британские войска не смогли захватить сам порт, однако открыли возможность беспрепятственно атаковать приграничные области. Среди командования экспедиции был разработан план, согласно которому основные силы должны будут атаковать форт Фукас, а меньшая по численности группировка организует отвлекающий маневр, атакуя пригороды Ла-Рошель. Начав осуществлять данный план, Джон Мордаунт вскоре отменил операцию, поскольку у форта Фукас было мелководье, а следовательно, британские сухопутные силы не смогли бы рассчитывать на огневую поддержку с кораблей Эдварда Хоука [7, с. 118–142].

После короткого периода бездействия, Джон Мордаунт организовал военный совет, на котором была признана одинаковая опасность продвижения в различные области побережья. Предложения о том, чтобы придерживаться первоначального плана были отвергнуты, поскольку британцы уже лишились преимущества внезапности [3, с. 112–128]. Оставалась возможность того, что французские войска поддадутся на провокацию и решат выступить против британцев у форта Фукас имеющимися силами, не дожидаясь подкрепления. Местом высадки был выбран плацдарм возле Шателайона, однако в день операции непогода вновь помешала планам британцев. После нового военного совета было принято решение о снятии с занимаемых позиций, завершении экспедиции и возвращении в Великобританию. В октябре британский экспедиционный корпус покинул французское побережье и вернулся в Англию. Ко времени отчета Джона Мордаунта британская общественность уже считала экспедицию провалом, и возложила основную тяжесть вины на командующего [16, с. 56–61]. Некоторые офицеры, участвовавшие в разбирательствах причин провала экспедиции, сравнивали данную неудачу с потерей Менорки и настаивали на том, что было необходимо возобновить наступление и организовать штурм форта Фукас, даже несмотря на неблагоприятные погодные условия, отсутствие огневой поддержки флота и утрату фактора неожиданности. В то же

время сторонники Д. Мордаунта приводили в его защиту аргументы о том, что он добился небольших успехов в начале операции и в то же время возвратился в Великобританию фактически без потерь. Мнения относительно ситуации вокруг рошфорского рейда были полярными, и к декабрю 1757 г. обоснованность действий Д. Мордаунта рассматривались на заседании военного суда [2, с. 265–274]. Несмотря на давление со стороны британской общественности, обвинявшей в провале экспедиции именно Д. Мордаунта, приговор суда был оправдательным. Провал экспедиции объяснялся изначально просчетами в планировании, недостаточной подготовкой и продуманностью плана нападения на порт. Результаты расследования и приговор суда не удовлетворил ни Георга II, ни У. Питта, по-прежнему придерживавшихся мнения о том, что тактика рейдов должна оправдать себя и дать те результаты, на которые рассчитывали изначально.

У. Питт полагал, что неудача рошфорской экспедиции объяснялась просчетами в командовании, и вместе с тем отмечал, что она все же принесла важные, но менее значительные, чем планировалось изначально, выгоды для Великобритании. С момента рошфорского рейда французские власти изменили маршруты торговых экспедиций, идущих из Вест-Индии, что в конечном счете сделало их более легкими мишенями для британских военных кораблей [5, с. 77–78].

К началу 1758 г. правительство У. Питта санкционировало новую экспедиционную миссию. Военная группировка снова сосредоточилась на острове Уайт. Целью рейда был выбран порт Сен-Мало, находящийся на побережье Бретани. В июне 1758 г. экспедиция отплыла из Великобритании и достигнув цели, подавила береговую артиллерию огнем корабельных орудий, но не смогла овладеть городом. Учитывая опыт предшествовавшей экспедиции, пользуясь преимуществом неожиданности, британские войска начали штурм соседнего порта Сен-Серван, где сожгли все суда [4, с. 263–275].

Экспедиция находилась у Сен-Мало более недели, проводя разведку и нападения на сопредельные территории. Командование экспедиции рассматривало возможность нападения на Гавр, Кан или Шербур, однако погодные условия вынудили отложить возможность углубления войск на французскую территорию. В данных условиях командовавший британской экспедицией герцог Мальборо отдал приказ о возвращении в Великобританию [9, с. 24–28]. Не-

смотря на то, что рейд Сен-Мало завершился со схожими результатами, что и рошфорский рейд, в Великобритании он был воспринят диаметрально противоположно, и британская общественность считала экспедицию более чем успешной [12, с. 122–129]. Сопоставив факты, касающиеся обеих экспедиций, можно выявить парадоксальную ситуацию, при которой рошфорский рейд и рейд Сен-Мало мало отличались друг от друга по размерам экспедиционного корпуса, командному составу, поставленным целям и достигнутым результатам. Однако Д. Мордаунта, командовавшего рошфорским рейдом, обвинили в провале экспедиции, а прибытие герцога Мальборо, командовавшего рейдом Сен-Мало, напротив, сопровождалось позитивными настроениями в среде политической элиты и общественности, а сама экспедиция была расценена как тактический успех британской армии и флота [8, с. 32–55]. Прояснить ситуацию отчасти может взгляд на реакцию французской стороны. Ко времени экспедиции в порт Рошфор во Франции не было известно о намерениях и направлении главного удара британцев. Эффект неожиданности, которым воспользовалась экспедиция Д. Мордаунта поначалу, позволил на короткий срок облегчить положение ганноверских войск. Есть все основания полагать, что во Франции рошфорский рейд рассматривали и как возможную самостоятельную военную операцию, и как возможный отвлекающий маневр, который мог позволить британским подкреплениям достичь своих ганноверских союзников у города Штаде [11, с. 131–146]. В 1757 г. перераспределение французских войск и выделение сил для контроля и защиты прибрежных областей не было ощутимо настолько, насколько планировалось министерством У. Питта [7, с. 115–121]. Отчасти поэтому в Великобритании рейд не был расценен как значимый успех. В то же время, уже к 1758 г. ситуация изменилась, и вторая экспедиция, имевшая схожую цель, столкнулась с иным сосредоточением французских сил на континенте [17, с. 175–183]. После рошфорского рейда французы отрядили значительные силы для контроля побережья и ко времени прибытия британских войск к Сен-Мало, предполагали, что целью экспедиции является высадка во Фландрии и соединение с германской армией под командованием герцога Брауншвейгского, к тому времени перешедшей через Рейн. Последовательно, в 1757–1758 гг. французские власти задействовали все больше войск для защиты побережья, и в 1758 г., во

время рейда Сен-Мало, достижение цели У. Питта стало более осознанным.

Список литературы

1. Anderson F. *Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America 1754–1766*. New York, 2007.
2. Carr Laughton L. G., Anderson R. C., Perrin W. G. *The Mariner's Mirror: The Journal of the Society for Nautical Research*, Vol. 63–64. Society for Nautical Research., 1977.
3. Corbett J. S. *England in the Seven Years' War: A Study in Combined Strategy*. Cambridge, 2010.
4. Hackman W. K. *British military expeditions to the coast of France 1757–1761*, Ann Arbor, Michigan, 1969.
5. Harding R. *Seapower and Naval Warfare, 1650–1830*. L., 1999.
6. *History of Great-Britain, from the Revolution to the Session of parliament ending A. D. Vol. 1, 1793*.
7. Jennings F. *Empire of Fortune: Crowns, Colonies, and Tribes in the Seven Years War in America*. New York, 1990.
8. Marston D. *The Seven Years' War*. New York, 2013.
9. O'Gorman F. *The Long Eighteenth Century: British Political and Social History 1688–1832*. L., 2016.
10. Page A. *Britain and the Seven Years War, 1744–1815: Enlightenment, Revolution and Empire*. L., 2015.
11. Price J. M. *Overseas Trade and Traders: Essays on Some Commercial, Financial, and Political Challenges Facing British Atlantic Merchants, 1600–1775*. L., 1996.
12. Robson M. *A History of the Royal Navy: The Seven Years War*. L., 2016.
13. Smith R. A. *Eighteenth Century English Politics: Patrons and Place Hunters*. L., 1972.
14. Szabo F. A. J. *The Seven Years War in Europe: 1756–1763*. L., 2013.
15. *The London Magazine, Or, Gentleman's Monthly Intelligencer*. Vol. 26. 1757.
16. *The Report of the General Officers Appointed by His Majesty's Warrant of the First of November 1757, to inquire into the Causes of the Failure of the Expedition to the Coasts of France*. L., 1758.
17. Winfield R. *British Warships in the Age of Sail 1714–1792: Design, Construction, Careers and Fates*. Barnsley, South Yorkshire, 2007.
18. Winfield R., Roberts S. *French Warships in the Age of Sail 1626–1786*. Barnsley, South Yorkshire, 2017.

М. П. Айзенштат

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БРИТАНЦЕВ XVIII ВЕКА О КОНСТИТУЦИИ

Аннотация: В статье анализируется формирование представлений о конституции как совокупности государственного устройства и прав народа.

Ключевые слова: древняя конституция, государственное устройство, права и свободы.

М. P. Ayzenshtat

Doctor of Historical Sciences, senior research worker
Institute of General History of Russian Academy of Sciences, Moscow

CONSTITUTION'S IDEAS IN BRITAIN IN 18TH CENTURY

Abstract: Author analyzes constitution's ideas as total combination of State system, laws and freedoms.

Keywords: Ancient constitution, State system, laws and freedoms.

История Британии XVIII столетия неоднократно пересматривалась в отечественной и зарубежной историографии. Со второй половины XX в. историки выдвигали и обосновывали новые подходы к оценке ключевых событий и явлений социальной, экономической и политической истории. Очередной поворот в историографии связан с выходом из печати монографии Дж. Кларка. Исследовав идеологию, социальную структуру, религиозную и политическую практику Британии 1688–1832 гг., историк пришел к заключению, которое, по сути, отвергало какие-либо изменения в британском обществе в этот период. Британию он охарактеризовал как традиционное общество «старого порядка» [6]. Со времени выхода книги Кларка, получившей широкую известность, исследование политической истории протекало в двух направлениях. К первому течению примыкали авторы, полностью разделявшие его мнение. Такую позицию можно рассматривать как утверждение о стагнации во всех сферах жизни общества. Ко второму – все те, кто подчеркивал наличие изменений.

Исследователь имеет полное право на высказывание собственной позиции. Единственно, что можно оспаривать, – это достоверность его источников и адекватность выводов. Но, когда речь идет об истории страны на протяжении столетия (в данном случае мы не касаемся вопроса о хронологических рамках XVIII в., которые в работах историков обычно не совпадают с календарными датами), возникает сомнение в том, что общество на протяжении этих десятилетий пребывало в стагнации. Социальные, экономические и политические перемены отличаются от, например, химических реакций, которые имеют четкие границы начала и завершения. Оценить значимость наметившихся или происходящих в обществе процессов можно лишь в контексте времени их протекания и степени воздействия на дальнейший ход развития страны. Такой подход позволяет говорить о Британии XVIII в. как об обществе переходного периода, когда в недрах традиционного общества возникали и укоренялись новые экономические и социальные отношения, традиции, политическое поведение и представления. Они нашли отражение в интеллектуальной жизни общества. О чем свидетельствует публикация в 1776 г. знаменитого памфлета Д. Картрайта, программных трудов Дж. Бентама и А. Смита, заложивших либеральные экономические, политические и государственно-правовые идеи нарождавшегося промышленного общества. Один из аспектов интеллектуальной истории Британии, а именно – представление британцев о конституции во второй половине XVIII в., стал предметом выявления подвижек в интерпретации прошлого Британии, которые позволяют определить перемены в общественном сознании.

Британия, как известно, не имела специально разработанной и утвержденной конституции, которая бы четко определяла государственно-политическое устройство, взаимодействие ветвей власти, политические и гражданские права, а также права собственности и обязанности жителей королевства. Роль подобного основного закона осуществляли акты конституционного характера XVII в. и принятые ещё в Средние века статуты, появление которых было обусловлено конкретной ситуацией. Это обстоятельство стало богатой почвой для возникновения различного рода интерпретаций, что ставит перед исследователем проблему анализа толкования конституции и поисков его динамики. Ещё со времен раннего Средневековья и вплоть до середины XVIII века в политических кругах было довольно широко распространено мнение о существовании древней

конституции, в качестве каковой многими рассматривался свод законов Эдуарда Исповедника [9].

Идея о конституции получила своеобразное толкование и распространение в обществе в годы Английской революции. Тогда лидеры индипендентов, левеллеров и диггеров сформулировали собственное видение сложившейся в середине XVII в. ситуации и перспектив дальнейшего устройства страны. Важнейшим элементом в их рассуждениях стала договорная теория. Индипенденты полагали, что власть возникает в результате договора между монархом и народом, когда подданные передают часть своих прав правителю. По мнению левеллеров, договор заключали между собой все свободнорожденные англичане, добровольно отказавшись от части своих прав. Важным элементом идеологии левеллеров стало представление о естественных правах человека, принадлежавших ему с момента рождения. Этот синтез договорной теории и теории естественных прав являлся основой требований о возвращении народу прав, утраченных из-за нормандского завоевания в 1066 г. Проблема завоевания затрагивалась и диггерами. Для них оно привело не просто к потере политических прав и свобод, но к возникновению имущественного и социального неравенства, частной собственности на землю [5, с. 20–21]. Таким образом, в годы революции идеи о правах народа вытекали из толкования истории страны и теснейшим образом связывались с различными политическими взглядами на государственное устройство.

Актуализация истории Англии и, в том числе темы конституции, связана со Славной революцией и противостоянием тори и вигов в первых десятилетиях XVIII в. Прошлое страны предоставляло обеим сторонам многочисленные аргументы для обоснования собственной позиции. Если виги, исходя из политических принципов, полностью одобряли Славную революцию, Билль о правах и смену монархов на троне, то тори занимали противоположную позицию. Большинство из них придерживалось мнения об укоренившейся с древних времен традиции наследственной монархии в Англии и оставалось сторонниками свергнутой династии Стюартов. Именно в их лагере все чаще звучали утверждения о том, что конституция находится в опасности.

Тори утверждали, что завоевание разрушает существующие связи народа с законным правителем. Они доказывали, что люди никогда не были вольны избирать ни форму правления, ни самого правителя. С самого начала они являлись подданными той абсолютной

власти, которую правителям дал Бог, а подчинение является естественным состоянием людей. Такая позиция опровергала правомочность парламента, собравшегося в 1689 г., и его решения. Напротив, в идеологии вигов наметилось и получило развитие формирование стройной концепции истории острова. Англо-саксонское завоевание принесло с собой конституцию и традицию ежегодных выборов в парламента. Современные британцы являются единственным народом в Европе, имеющим конституцию, которая досталась им от предков, как, впрочем, и их права и свободы. Завоевания скорее характеризовались вигами позитивно, хотя имелись различия в их толковании. Это отчетливо проявилось в отношении Вильгельма Оранского. Виги соглашались с тори в том, что само по себе завоевание не предоставляет право на трон. Но такое право, настаивали они, завоеватель получает в том случае, когда берет народ под свою защиту [17, с. 3–5, 17, 18; 18, с. 4, 29].

Тезис о складывании ситуации, которая угрожает конституции, обычно озвучивали представители оппозиции, а с восшествия на престол Ганноверской династии в 1714 г. отстраненными от власти оказались именно тори. При возникновении политических кризисов такой довод служил им основательным аргументом в критике правительственного курса.

Ярким примером служит обсуждение в парламенте скандальных результатов парламентских выборов в графстве Оксфорд, когда шериф утвердил избрание четырех «рыцарей» вместо двух, как это было определено законом. В ноябре 1754 г. в палату общин поступили петиции от джентльменов, служителей церкви и фригольдеров графства, а также недовольных кандидатов. В них содержались жалобы на проведение выборов, которые завершились парадоксальным утверждением шерифа. Выборы отличались небывалым накалом, который отразил жесткое политическое размежевание жителей графства. К тому же избрание обошлось соперникам очень дорого даже по ценам того времени [10, с. 132], что говорило о размахе применения коррупционных приемов.

Сразу в первой речи по этому поводу в палате общин прозвучало оправдание шерифа, вынужденного поступить, по утверждению оратора, исходя из интересов собственной безопасности. Если бы в надлежащий срок он не вынес решения, то подвергся бы высокому штрафу и тюремному заключению. Чарльз Мордаунт подчеркивал, что выборы затрагивают интересы жителей не одного графства, а

всей страны. Свободам и конституции угрожает опасность в том случае, когда шерифы будут вынуждены выносить незаконные постановления [14, с. 395–398]. Основные положения, высказанные Мордаунтом, легли в основу дальнейшей дискуссии обеих сторон. Они состояли в оправдании или обвинении шерифа, апелляции к прошлому, определении источника опасности для конституции либо утверждении об её отсутствии и др. [1, с. 110–123]. При этом в речах выступавших ораторов конституция и права граждан зачастую были разъединены.

Виг Х. Уолпол в обстоятельной речи сравнил государство с пирамидой. Устойчивость государства, утверждал он, зависит от крепкого и обширного базиса, а его формирует конституция, которая каждому свободному человеку предоставляет право принимать участие в законодательном органе лично или через представителя. А на данный момент, говорил он далее, большинство копигольдеров лишено этого права, но изменение их статуса прибавит мощи конституции. Уолпол подчеркивал, что в некоторых графствах Англии и многих графствах Уэльса копигольдеры по традиции участвуют в выборах «рыцарей» (т. е. представителей от графств в парламенте) [14, с. 441–450]. Так, по словам Уолпола, конституция являлась источником прав народа, прежде всего права избирать своих представителей в парламент.

Естественно, проблема конституции звучала не только в политических диспутах, но и в исторических трудах. В середине столетия наибольшую популярность у читающей публики приобрели сочинения Г. Болингброка и Д. Юма. Болингброк неоднократно высказывался о конституции. Он признавал неопределенность смысла слова «конституция», как и слова «свобода», которая проявлялась в их использовании людьми, проповедующими противоположные доктрины. Однако, по их утверждению, они действовали, исходя из принципов конституции и свобод [6, с. 181].

Болингброк был убежден в том, что Славная революция вернула усовершенствованную и обновленную англо-саксонскую систему правления, восстановив её изначальные принципы [6, с. 168, 183]. Несмотря на размытость терминов, Болингброк использовал их, отождествляя конституцию со свободой. А «дух свободы» был воспринят от саксонских предков и «неведомых времен народного правления». Этот дух, полагал он, сохранялся в народе в борьбе против узурпаций Плантагенетов и Тюдоров и не стерпел «попрания прав и

привилегий Стюартами». Тогда настал час, когда терпеть стало постыдно и губительно. И была восстановлена «свобода нашей готической системы правления» [6, с. 169]. При всем разнообразии толкования «нас нельзя лишить свободы», писал он, «покуда существует и действует конституция, как нельзя оторгнуть от нас конституции, покуда мы сами не станем соучастниками тех, кто нарушает ее. Ибо в нашей конституции заложено больше, нежели в любой другой, древней или нынешней, не только для сохранения свободы, но и для продолжения собственной долговечности вплоть до бессмертия, если таковым может стать творение рук человеческих» [6, с. 183].

Из высказываний Болингброка можно заключить, что при всей неопределенности терминов «конституция» и «свободы» для него конституция предстает в качестве государственного устройства любого королевства. Для Англии важнейшую роль в нем играл баланс сил, а его нарушение – угроза конституции. Устройство и свободы взаимосвязаны, но не соединены. Угрозу же тому и другому он видел в злоупотреблениях вигов, главным образом в той коррупции, что расцвела в годы пребывания у власти его политического противника – Р. Уолпола.

Многотомная «История Англии» была задумана Д. Юмом как философский и литературный труд. Вместе с тем в ней содержался и существенный политический аспект – в показе иллюзорности утверждений о «древней свободной конституции» донормандской Англии и призывании ценить конституцию существующую. Историческое сочинение должно было также стать иллюстрацией одного из основополагающих положений его политической философии, а именно утверждения об эволюционном развитии государственных форм [2, с. 284–285].

Юм приходил к выводу: если истинная свобода является делом прогресса, если не может быть реальной свободы без должного движения права и без условий, которые делают это возможным, то пустой риторикой является представление об Англии как о единственной стране, сохранившей изначальную германскую свободу в отличие от других европейских наций. Все цивилизованные монархии уничтожили «свободу» готской феодальной конституции, которая в действительности была только свободой знати и короля и служила орудием угнетения народа. «Свобода» саксов была лишь проявлением неспособности варваров подчиняться правительству, заключал он.

Трактовка Юмом термина «конституция» имела свои особенности. Так, он писал, что при Якове I «конституция представляла собой внутренне противоречивую систему, нестройные и несогласные элементы которой должны были вскоре разрушить друг друга, на развалинах старой формы правления породив новую, более упорядоченную и единообразную» [13, с. 52]. «Двусмысленная природа английской конституции», по мнению Юма, состояла в «смутных и неясных границах между привилегией (правами парламента. – М. А.) и прерогативой (правами короля. – М. А.)» [13, с. 52, 237, 298]. Таким образом, английская конституция для Юма – форма смешанного правления, в которой не были четко оговорены, очерчены полномочия парламента и короны. Их неточность и неопределенность сохранялись вплоть до того времени, когда «парламент посредством непрерывных захватов и присвоений новых прав сумел утвердить ее на новых и непреложных принципах свободы» в Билле о правах [13, с. 38].

Итак, и Болингброк, и Юм были единодушны в оценке конституции и свобод Англии, акцентируя внимание на их неопределенности и размытости. Но позиция по остальным проблемам имела существенное отличие, прежде всего в вопросе о существовании древней конституции. Этот исторический миф сохранял свою привлекательность и во второй половине столетия. Свидетельством этому являлись различного рода публикации. В качестве примера укоренения таких представлений достаточно привести одно из сочинений тех лет. Это энциклопедия, подготовленная и изданная викарием графства Оксфорд Дж. Грейнджером [8]. В ней история страны изложена в контексте личности правителей и их окружения. Открывает энциклопедию раздел об Альфреде Великом. Благодаря «счастливому соединению хороших качеств», отмечал автор, Альфред защитил страну от рабства, ввел превосходные законы, строил флот, насаждал знания, заложил основы английской конституции [8, с. 2].

Вместе с тем миф о древней конституции стал фундаментом идеологии и программы радикалов. Сергей Борисович Семёнов основательно рассмотрел этот вопрос в своих работах. Он писал, что полное оформление взгляды радикалов получили в трудах Дж. Пристли, Р. Прайса, Гр. Шарпа, Дж. Бурга, К. Маколи и других авторов. В их обосновании авторы опирались на постулаты естественно-правовой теории Джона Локка, идейно-философской мысли Просвещения и протестантской религиозной доктрины [4, с. 138]. Ради-

калы, подчеркивал С. Б. Семёнов, были убеждены в существовании древней конституции, которая и послужила отправной точкой в обосновании законности требования о проведении реформы системы представительства и парламента. Присутствие конституции в отдаленные времена признавалось многими радикалами – авторами памфлетов, сочинений политического и философского характера, что превращало её в аксиому, не требовавшей доказательства [11; 12; 19, с. 279, 335]. Однако в отдельных вопросах толкования прошлого радикалы расходились. Иллюстрацией этому может служить позиция Джона Картрайта, названного современниками «отцом реформы» после публикации им памфлета «Сделайте свой выбор!».

Видение Картрайтом английской конституции отличалось оригинальностью. Он писал о своем решительном несогласии с утверждениями о том, что Великая хартия вольностей является «фундаментом английских свобод и базисом английской конституции». Он был убежден, что сами свободы явились источником появления Хартии, вырванной из рук короля. Он видел в ней формальную декларацию о правах, уже к тому времени известных в качестве конституционного наследия каждого англичанина [7, с. 67–68]. К теме конституции он возвращался не раз. В памфлете «Английская конституция» Картрайт обосновывал идеи правления народа, равенство перед законом, всеобщее избирательное право для мужчин, тайное голосование, равные избирательные округа. Картрайт неизменно отстаивал тезис о существовании древней конституции и правах народа. Насколько близки ему были эти утверждения, свидетельствует подпись под приветственным письмом, обращенным к У. Питту-младшему. Картрайт откликнулся на выступление Питта в палате общин, когда тот предложил создать комиссию для рассмотрения ситуации с представительством, и радикал подписал свое послание именем короля Альфреда. А именно с Альфредом радикалы связывали появление древней конституции в Англии, которую позднее отняли у народа [7, с. 149–150].

На начальном этапе Французской революции Д. Картрайт отмечал недооценку французами «искусства управления» при осуществлении собственного курса преобразований. Причину этого он видел в недостаточной информированности об управлении. Англия, утверждал он, никогда не оказывалась в подобной ситуации потому, что имела древнюю конституцию, Великую хартию вольностей и Билль о правах [7, с. 185–186]. Таким образом, Картрайт, как и мно-

гие его современники, древнюю конституцию дополняли Великой хартией вольностей и Биллем о правах.

Между тем в парламентской полемике, и прежде всего в речах вигов 1770–1790-х годов, понятие «конституция» обрело более сложное наполнение, что в значительной мере стало следствием изменения политической обстановки в стране. Восшествие в 1760 г. на престол молодого короля Георга III повлекло за собой перестановки в высших эшелонах исполнительной власти. Намереваясь покончить со злоупотреблениями вигов и разросшейся коррупцией, монарх отстранил старые кланы вигов от власти. Оказавшись в оппозиции, они в ходе дебатов в обеих палатах выступили в качестве защитников конституции. А опасения оппозиционеров, что политика Георга III направлена на усиление королевской власти и отказ от положений Билля о правах, способствовали активизации нападок на администрацию, обвинений в нарушении ею конституции. Подобная риторика возрастала во время политических кризисов последней трети века. Вместе с тем в высказываниях вигов выражалось неприятие идей радикалов. А толкование конституции расширялось в зависимости от обсуждавшихся проблем. Несколько реплик, приведенные ниже, проиллюстрируют разнообразие толкования. Так, Дж. Савиль уподобил конституцию дереву, корни которого проросли в сердца англичан. Поэтому, утверждал он, её нельзя менять, не разбив их сердца [15, с. 1429–1430]. Шеридан, говоря о революции 1688 г., заявлял, что рассматривал её как славную эру, которая принесла реальную свободу. Революция, продолжил оратор, установила те принципы управления и права человека, которые имеют ценность не только для англичан, но и жителей всего мира [15, с. 367–370]. Лорд Стенхоуп заявлял, что свобода прессы с полным правом может рассматриваться как главный оплот конституции, на которой основаны права, привилегии и преимущества народа. Он подчеркивал, что все важные положения английской конституции основаны на свободе прессы. В данном вопросе оратор игнорировал тот факт, что цензура была отменена в начале 1690-х годов, но сохранялись существенные ограничения на прессу. Среди главных принципов конституции Стенхоуп также отметил гражданские свободы и права подданных вооружаться для обеспечения собственной свободы и безопасности, обладать представительством (нельзя ими управлять без их согласия) и отвечать перед судом присяжных [16, с. 1043–1045]. Стенхоуп неоднократно говорил о превосходных по-

ложениях английской конституции, которые скопировали французы. Это превосходство, по его словам, составляли Билль о правах, Хабеас корпус акт, суд присяжных и свобода прессы [16, с. 902].

В ином ключе к вопросу о конституции обратился Р. Шеридан. Он утверждал, что дух английской конституции и её слава состоят в наличии в ней принципа проведения любого рода реформ: «Что такое история нашей конституции, как не обширная серия реформ?» Реформами, утверждал он, народ укреплял конституцию и разрушал притеснения и тиранию. Шеридан возражал против сравнения конституции со зданием, к которому нельзя прикоснуться без угрозы разрушить его [16, с. 1188, 1192]. Интерпретация Шеридана истории конституции была направлена против точки зрения Э. Бёрка и У. Питта. Последний вслед за Бёрком уверял, что конституция была запланирована и утверждена предками. Аристократия является в ней связующим звеном, объединяя все ветви власти, и придает ей стабильность и силу, поддержку и эффективность правления, в то время как представительство придаёт ему энергию [16, с. 414–415].

Итак, британские законы конституционного характера являлись продуктом конкретного времени и политических обстоятельств, что предопределило «размытость» их положений и возможность различного толкования. Если до середины XVIII в. значительная роль отводилась законам Эдуарда Исповедника, которые расценивались как древняя конституция, то во второй половине века представление о древней конституции постепенно вытеснялось иными концептами. С одной стороны, миф о древней конституции стал отправной точкой для выработки радикальной программы, содержавшей положения по переустройству системы представительства в парламенте и расширения прав народа. С другой стороны, важное изменение состояло в расширительном толковании актов конституционного характера, прав и свобод народа как совокупных положений конституции. Оно отражало формирование нового взгляда на взаимоотношения общества и власти, задачи государства, права и свободы граждан королевства.

Список литературы

1. Айзенштат М. П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.
2. Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998.
3. Болингброк. Письма о пользе и изучении истории. М., 1978.

4. Семёнов С. Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.
5. Соколов А. Б. Правь, Британия, морями? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб, 2015.
6. Clark J. C. D. English society 1688–1832. Ideology, social structure and political practices during Ancient regime. Cambridge, 1985.
7. Cartwright. F. D. The Life and Correspondence of Major Cartwright. L., 1825.
8. Granger J. A biographical history of England from Egbert the Great to the revolution; consisting of characters disposed in different classes, and adapted to a methodical catalogue of engraved British heads intended as an Essay towards reducing our biography to system, and a help to the knowledge of Port rates. V. 1. by the Rev. J. Granger, vicar of Shiplake, in Oxfordshire. L., 1769.
9. Greenberg J. The radical face of the ancient constitution. St. Edward's "Laws" in Early Modern Political Thought. Cambridge, 2001.
10. Grenville G. Papers: correspondence of Richard Grenville Earl Temple, and the Right Honourable. George Grenville / ed. by W.S. Smith. L., 1852. V. 1.
11. An Historical Dissertation concerning the Antiquity of English Constitution. L., 1768.
12. The History of England containing the introduction. Part 1 by John Wilkes. L., 1768.
13. Hume D. The History of England from the invasion of Julius Caesar to Revolution in 1688. V. 1–10. L., 1803.
14. The Parliamentary history of England. L., 1813. V. 15.
15. The Parliamentary history of England. L., 1815. V. 22.
16. The Parliamentary history of England. L., 1815. V. 28.
17. Three political Letters to a Noble Lord, concerning Liberty and Constitution. L., 1721.
18. The Revolution and Anti-Revolution Principles Stated and Compared. L., 1714.
19. The Universal magazine of Knowledge and Pleasure: containing news, letters, debates, poetry, music, biography, history and other Arts and Sciences. Vol. XLII, 1768.

Е. А. Куцева

кандидат исторических наук, доцент,
Самарский государственный
социально-педагогический университет, Самара

ПИСАТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ ВО ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Аннотация: Развитие печатного дела и рост грамотности населения Франции, и особенно Парижа, вызвали бурный рост интереса к чтению и, как следствие, интенсивное развитие литературной мысли, издательского дела и книжной торговли. В статье рассматриваются взаимоотношения авторов и издателей во Франции второй половины XVIII века, в частности Жан-Жака Руссо и Дюшена, Руссо и Рея, Дени Дидро и Ле Бретона. Прослеживаются изменения в книготорговле, характеризуется издательская деятельность. Уделяется внимание вопросам книгоиздательства и цензуры, а также легального и нелегального распространения книг. Поднимаются вопросы эволюции авторского права и появления прототипа современного издателя.

Ключевые слова: писатели, издатели, Франция XVIII века, книготорговля, Мармонтель, Руссо, Панкук, Ле Бретон.

E. A. Kuceva

candidate of the historical sciences, associate professor,
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

WRITERS AND PUBLISHERS IN FRANCE IN THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY

Abstract: The development of printing and the literacy of the population of France and especially of Paris, caused a rapid growth of interest in reading, and as a result, the intensive development of literary thought, publishing and book trade. The article discusses the relationship between authors and publishers in France in the second half of the 18th century, in particular between Jean-Jacques Rousseau and Duchesne, Rousseau and Ray, Denis Diderot and Le Breton. Changes in the book trade are traced, publishing is characterized. Attention is paid to issues of book publishing and censorship, as well as legal and illegal distribution of books. The article raises issues of the evolution of copyright and the emergence of a prototype of a modern publisher.

Keywords: writers, publishing, France, XVIII century, book trading, Marmontel, Rousseau, Panckoucke, Le Breton.

Во второй половине XVIII века происходит расширение читательского круга, к чтению привлекается все большее количество людей, молодежь активно читает и обсуждает все новинки. В связи с развитием идей Просвещения появляется мода на чтение. Благодаря карманным форматам и развитию книгопечатания, книга делается более доступной. Писательский труд, особенно в области философии, ста-

новится почетным. В обществе все хотят общаться со знаменитыми писателями, салоны и придворные наперебой приглашают к себе философов. Издатели сотрудничают с авторами, заключают договоры. Видя общественный спрос, издатели печатают произведения писателей буквально сразу же после заключения контракта. Монтескье, Вольтер, Руссо, Мармонтель – это только часть авторов, которыми зачитываются в Париже, да и во всей Франции. Их произведения читаются индивидуально и коллективно, живо обсуждая в обществе, пишутся заметки и анонсы в прессе. Популяризации чтению способствовало и появление новых жанров, например романа, который в конце Старого порядка прочно завоевал свою нишу.

Во Франции второй половины XVIII в. сохраняются две модели положения автора в обществе: писатель либо пользуется финансовой независимостью, которую обеспечивают ему происхождение либо род занятий, либо получает денежные вознаграждения и доходные места благодаря патронажу. Новая реальность – положение, в основе которого лежит только оплата написанных произведений, с большим трудом пробивает себе дорогу в конце Старого порядка [6, с. 63].

Л.-С. Мерсье в «Картинах Парижа» в очерке о писателях сообщал, что большинство знаменитых литераторов зарабатывают средства к существованию благодаря писательскому труду [2, с. 324].

В знаменитой «Энциклопедии» дается такое определение писателя: «Писатель, автор – эти два слова применяются к людям письма, которые публично демонстрируют произведения своего сочинения. Первое значение не раскрывает, что они пишут произведения художественной литературы, менее говорится о стиле, второе обозначает всех писателей, без уточнения жанра; имеет большее отношение к основе произведений, чем к форме» [9, с. 870].

Писатели XVIII в. меньше, чем писатели XVII в., зависели от меценатов и гораздо лучше умели торговаться с неуступчивыми книгоиздателями. Так, Руссо в 1752 г. отверг предложение о назначении ему королевской пенсии, активно сотрудничает с издателями и добывается больших гонораров [3, с. 309–310].

С 1760 г. меняется сам принцип договора авторов с издателями: раньше автор получал в награду определенное количество экземпляров своего произведения, чтобы засвидетельствовать почтение своим меценатам, теперь автор получает денежное вознаграждение, уплачиваемое издателем за рукопись. Гонорары сильно разнятся и зависят

от жанра произведения и известности автора, но они растут и во второй половине XVIII века достигают 5–6 тысяч ливров [5, с. 71].

«Литературная корреспонденция» за март 1777 г. сообщила, что благодаря успехам «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтель сумел продать рукопись своего нового романа «Инки» за огромную сумму в 36 тыс. ливров. «Инки» были оценены с особой строгостью. Если бы эта книга была объявлена под именем менее известного писателя, можно предположить, что продавец книг не заплатил бы такую сумму [7, с. 345–348].

Мерсье так выделяет роль и значение писателей: «Именно благодаря литераторам дух столицы сделался диаметрально противоположным духу придворных кругов. Столица стремится восстановить права человека и ограничить влияние вельмож». «Являясь хозяевами общественного мнения, писатели превращают его в наступательное и оборонительное оружие» [2, с. 326].

Большая часть печатного производства была сконцентрирована в Париже, а провинциальные печатники в основном производили оттиски, легальные или нет (то есть подделки), а также публикации местного спроса.

В Париже работали 36 типографских мастеров и около сотни книготорговцев. Их деятельность регулировалась примерно тремя тысячами нормативных актов, которые отражали различные аспекты их деятельности. Этот бизнес был насквозь пронизан корпоративизмом, монополиями и семейными связями [8, с. 228].

Монополию на книготорговлю в Париже имела корпорация книготорговцев-издателей. Это была закрытая организация, ведущая своё начало от позднесредневекового цеха. Её членами могли стать только сыновья, пасынки и вдовы её же членов [10, с. 210].

Сами книги были объектом налогообложения, для их продажи нужно было получить «привилегию». Получив «привилегию», член книготорговой гильдии приобретал исключительное право торговать этой книгой. Однако вместе с этим он мог разделить её на несколько частей или продать другому члену корпорации. В 1777 г. вышло постановление, в котором закрепилось понятие авторского права, были разграничены понятия «привилегия» и «авторство», теперь права на произведение принадлежали автору и его наследникам [8, с. 229].

Издательство во Франции XVIII века имело ряд ограничений – это касалось как газет и журналов, так и книг. Контроль над изда-

тельской деятельностью осуществляли цензоры, которые выдавали разрешения на издание. Каждый цензор специализировался на определенной тематике. Помимо цензоров в Париже работали два книжных инспектора. Так, например в 1762 г. инспектору Книжного департамента Жозефу д'Эмери издатели каждый четверг приносили на проверку готовящиеся к выходу издания [10, с. 208].

Мерсье критиковал институт цензуры во Франции, считая ее тормозом в развитии книгопечатания страны, выступал за свободу печати: «Королевские цензоры – самые полезные для заграничных типографов люди. Они обогащают Голландию, Швейцарию, Нидерланды и прочие страны. Они решаются давать свое одобрение только самым незначительным произведениям. И кто сможет их за это осудить, раз они несут личную ответственность за все, что ими одобрено? ...Между прочим, по странному противоречию, едва произведение появится в печати, перед ним раскрываются ворота столицы, и запрещенные книги после нескольких незначительных формальностей расходятся гораздо быстрее тех, которые получили одобрение цензора, ибо последние до своего появления в свет проходят бесконечный ряд всевозможных формальностей» [2, с. 280–281].

В «Энциклопедии» в статье, посвященной издателю, уточняется, что речь идет об издании художественной литературы, что «издатель – это человек письма, который публикует произведения других авторов. Издатель должен обладать двумя существенными качествами – это хорошо понимать язык, на котором написано произведение, и быть довольно сведущим в предмете, который обсуждается в книге» [9, с. 917].

В «Литературной корреспонденции» высказано критическое отношение к издателям и книготорговцам: «Книготорговец вместо того, чтобы наслаждаться талантами писателей и их произведениями, думает о том, чтобы оценить их; он спешит устроить всех писателей одного века в определенные классы и назначает каждому его место и звание; все, кто выходит за рамки его системы, раздражает его. Случается, что писатель публикует работу, которая, кажется, выходит за рамки жанра, в котором он уже заявил о себе; вы можете ожидать, что этот новый успех будет оспорен со всей воображаемой яростью» [7, с. 346].

Мерсье писал о положении дел в книгопечатании и книготорговле: «Всевозможные притеснения, препятствия, правила угнетают эту отрасль коммерции, требующую для процветания полной свободы.

Все жалуются на это и говорят, что разорены: книгопечатники, книгопродавцы, авторы. Первые не желают ничего покупать; когда же кто-нибудь печатает на свой счет, книгопродавцы не дают книге хода; а в это время самочинные издатели – неистребимая порода – захватывают вещь в свои руки, и автор теряет и гонорар, и право первенства. Вот в каком положении находится книжная торговля!

Один парижский книгопродавец наивно говорил: “Я хотел бы держать у себя на чердаке Вольтера, Жан-Жака Руссо и Дидро, всех троих без штанов; я хорошо кормил бы их, но заставил бы работать. Ах, зачем один из них так богат, и почему другие не работают по-листуно?”» [2, с. 338].

Появление издателя современного типа датируется второй половиной XVIII века. Наиболее представительным из этих людей является Шарль-Жозеф Панкук. В то же время появляется фигура научного редактора, прототипом которого является Дени Дидро, автор, издатель и редактор «Энциклопедии». Бомарше также играет эту роль для публикации произведений Вольтера и Руссо [14].

Так, у Дидро, как автора и, по сути, научного редактора «Энциклопедии», сложились сложные отношения с книгоиздателями. Каждый раз, заключая договоры и соглашения с издателями «Энциклопедии» Ле Бретоном, Давидом и Бриассоном (в 1747, 1754, 1759 и 1762 гг.), он прилагает немалые усилия, чтобы добиться наиболее выгодных условий у тех, кто ему платит и кого он называет «мои корсары». Так, Ле Бретон, не предупредив никого, сделал вымарки в некоторых статьях уже после правки гранок [5, с. 65].

Панкуку, следующему издателю «Энциклопедии», удастся повысить интерес к ней общественности, значительно понизив цену и сократив формат. Он активно распространяет «Энциклопедию», предложив своим читателям такое издание, о котором газеты и завсегдатаи салонов и кафе говорили, что оно продается по относительно умеренной цене [12, с. 50].

При содействии Панкука общее количество фактически проданных в Европе полных комплектов «Энциклопедии» достигает от 24 до 25 тысяч. Новатор и предприниматель, он стремился опередить спрос, издавал в разных жанрах и форматах и тем самым расширял круг читателей, выходя за старые пределы дорогостоящего книжного рынка. Благодаря капиталу из Нидерландов, Панкук печатал «Энциклопедию» в Швейцарии, наводнил своими изданиями европейский континент. Используя прессу, доступную для рекламы его компании,

он обеспечивал сотрудничество десятков авторов, которых принимал в своем особняке в Париже, незаметно превращаясь в «неформально-го министра информации».

Когда он решает издать «Методическую энциклопедию», организованную по предметам, а не по алфавиту, он действительно превращается в современного издателя. Книжный департамент и полиция ничего не могли сделать, чтобы помешать этому и были вынуждены закрывать глаза на нарушения действующего законодательства. Так под влиянием сочинений философов Просвещения произошло рождение общественного мнения, жаждущего информации [13, с. 30–32].

Современники вряд ли заметили изменения в книготорговле, в результате которых разделяются функции печатника, издателя и продавца книг. Для читателя важна сама книга, благодаря обширному рынку книг все читали знаменитых авторов-философов – Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо и других [12, с. 51].

Жан-Жак Руссо в 50–60-е гг. пишет и постоянно издает свои произведения. В 1759 г. он продал рукопись «Новой Элоизы» издателю Марку-Мишелю Рею за 2160 ливров [3, с. 310].

О фигуре голландского издателя Рея, с которым Ж.-Ж. Руссо тесно сотрудничал, он говорил так: «Этот издатель, о котором мне в Париже наговорили столько плохого, единственный из всех, с кем я имел дело, выказал себя с такой стороны, что я всегда мог только хвалить его. Правда, мы нередко с ним ссорились по поводу издания моих сочинений, он был легкомыслен, а я вспыльчив. Но в денежных делах, хотя мы с ним никогда и не заключали формальных контрактов, он был, на мой взгляд, сама точность и честность. Он один откровенно признавался мне, что получает от меня большие выгоды, и часто говорил, что обязан мне своим состоянием, предлагая мне вступить с ним в дело» [4, с. 565].

В 1761 г. появилась в печати «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, в 1762 г. – «Эмиль» и «Общественный договор». Во время печатания «Эмиля» Руссо опасался, хотя и имел сильных покровителей, что книготорговец продаст рукопись иезуитам и что его враги исказят ее текст. Чуть позже парижский парламент приговорил «Эмиля» за религиозное вольнодумство к сожжению, а автора – к заключению. Руссо предупредили покровители, и он выехал из Франции [1, с. 147].

Мальзерб в своих «Записках» упоминает без всяких уточнений, что несколько произведений Ж.-Ж. Руссо были осуждены, а автора приговорили к аресту [11, с. 305–306].

По поводу заключения контракта на «Эмиля» и стремление подтвердить официальное на него разрешение, Руссо писал: «Передав «Эмиля» госпоже де Люксембург, я узнал, что в Париже заключена сделка с книгопродавцем Дюшеном, который в свою очередь заключил контракт с амстердамским издателем Нэольмом. Госпожа де Люксембург прислала меня оба экземпляра моего договора с Дюшеном для подписи. Я узнал почерк этого договора: той же рукой были написаны собственноручные письма ко мне господина де Мальзерба. Уверенный, что договор составлен с согласия и под его надзором, я охотно подписал его. Дюшен обязался выдать мне за эту рукопись 6 тысяч франков, из которых половину – вперед, а по отпечатании – сотню или две даровых экземпляров. Тем временем я закончил работу над «Общественным договором» и отослал его Рею, назначив за эту рукопись тысячу франков, которую он мне и дал [4, с. 563–564].

Книжный рынок Франции включал легальные и нелегальные издания. Книги, изданные легально, были двух категорий: К первой относились книги, одобренные цезурой и получившие официальное разрешение на издание. Права на издание были исключительны, издатель получивший разрешение имел монопольное право на издание этого произведения. В то время издатель покупал у автора права на произведение за фиксированную плату и после этого мог переиздавать его неограниченное количество раз. Иногда случалось, что автор продавал права на «дополненное» или «переработанное» издание другому издателю за большую сумму. Но, как правило, авторы получали небольшие деньги за свои произведения, а их издатели богатели, если книга пользовалась популярностью. Вторая категория книг – это издания, получившие так называемое «негласное разрешение». Эти книги не проходили цензорской проверки, так как считались неопасными. Инспектора проверяли эти книги и вели их учёт, однако главным критерием при прохождении проверки был заголовок [10, с. 209].

Число негласных разрешений продолжает расти: с 6 в год в течение десятилетия 1719–1729 гг. оно увеличивается до 178 в период между 1764 и 1786 гг. [5, с. 62].

Официальные издатели в основном не брались за издание запрещённых книг, даже если они были весьма популярны. Они предпочитали стабильную и безопасную прибыль. Издание запрещённой литературы грозило исключением из состава книготорговой гильдии [8, с. 230].

Вопрос ввоза во Францию книг, изданных за рубежом, контролировался, но избежать контрабанды не удавалось. Сам Мальзерб как директор Книжного департамента часто потворствовал распространению просветительских работ, изданных внутри Франции и за границей.

Таким образом, во Франции второй половины XVIII в. в связи с развитием книжного спроса, идей Просвещения меняется модель взаимоотношения авторов с издателями. Издатели соответствуют запросам публики, печатают наиболее известных писателей и модные жанры, например философские произведения и романы. Несмотря на наличие цензуры, количество изданной литературы возрастает с каждым десятилетием XVIII в. Хотя и сохраняется королевская привилегия для издателей, правительство и Книжный департамент в 1777 г. издают постановление, где прописывается, что права на произведение принадлежали автору и его наследникам, а не издателям. Писатели становятся популярными в обществе и более самостоятельными, постепенно получая возможность существовать за счет своего писательского труда, увеличивая сумму авторского гонорара.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Личность и страсти Жан-Жака Руссо. М.: РГГУ, 2012. 261 с.
2. Мерсье Л.-С. Картины Парижа. 2 т. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1935. 566 с.
3. Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 688 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. М.: Захаров, 2004. 704 с.
5. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001. 256 с.
6. Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.
7. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. Т. 9. 1776–1778. Paris: Furne libraire et Landrange, 1830. 511 p.

8. Darnton R. Reading, writing, and publishing in eighteenth-century France: A case study in the sociology of literature. *Daedalus* 100(1). 1971. P. 214–256.

9. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Nouvelle édition. T. 11. Geneve: Chez Pellet, 1777. 1031 p.

10. Leigh R. A. 1984. Rousseau, his publishers and the 'Contrat Social': Bulletin of the John Rylands Library. 66(2). P. 204–227.

11. Malesherbes Ch.-G. Mémoires sur la librairie et sur la liberté de la presse. P.: H. Agasse, Imprimeur-Libraire, 1809. 396 p.

12. Mollier J.-Y. La construction de système éditorial français et son expansion dans le monde du XVIIIe au XXe siècle // Les mutations du livre et de l'édition dans le monde du XVIIIe siècle à l'an 2000: actes du colloque international, Sherbrooke, 2000 / Sous la direction de J. Michon, J.-Y. Mollier. Québec: Presses Université Laval, 2001. 597 p.

13. Mollier J.-Y. Les mutations de l'espace éditorial français du XVIIIe au XXe siècle // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. Année 1999. 126–127. P. 29–38.

14. Sacquin M. L'apparition de l'éditeur // Le livre des Lumières entre classicisme et modernité. URL: <http://classes.bnf.fr/livre/arret/histoire-du-livre/lumieres/index.htm>.

Т. А. Федорова

аспирант, Самарский государственный
социально-педагогический университет, Самара

КЕЛЬТСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ШОТЛАНДИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА И ВАЛЬТЕР СКОТТ

Аннотация: В статье освещается процесс становления поэтического творчества Вальтера Скотта. Поэтическое мышление писателя сформировалось под влиянием антикварного движения в рамках Кельтского Возрождения на рубеже XVIII и XIX веков. Благодаря участию в антикварном движении, развернувшемся на Британских островах во второй половине XVIII в., Вальтер Скотт не только собрал огромный исторический, литературный, фольклорный материал о населении Шотландии, но и приобрел навыки его систематизации. Применяв передовые для Европы того времени принципы шотландской философской истории к анализу и пояснению старинных баллад, Вальтер Скотт способствовал переходу антикварного движения к исследованию баллад как исторического источника, чем популяризировал культурное наследие Шотландии.

Ключевые слова: Кельтское Возрождение, антикварное движение, фольклор, Вальтер Скотт.

T. A. Fedorova

postgraduate student,

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

THE CELTIC REVIVAL IN SCOTLAND IN THE XVIII – BEGINNING OF THE XIX CENTURY AND WALTER SCOTT

Abstract: The article covers the process of formation of Walter Scott's poetic creativity. Poetic thinking of the writer was formed under the influence of the antique movement in the Celtic Revival at the turn of the XVIII and XIX centuries. Through participation in the antique movement that unfolded in the British Isles in the second half of the XVIII century, Walter Scott not only collected a huge historical, literary, folk material about the population of Scotland, but also acquired the skills to work on its systematization. Applying the principles of Scottish philosophical history, advanced for Europe at that time, to the analysis and explanation of ancient ballads, Walter Scott contributed to the transition of the antique movement to the study of ballads as a historical source, than popularized the cultural heritage of Scotland.

Keywords: Celtic Revival, antique movement, folklore, Walter Scott.

Заключение унии Англии и Шотландии (1707), налаживание новых экономических связей, способствовало модернизации и массовой миграции Шотландцев в промышленно развитые области страны. Желание сохранить свои национальные корни, не растеряв уникальность традиций и культуры, способствовало поиску своих национальных истоков. Такая тенденция отмечалась и в Уэльсе, Ирландии и Шотландии.

Кельтское Возрождение началось в середине XVIII века. Как и другие культурные явления, оно возникло стихийно и имело общую тенденцию. Движение возникло в среде интеллектуалов, которых объединяло желание ввести в сферу британской литературы историю и поэзию древних кельтов [9, с. 2].

Интерес к кельтской культуре, и особенно литературе, среди широкой публики усилился после публикации поэмы «Бард» Томасом Грэм в 1757 г. Именно это произведение рассматривается как точка отсчета Кельтского Возрождения [2, с. 45]. Это произведение оказало значимое влияние на все дальнейшие издания народной поэзии.

Одним из вдохновителей Кельтского Возрождения был Льюис Моррис, собиратель кельтской поэзии, епископ. Научный авторитет его еще более укрепился после выхода сборника валлийской поэзии “Diddanwch Teuluaidd” (1763) с его английским предисловием [7, с. 181]. В это издание, кроме оригинальных сочинений и переводов Льюиса Морриса, вошли и произведения его современников – валлийских поэтов Горонви Оуэна и Хью Хьюза. Результат же его 40-летних научных изысканий (к тому же только первая часть труда) с прологом «Для Камбрийской археологической ассоциации» вышел в свет лишь спустя столетие под названием «Кельтские реликвии. Собрание биографических, критических, исторических, этимологических, хронологических и географических материалов древней истории Британии» [1, с. 5].

Эдвард Эванс, друг и соратник Льюиса Морриса, также является ключевой фигурой Кельтского Возрождения. Работа, которая делает Эванса значимым исследователем в истории Кельтского Возрождения, была опубликована в 1764 году под названием «Некоторые образцы поэзии древних валлийских бардов». Она была переведена на английский язык с пояснительными записями об исторических событиях и кратким описанием людей, традиций и мест, упомянутых бардами [10, с. 4]. Это была первая работа в рамках Кельтского Возрождения, которая поэзию бардов сопровождала историческими комментариями, пояснением особенностей культуры, нравов, тем самым вызывая к ним интерес.

В середине XVIII в. в русле Кельтского Возрождения выделялись любители кельтских древностей – антиквари. Все любители древностей условно разделились на две группы. Первая группа (кельтома-ны) объединяла энтузиастов, поддерживавших исследования в области кельтологии. Среди них выделялись так называемые неodruidy, создавшие в Лондоне три общества: «Древний друидический орден», «Древний орден друидов» и «Общество на Примроуз Хилл». Построены они были по принципу масонских лож. Неodruidy пытались возродить культ древних и средневековых валлийских бардов, но делали они это в сентименталистском духе и приписывали им христианские доктрины. Вторая группа – антикельтисты – в сатирическом духе высмеивала все попытки возродить кельтскую литературу, которая «была, есть и будет языческой» [2, с. 46].

Английская общественность к концу века проявляла к антикварному движению большой интерес, создавая под своей эгидой мно-

жество интеллектуальных сообществ. Для возрождения валлийской культуры они создали «Кимродорское общество» в 1751 г. и общество «Гвинедигион» 1770 г. В обществах организовывались состязания бардов [10, с. 125]. Одним из направлений их деятельности были поиски редких старинных книг и манускриптов, касающихся истории страны [10, с. 24]. Благодаря работе членов этих обществ английская публика получила возможность познакомиться с работами по истории валлийских кельтов и друидизму [2, с. 46].

В отличие от валлийской литературы и культуры шотландская история и литература, впрочем как и вся культура кельтской Шотландии, оставались неизвестными и непонятными долгое время. В 50-х гг. XVIII в. в северной части Британии, так же как и в Уэльсе, начались поиски кельтского, или гэльского, фольклора. И зимой 1755–1756 гг. в «Шотландском журнале» была опубликована поэма «Элбин и дочь Мэя» – вольный стихотворный перевод гэльского оригинала, созданный Джеромом Стоуном, шотландским сельским учителем. В письме, приложенном к поэме, Стоун сообщал читателям о множестве гэльских стихотворений, известных в Горной Шотландии [4, с. 471–472].

Предполагается, что именно после этой публикации у скромного учителя родом из Инвернесса Джеймса Макферсона зародилась идея издать переводы некоторых гэльских стихов. Переводы Макферсона под названием «Поэмы Оссиана» (1765) стали самой яркой, или по крайней мере, самой известной работой в рамках Кельтского Возрождения из всех опубликованных в то время [2, с. 46].

О достоинствах и недостатках творения Макферсона, о спорах по поводу «Поэм Оссиана», за двести с лишним лет написано огромное количество исследований [4]. В спорах по поводу подлинности поэм обращает на себя внимание не только литературный, но и культурологический (если конкретнее – национальный) аспект. Почему именно Макферсон подвергся критике и нападкам со стороны английских коллег и ирландских «друзей»? Почему только его произведения вызвали активную и немедленную реакцию английских литераторов и ученых, отправившихся в специальные экспедиции в Шотландию с непременным намерением опровергнуть существование древних «песен»? Ни одно переложение валлийских песен, например того же Томаса Грэя, такой реакции не вызвали. Очевидно, к вопросу о подлинности гэльских поэм, послуживших основой его произведения, примешивались и националистические факторы. В 1830 г. Вальтер

Скотт отметит, что споры вокруг «Поэм Оссиана» были вызваны не столько научными или литературными интересами, сколько национальной неприязнью южного соседа [11, с. 274]. Проблема заключалась в том, что англичане считали шотландцев диким народом, не включенным в сферу цивилизации, а потому и не могли поверить в существование в их культуре эпических исторических поэм [2, с. 47].

Решительный поворот в развитии антикварного движения Британии наметился лишь в первые годы XIX в. благодаря публикациям Вальтера Скотта. Его трехтомное издание «Песен шотландской границы» (1802–1803) стало первым образцом научного подхода к эмпирическому материалу, собранному в древних рукописях и изустно. Он первым соединил эмпирические знания антиквариев с философской и исторической мыслью эпохи [2, с. 47]. Вальтеру Скотту удалось консолидировать историческую память Шотландии, посредством обращения к жанру народной баллады. Именно взгляд антиквара, собирателя древностей, позволил поэту отобрать наиболее ценный материал для воссоздания образа древней Шотландии. Старая поэзия легенд до сих пор сохраняет свою власть над сердцами людей, песни менестрелей нетленны, и подвиги рыцарей до сих пор вызывают сострадание и страх [12, с. 151].

Взгляды Вальтера Скотта формировались под влиянием двух мощных интеллектуальных движений XVIII в. – Шотландского Просвещения и Кельтского Возрождения. В Шотландии, униженной в национальном достоинстве после Унии с Англией 1707 г., оба движения приобрели особо острую направленность.

Вальтер Скотт познакомился с новыми идеями шотландских историков во время обучения на юридическом факультете Эдинбургского университета. В 1790 г. Скотт стал членом знаменитого «Спекулятивного общества» (“The Spec”) – клуба дискуссий по вопросам современных событий, философии, политики и литературы. Юридические навыки, которые он получил в конторе отца, позволили ему сблизиться с руководством клуба, и в 1791 г. он становится библиотекарем, а затем секретарем и казначеем общества. Это открыло ему доступ к хранившимся в библиотеке рукописям [3, с. 108].

Однако лишь знакомство Вальтера Скотта с переводами и подражаниями балладам Бюргера в 1795 г. помогло ему полностью изменить представление о древней поэзии, по-новому расставить акценты в своих поэтических занятиях и штудиях древних рукописей. Он и раньше отмечал различие шотландских и английских стихов,

но теперь в центре его внимания национальное своеобразие древней шотландской литературы и фольклора.

Разрабатывая свою концепцию историко-поэтического мышления, Скотт с интересом изучает творчество предшественников, а именно Джеймса Макферсона и епископа Перси. В сборнике Макферсона «Поэмы Оссиана», как замечает Б. Г. Реизов, было сделано самое главное: гэльское поэтическое мышление было переведено на английский язык. Осталось только откинуть то, что было добавлено Макферсоном в угоду его вкусам и вкусам эпохи [7, с. 65].

Поэт-антикварий, готовя издание народной поэзии, сопровождает каждое произведение историческими комментариями, погружающими читателя в быт, нравы и исторические реалии прошлого Шотландии.

Важность примечаний и комментариев к старинным текстам понимали все издатели конца XVIII – начала XIX века. По их мнению, хорошие примечания «украсят любое посредственное произведение» [7, с. 181].

Именно преследуя цель вызвать интерес у читающей публики, автор сопровождает обширным историческим экскурсом каждое произведение, а также не отвергает возможность усовершенствовать искаженную балладу, придав ей изящества [5, с. 573]. В одном из писем 1802 года, адресованных леди Гамильтон, он писал, что баллада о замке Кэдзоу была им отредактирована [12, с. 151]. Нет сомнений, что ряд текстов старинных баллад Скотт редактировал, объединяя разные тексты, однако оригинальный текст баллад при этом не искажался. Локхарт говорит о «добросовестности редактора, что препятствовало введению чего-либо нового», что говорило о чистоте вкуса писателя [8, с. 130–135].

Баллады, вошедшие в сборник «Песни шотландской границы», Вальтер Скотт воспринимал не столько как литературное достояние нации, но также как одну из форм исторической памяти Шотландии. Обширное введение историко-культурного характера и исторические пояснения к отдельным балладам указывают на стремление автора проанализировать фольклорный материал с историко-культурологической позиции [6].

Первое издание баллад, вышедшее в 1802–1803 годах, имело колоссальный успех. «“Песни шотландской границы”, – писал Скотт в марте 1803 года Чарльзу Карпентеру, – были так хорошо приняты взыскательной публикой, что, выручив сто фунтов прибыли от пер-

вого издания, которое, тщеславие не дает умолчать и не похвалиться, было распродано за шесть месяцев, я продал авторские права еще за 500 фунтов» [12, с. 176]. Впоследствии книга неоднократно успешно переиздавалась. Таким образом, можно констатировать, что благодаря таланту и умелому преподнесению информации Вальтеру Скотту удалось вывести шотландскую балладу из интереса узкого круга интеллектуалов-ценителей на обозрение массового читателя, тем самым популяризовав культурное наследие шотландцев.

Список литературы

1. Алипова Д. Г. Средневековые сказания Камбрии в поэзии позднего английского Просвещения // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2011. Вып. 1. С. 3–10.
2. Лазарева Т. Г. Антикварное движение в Британии XVIII века и Вальтер Скотт // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4. С. 47.
3. Лазарева Т. Г. Историзм в раннем творчестве Вальтера Скотта // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 107–114.
4. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона // Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983.
5. Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. М.: Художественная литература, 1965.
6. Скотт В. Вводные замечания о народной поэзии и о различных сборниках британских (преимущественно шотландских) баллад // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 20. М.-Л.: Художественная литература, 1965.
7. Johnston A. Enchanted Ground. The Study of Medieval Romance in the 18th Century. London, 1964. P. 181.
8. Lockhart C. S. M. The Life of Sir Walter Scott, Bart. Vol 7. Edinburgh: Robert Cadell, 1837.
9. Milford H. The Celtic Revival in English literature 1760–1800. Cambridge. Harvard university press, 1923.
10. Snyder E. D. The Celtic Revival in English Literature. 1760–1800. Gloster, Mass., 1965.
11. Scott W. The Poetical Works of Sir Walter Scott, Bart. With the author's introduction and notes / ed. by J. Logie Robertson, M. A. L.; N. Y.; Toronto, 1908.
12. The letters of Sir Walter Scott. London. Constable, 1932–1937. Vol. 1–12. Vol. 1. P. 151.

Ю. П. Аншаков
доктор исторических наук, профессор,
Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара

ЧЕРНОГОРИЯ ПОСЛЕ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА. КОТОРСКИЙ ВОПРОС В 1813–1814 ГОДАХ

Аннотация: В статье анализируется внешнеполитическое положение Черногории, сложившееся после Тильзитского мира (июнь 1807 г.) и ухода из Адриатики эскадры вице-адмирала Д. Н. Сенявина, после чего прервалось военное содружество русских и черногорцев в боях против французов в Далмации и на Адриатике в 1806–1807 гг. Теперь наполеоновская Франция стала граничить с Черногорией и расположенной на Адриатике Бокой Которской с родственным черногорцам населением. В статье приводятся примеры враждебного отношения французов к черногорцам и к духовному и светскому правителю Черногории митрополиту Петру I Негошу. Гибель французской армии в России в 1812 г. и последовавший затем заключительный этап борьбы с Наполеоном – все это, как показано в статье, привело к оживлению планов черногорского руководства на объединение Черногории с Бокой Которской в единое государство, получение выхода к Адриатике. В статье рассматриваются планы и действия Петра I Негоша в 1813–1814 гг., направленные на это объединение, его попытки привлечь к этому русское правительство и Александра I. Также анализируются причины нереальности этих планов в силу большой европейской политики, что в конечном итоге привело к возвращению Боки Которской Австрии.

Ключевые слова: Черногория, Россия, Бока Которская, Франция, Австрия, Англия, Петр I Негош, Александр I, Венский конгресс.

Y. P. Anshakov
Doctor of History, Professor, Samara Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Samara

MONTENEGRO AFTER THE TREATY OF TILSIT. THE BAY OF KOTOR PROBLEM IN 1813–1814

Abstract: The article deals with Montenegro's role in international relations after the Treaty of Tilsit (June 1807) had been signed and admiral Senyavin's squadron had left the Adriatic Sea, which put an end to Russo-Montenegrin joint fight against the French in Dalmatia and the Adriatic in 1806–1807. That time Napoleonic France bordered Montenegro and the Bay of Kotor with its population closely related to the Montenegrins. The article analyzes several cases of hostile attitude of the French towards the Montenegrins and their secular and

religious leader Petar I Njegoš. The defeat of the French in Russia in 1812 and the final stage of the Napoleonic Wars made Montenegrin authorities revive their plans of unification of Montenegro and the Bay of Kotor into one state with the outlet to the Adriatic Sea. The article discusses the plans and actions taken by Petar I Njegoš in 1813–1814, aimed at the unification, and his attempts to draw attention of Alexander I and the Russian government to this cause. The author shows how the system of international relations in Europe made those plans unrealistic and why the Bay of Kotor was eventually returned to Austria.

Keywords: Montenegro, Russia, Bay of Kotor, France, Austria, England, Petar I Njegoš, Alexander I, Congress of Vienna.

Международная обстановка в Европе в начале XIX в. неуклонно обострялась из-за нарастающей агрессивности Франции. Россия вплоть до Тильзитского мира активно противостояла французской экспансии на европейской арене, в том числе в Средиземноморье и на Балканах.

Австрия, потерпевшая очередное поражение от Наполеона, по условиям Пресбургского мира (декабрь 1805 г.) должна была отдать Франции Далмацию и Боку Которскую (область, включающая большой адриатический морской залив и мощные крепостные укрепления), где проживало родственное черногорцам население. Эти новые территориальные приобретения Франции существенно затрагивали внешнеполитические интересы России в стратегически важном для нее регионе. Черногория, для которой основной внешнеполитической задачей являлось обретение статуса независимого государства, расширение территории путем возвращения ранее отторгнутых земель и получение утраченного еще в начале XVIII в. выхода к Адриатике, была крайне заинтересована в тесном союзе с Россией, в том числе и в военном. С прибытием на Адриатику в феврале 1806 г. эскадры вице-адмирала Д. Н. Сенявина зародилось и окрепло тесное боевое содружество русских и черногорцев. Благодаря этому удалось предотвратить передачу Боки Которской Франции, а в дальнейшем русские войска и присоединившиеся к ним черногорцы и бокельцы (приморцы) принимали участие в осаде оккупированного французами Дубровника, а также в боевых операциях в Герцеговине в ходе начавшейся русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Однако Тильзитский мир (25 июня / 7 июля 1807 г.), по условиям которого Бока Которская отходила к Франции, перечеркнул многие надежды и планы черногорцев, а с уходом эскад-

ры Д. Н. Сенявина прервались тесные контакты России и Черногории [30, с. 88–97; 32, с. 114–171; 2, с. 103–132; 3, с. 88–97].

Тильзитский мир создал новую обстановку на границах Черногории. Теперь могущественная наполеоновская Франция была ее соседкой, а Бока Которская вновь стала чужим владением. Черногорцы лишились непосредственной русской поддержки и помощи, их отношения с новыми соседями складывались сложно и противоречиво, особенно в первые годы французской оккупации Приморья. Оставшись одна, Черногория, хотя и была ослаблена людскими и материальными потерями в сражениях 1806–1807 гг., сумела все же противостоять настойчивым попыткам Наполеона сломить ее, подчинить непокорную страну своему влиянию. Однако российский эмиссар С. А. Санковский, понимая перспективную значимость Черногории в балканской политике России, перед своим отъездом взял с духовного и светского правителя Черногории митрополита Петра I Негоша обещание по крайней мере в течение года не признавать над Черногорией какого-либо покровительства, кроме российского. Начиная с октября 1807 г. и на протяжении 1808 г. французские соседи Черногории неоднократно обращались к митрополиту с предложением учредить свое консульство в Цетинье, религиозном и административном центре Черногории. В феврале 1808 г. Петр I Негош известил посла в Вене А. Б. Куракина о таком предложении, поступившем от генерала Мармона, и просил российского дипломата проинструктировать, как ему поступать в данной ситуации [21]. На должность консула Мармон предлагал офицера Далматинского полка Павла Томича. В ответном письме А. Б. Куракин, ссылаясь на мнение Александра I, предложил владыке самому принимать решение о консульстве [4]. В мае 1808 г. в Цетинье состоялась скупщина, где французское предложение о консульстве было отклонено, поскольку помимо всего прочего Черногория, как отмечалось в постановлении скупщины, находится под покровительством России и этого достаточно [26, с. 168–169].

Тем временем ситуация на черногорско-французской границе складывалась тревожная, и в августе 1808 г. дело едва ли не дошло до вооруженного конфликта сторон. Тогда митрополит не допустил французские войска в монастырь Маине, который французы хотели использовать как опорную базу для борьбы с восставшими жителями приморской общины Браичи. Около 400 черногорцев примкнули к повстанцам. Генерал Бертран во главе восьмитысячного отряда

был уже готов вторгнуться в черногорскую Црмницкую нахию (область), но отступил, увидев готовность черногорцев дать решительный отпор [20, с. 391]. Несмотря на достигнутые в Тильзите договоренности не преследовать участников военных действий против французов в Далмации на практике новые власти Боки Которской нарушали их. В Петербурге следили за тем, как выполняются условия Тильзитского договора, касающиеся этих проблем. Поэтому, когда Александр I узнал, что военная комиссия в г. Которе, административном центре Боки Которской, прибегает к репрессивным мерам, вплоть до смертных приговоров, в отношении некоторых участников антифранцузской борьбы, он не оставил это без последствий. По указанию царя посол в Париже П. А. Толстой обратился к министру иностранных дел Франции Ж. Б. Шампаньи с настоятельным требованием прекратить преследование этих людей. Дело получило огласку, в курсе событий был сам Наполеон, который считал, что комиссия превысила свои полномочия, и распорядился предать полному забвению проступки осужденных [29, с. 401–402, 422–423].

Сохранявшееся и после Тильзита русское влияние в Черногории беспокоило Наполеона. В связи с этим генерал Мармон отмечал, что император прилагал большие усилия, надеясь подчинить черногорцев своей политике и навязать им покровительство Франции [30, с. 128]. Преследуя эту цель, военное командование в Далмации оказывало постоянное давление на черногорского митрополита, но все было тщетным. Петр I Негош решительно отказывался от установления тесных политических и экономических отношений с Францией, не изменял своей приверженности к России и высоко оценивал ее роль в исторической судьбе Черногории. Митрополит и черногорцы не верили французскому императору, и, хотя Наполеон был в это время в союзе с Россией, на Балканах мало кто верил в искренность и прочность этого союза.

Постоянная готовность черногорцев противостоять возможной французской агрессии сдерживала французов, заставляла их прибегать то к щедрым посулам, то к угрозам. В адрес черногорцев звучали грозные обещания превратить Монтенегро (Черногорию) в Монтероса (Красногорию), то есть залить ее кровью [23, с. 64]. Но пойти на это французы не решались, понимая, что слишком много их крови будет пролито в этих горах. В свою очередь черногорцы не стремились без необходимости враждовать с французами, не

имея для этого достаточных сил. Стремясь к добрососедским отношениям, митрополит запрещал черногорцам конфликтовать с французами. Поэтому с осени 1808 г. по 1811 год удавалось соблюдать относительный мир на границах, хотя и случались эпизодические локальные конфликты.

В 1809 г. Наполеон основал Иллирийские провинции, в которые среди прочих славянских земель была включена и Бока Которская. Сохранявшееся черногорское влияние в Приморье сильно беспокоило французов, не желавших иметь в тылу своих владений воинственный, непокоренный народ, способный в любую минуту подняться на борьбу и увлечь за собой других православных славян. По настоянию императора Мармон, ставший уже маршалом Франции, весной 1811 г. разработал детальный план военной экспедиции против Черногории, согласно которому она должна была быть атакована с четырех сторон военными силами в составе 13–14 батальонов при двенадцати орудиях [15, с. 259]. Реализации этих намерений помешало только то, что Мармон был отозван императором к другому месту службы, в Португалию. Сменившему его генералу Бертрону в июле 1811 г. было поручено рано или поздно уничтожить влияние черногорского владыки [15]. К тому времени французская администрация уже упразднила духовную власть Петра I Негоша в Приморье, которой черногорские митрополиты обладали еще с середины XV века. Новый военный губернатор Далмации генерал Бертран был готов реализовать план своего предшественника и даже удалил из Боки Которской русских офицеров, находившихся здесь в связи с урегулированием русско-французских финансовых вопросов [16, с. 71], по-видимому, опасаясь, что они придут на помощь вчерашним союзникам. Поводом к военной экспедиции служило то, что черногорцы, несмотря на запреты своих властей, стали угонять скот с французской территории. Еще более раздражало французскую администрацию Приморья то обстоятельство, что сотни бокельцев, скрываясь от призыва в армию, находили убежище в Черногории [23, с. 65]. Митрополит, черногорское руководство вовсе не желали испытывать судьбу и вступать в новую войну с французами, тем более не имея сильного союзника. Петр I Негош многократно предупреждал своих воинственных соплеменников, что месть французов может им дорого обойтись. В свою очередь французы стали задумываться над ценой замышляемой военной экспедиции. Это, а также изменившаяся политическая обстановка в средиземноморском регионе заставляли

французов действовать более лояльно по отношению к черногорцам. Митрополит в письме к своему секретарю С. Орловичу замечал, что генерал Гаутер письменно уверял его в приятном отношении французов к черногорцам. Однако их учтивое обращение, в том числе и при посещении черногорцами Котора, вызвано тем, что французы боятся возможности присоединения черногорцев к англичанам [24, л. 124 об. – 125]. В результате в июне 1812 г. состоялась встреча французских представителей во главе с генералом Готье и черногорских старейшин и Петра I Негоша, итогом которой стало подписание французо-черногорского соглашения. Согласно ему, все «недоразумения» отныне должна была решать совместная французо-черногорская комиссия. Во внешнеполитическом плане особый интерес представляла ст. 4, где среди прочего отмечалось, что если по призыву России Черногория согласится воевать против Франции, то французские власти должны быть предупреждены об этом за два месяца [20, с. 394]. Петра I Негоша радовали успехи русских войск на заключительном этапе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Желая русским войскам «счастья и славы», владыка, вспоминая прошедшие 100 лет с тех пор, когда митрополит Данило (1697–1735) «возложил надежду на россиян», горестно сетовал, что сейчас у него надежда только на Бога, который не оставит Черногорию за верность России [24, л. 124–124 об.]. Несмотря ни на что Черногория была готова вновь выступить на стороне России. Как подчеркивалось в письме митрополита к главнокомандующему Дунайской армии П. В. Чичагову, написанному в разгар войны 1812 г., никакие «колообращения европейских обстоятельств» не могут поколебать преданности черногорцев России [23, с. 66].

О победе России в Отечественной войне 1812 г. Петр I Негош узнал в декабре от того же П. В. Чичагова, который из военного лагеря на р. Десне сообщал митрополиту о совершенном истреблении французской армии и заодно обнадеживал черногорского владыку возможными переменами обстоятельств в судьбах балканских народов [17, с. 67]. Победа над наполеоновской Францией усилила политическое и военное влияние России в Европе, вырос и личный престиж Александра I в глазах европейских народов и их правителей. Гибель французской армии в России и последовавший затем заключительный этап борьбы с Наполеоном – все это оживило старые планы черногорского руководства, самого Петра I Негоша. Для Черногории

вновь обрела реальность надежда объединиться с Бокой Которской в единое государство, получить желанный выход к Адриатике.

Радикальное окончательное решение вопроса о приморских территориях стало казаться возможным черногорцам во второй половине 1813 г., когда оформилась шестая по счету и последняя антинаполеоновская коалиция (Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия, Швеция). Но Петр I Негош и его окружение не знали, что судьба Боки Которской в случае победы союзных сил над Францией была фактически предрешена, ибо во время переговоров о присоединении к антинаполеоновской коалиции летом 1813 г. Австрия выдвинула как неперемное условие переход в ее руки Иллирийских провинций, в состав которых входила и Бока Которская [13, с. 94; 31, с. 81]. Однако в Черногории ничего не знали об этом и еще задолго начали готовиться к решительной борьбе с французами за обладание Бокой Которской.

В ходе антинаполеоновских войн английский флот в 1812 г. прочно обосновался в Средиземном море, а английская и австрийская агентурная сеть широко распространялась по Приморью, охватив и Черногорию. Зная, что Великобритания находится в союзе с Россией, митрополит через своего эмиссара С. Пламенаца установил тесные связи с английским полковником Данезом, который, бывая в Цетинье, упорно склонял владыку к союзу с англичанами с целью освобождения Которской области от французского владычества. Петр I Негош согласился на это, поставив перед англичанами одним из условий объединение Черногории, Боки Которской и дубровницкого района Конавль в «единую небольшую республику» под покровительством России и Великобритании. Зная по опыту кампании 1806–1807 гг. переменчивость военной фортуны и международной политики, владыка добивался гарантий, чтобы в случае поражения от французов черногорцы по желанию были переселены в Россию либо Англию, сохраняя при этом свободу вероисповедания [15, с. 269–270]. Англичане обещали митрополиту выполнить поставленные им условия.

Достигнув соглашения с англичанами и уверенные в поддержке населения Приморья, черногорцы в сентябре 1813 г. вступили на территорию Боки Которской. Черногорцы и примкнувшие к ним бокельцы были оповещены митрополитом, что боевые действия против французов ведутся по согласованию с Россией, Австрией и Англией [20, с. 398]. В октябре 1813 г. с помощью британского

флота вся территория Боки Которской (кроме капитулировавшего в январе 1814 года г. Котора) была очищена от французов.

Еще в ходе боев Петр I Негош и его приморские сторонники подготавливали общественное мнение к объединению Боки Которской с Черногорией. В результате их действий, не дожидаясь освобождения г. Котора, представители Черногории, Будвы, Паштровичей и Боки Которской на скупщине в Доброте 29 октября 1813 г. приняли решение об объединении этих земель с Черногорией. Вскоре было сформировано Вече из 41 члена и временное правительство (Центральная комиссия) из 9 представителей Черногории и 9 представителей приморских общин [6, с. 47; 7, с. 63–73]. Оба этих представительных органа нового государственного образования республиканского типа возглавил в качестве председателя митрополит Петр I Негош.

Перед новым государственным образованием практически сразу встала острая внешнеполитическая проблема – выбор державы-покровительницы. В некоторых общинах с католическим населением под влиянием религиозных и культурных традиций, деятельной агитации австрийских агентов, направленной на вхождение Боки Которской и всего Приморья в состав Австрийской империи, существовали проавстрийские настроения. За установление в Боке Которской власти Австрии после окончания войны с Наполеоном выступали и некоторые бокельцы, входившие в состав Веча и правительства. Центром проавстрийского течения был г. Пераст. В противовес этому в Которе сформировалась прорусская группировка, возглавляемая Петром I Негошем. Обе группировки действовали через голову правительства, стараясь заручиться внешней поддержкой, проавстрийская добивалась этого в Вене, а прорусская рассчитывала на Петербург. В ноябре 1813 г. Петр I Негош направил письмо Александру I, в котором он уведомлял императора об освобождении Боки Которской и, заверяя царя в своей преданности России, просил признать объединение Черногории с Бокой Которской. Митрополит также просил царя принять новое государственное образование в свое владение, либо, если это невозможно, переселить в Россию желающих черногорцев [22, с. 69]. Эти действия Петр I Негош предпринимал втайне от правительства и лидеров проавстрийской группировки, которые в свою очередь также тайно направили представителя католических общин Боки к австрийскому императору

ру Францу-Иосифу I с прошением считать их своими подданными, а Боку Которскую – австрийской провинцией [13, с. 95; 6, с. 48].

Петра I Негоша интересовали не только масштабные международные проблемы, но и дела внутренние, которые он старался решить с помощью российского эмиссара капитана П. Н. Никича. Посланный П. В. Чичаговым в Боку Которскую для организации выступления славянских народов против французов, Никич по предложению митрополита возглавил черногорско-бокельские отряды, а после окончательного освобождения Боки Которской стал ее губернатором. В короткий срок он сумел оживить морскую торговлю, наладить охрану населения, создать пограничную стражу и добиться нормализации отношений с турецкими соседями [31, с. 83]. Вновь, как и в 1806–1807 гг., над Котором реял русский флаг, который, как и прежде, вызывал крайнее раздражение австрийцев. Деятельность Никича вызывала неприязнь у турецкого и австрийского правительств. Австрийский генерал Томашич трижды пытался ввести войска в Боку Которскую и оккупировать ее, но Никич «силою и внушением» выдворил австрийцев, сумев в этой весьма деликатной ситуации избежать возникновения конфликта между двумя союзными империями [19, с. 83]. Организаторская деятельность П. Н. Никича, которая, по словам Петра I Негоша, помогла «превозмочь и уничтожить великие опасности», заслужила самую высокую оценку митрополита [9, с. 789].

Все же существовавшая неопределенность в статусе никем не признанные в Европе объединенные Черногории и Боки Которской не позволяла радикально решать все жизненно важные проблемы, вселяла неуверенность в действия руководства. В январе и феврале 1814 г. Петр I Негош вновь письменно обращается к царю и высшим сановникам Российской империи с просьбой решить вопрос о Боке Которской, но ответа не последовало. Лишь в конце февраля через российского посла в Вене Г. О. Штакельберга митрополит был оповещен, что решение вопроса откладывается до заключения мирного договора [31, с. 84].

Положение, сложившееся вокруг Боки Которской, доставляло изрядное беспокойство русскому правительству, ставило его в затруднительную ситуацию. В силу заключенных в 1813 г. соглашений, главной целью которых было привлечение Австрии к антинаполеоновской коалиции, Бока Которская должна была отойти к Австрии, но нахождение там черногорцев и тем более объединение

их с приморцами в единое государство усложняло ситуацию и требовало специального решения. Александр I определил свое отношение к этому вопросу еще 28 февраля (12 марта) 1814 г., когда в Шомоне, на своей Главной квартире, написал письмо к Петру I Негошу, извещая его о передаче Боки Которской в руки Австрии. Митрополиту же и черногорцам царь советовал вернуться в свои пределы [13, с. 96; 31, с. 84; 5, л. 22–22 об.; 25, с. 83]. Однако это письмо не было отправлено, а посланец Петра I Негоша С. Пламенац был вынужден задержаться во Франции до лета 1814 г.

В апреле 1814 г., находясь в Париже, С. Пламенац направил письмо Александру I, в котором от имени митрополита просил императора принять объединенную Черногорию и Боку Которскую в российское подданство. В случае невозможности этого варианта Петр I Негош желал заручиться покровительством России, присоединив к Черногории и Боке Которской «малую частицу земли» Канавле, ранее принадлежавшую Дубровнику. Граница нового государства устанавливалась по небольшому городку Старая Рагуза [28]. Тем временем и П. Н. Никич из Котора письменно обратился к Александру I, заверяя императора, что объединенные в единую нацию черногорский и бокельский народы живут одной надеждой обрести покровителя в лице Александра I, спасителя Европы. Никич также отмечал, что митрополит и все «начальство народное» возложили на него исполнение обязанностей главного военачальника и что он уже приступил к выполнению своих обязанностей при Центральном правительстве, уделяя в первую очередь внимание решению пограничных вопросов с турецкими владениями [18].

В это время русское правительство было крайне обеспокоено судьбой сербских вождей, участников Первого сербского восстания 1804–1813 гг., которые после поражения от турок вынуждены были укрываться в австрийских владениях. Сербь-беженцы стремились к выезду в Россию, но венский двор чинил этому всяческие препятствия. Русское правительство напрямую увязывало вопрос о передаче Боки Которской с решением вопроса о выезде сербов в Россию и возврате им конфискованного австрийскими властями имущества. Переговоры по этому вопросу велись весной 1814 г., и, ожидая их положительного результата, Александр I уклонялся от ответа на письмо черногорского митрополита. Лишь после разрешения выезда сербов в Россию Александр I 20 мая (1 июня) 1814 г. подписал письмо Петру I Негошу (точную копию февральского послания), в

котором сообщал о решении союзных держав передать Боку Которскую Австрии [13, с. 96–97; 31, с. 84–85].

Однако Петр I Негош получил это письмо не сразу, поскольку С. Пламенац, первым из черногорцев узнавший это крайне огорчительное для его страны известие, отправился из Парижа в Вену. Здесь во время работы Венского конгресса С. Пламенац предпринял попытку изменить ситуацию с Бокой Которской. Он письменно обращался к Александру I с просьбой не отдавать Боку Которскую Австрии, поскольку, как настаивал эmissар митрополита, венский двор не имеет права на эту провинцию, не относящуюся к Далмации и освобожденную от французов ратными успехами черногорцев [12, с. 145–146]. Однако все было тщетным, Александр I был непоколебим, и С. Пламенац в начале сентября вернулся в Черногорию, где и вручил Петру I Негошу майское письмо царя.

Между тем Бока Которская уже находилась в австрийских руках. Еще в начале июня генерал Милутинович по предписанию своих властей во главе военного отряда из 3600 человек и при поддержке 15 кораблей вторгся в Боку Которскую. Тем самым он нарушил данное Петру I Негошу обещание не предпринимать каких-либо действий до получения им решения царя о судьбе Боки. Поверив австрийскому военачальнику, Никич сократил крепостные гарнизоны и ослабил охрану пограничной зоны. Неожиданно атакованный с суши и моря, гарнизон Котора 10 июня 1814 г. вынужден был капитулировать, а на следующий день черногорцы и митрополит вернулись в Черногорию [15, с. 287; 31, с. 85]. Черногорцы были готовы силой оружия вернуть Боку Которскую, но по настоянию Петра I Негоша, дожидавшегося ответа от Александра I, не вступили в борьбу с австрийцами. Возвращение С. Пламенаца с ответом царя перечеркнуло все надежды Петра I и черногорцев на воссоединение с Бокой Которской и другими приморскими территориями.

В отечественной и югославской историографии как ранее, так и сейчас существуют различные оценки отказа Александра I признать объединение Черногории с Приморьем в единое государство. П. А. Ровинский видел в этом непоследовательность и бесхарактерность русского правительства [27, с. 225]. Й. Бойович считает этот акт «огромной исторической несправедливостью» [17, с. 48]. В этом с ним можно согласиться. В. Джорджевич полагал, что победителю Наполеона Александру I хватило бы «одного слова», чтобы объединить Боку Которскую с Черногорией и создать независимое государство

[14, с. 4]. Аналогичных взглядов придерживался и Д. Вуксан, считавший, что «одного росчерка пера» Александра I было бы достаточно для объединения Боки и Черногории и тем самым выхода последней к морю [10, с. 246]. Подобные варианты не следует абсолютно игнорировать, как гипотетические они имеют право на существование. Могло же, например, русское правительство официально заявлять, что положительное для Австрии решение вопроса о Боке Которской напрямую связано с судьбой сербов-беженцев. Возможно, но лишь сугубо теоретически предположить, что Россия, пойдя на какие-либо территориальные компромиссы с Австрией в другой части Европы, в конкретных условиях 1814–1815 гг. сумела бы отстаивать интересы Черногории. Так во всяком случае полагали некоторые лица из окружения черногорского митрополита. Свидетельством тому служит проект создания славяно-сербского государства, предложенный в феврале 1814 г. на рассмотрение министра иностранных дел Н. П. Румянцева бывшим секретарем Петра I Негоша Д. Владевичем. Этот «прожектец» (так его именовал сам Владевич) предполагал закрепить за Россией Далмацию, Дубровник, Боку Которскую, Ионические острова, а также Галицию и Буковину. В качестве компенсации Владевич предлагал расширить австрийские владения за счет Венеции и Нидерландов, а в германских землях присоединить к Австрии «какую-нибудь Швабию». Кроме того, по мнению Владевича, «за истребление сербов» Россия имела право принять под свое покровительство Сербию, Болгарию и Северную Албанию [25, с. 81–82]. Разумеется, в такой фантастической комбинации и Черногория могла извлечь для себя пользу, заполучив не только Которскую область, но и Дубровник, что входило в дальние планы Петра I Негоша.

Подобные наивные «прожекты», нацеленные на то, чтобы перекрыть значительную часть Европы, строились на представлении о безграничных возможностях России, победительницы Наполеона. Они не могли всерьез восприниматься русским правительством и самим Александром I.

Безусловно, гораздо менее масштабное государственное образование Боки Которской с Черногорией под русским покровительством давало России возможность создать мощный военный форпост на Адриатическом побережье, где Которский залив мог служить идеальным пристанищем для российского флота. Все это было проверено на практике еще в 1806–1807 гг. Вместе с тем в Петербурге не могли не осознавать и тех больших отрицательных последствий для России,

которые неизбежно проявились бы в случае реализации этого плана. В первую очередь, несомненно, ухудшились бы русско-австрийские отношения. Австрия вынужденно терпела русское влияние в изолированной от моря Черногории, согласилась под давлением обстоятельств терпеть присутствие русских войск и флота на Адриатике в 1806–1807 гг. Однако в новых условиях посленаполеоновской Европы подобная ситуация становилась для венского двора неприемлемой. У Австрии было достаточно сил воспротивиться русскому проникновению в этот регион. Поскольку после победы над Наполеоном Австрия не только сохранила, но и усилила свои позиции в Центральной и Южной Европе, к тому же за ее спиной стояла Англия.

Британия, чей флот безраздельно господствовал в Средиземном море, также не собиралась делиться своим преобладанием в Средиземноморье. Наоборот, Венский конгресс отдал под протекторат Британии Ионические острова, бывшие ранее опорной базой русского флота (1798–1807 гг.), и правительство России под давлением обстоятельств пошло на это [8, с. 705–706].

Объединение Черногории с Бокой Которской создало бы обостренную ситуацию и в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство никогда не признавало независимости Черногории и лишь вынужденно терпело фактическое покровительство России над ней. Расширение границ Черногории к морю делало этого естественного врага Порты соседом в турецких приморских владениях. Порта, даже в силу необходимости сохранения международного престижа, могла предъявить свои претензии на новое государственное образование. Как следствие всего этого здесь мог возникнуть сложный клубок русско-австрийско-британско-турецких противоречий.

Возможность возникновения подобного рода ситуации понимали в западноевропейских столицах. Поэтому не только Англия и Австрия, но даже побежденная Франция, еще до начала работы Венского конгресса, настроились решительно добиваться международного признания статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке, рассчитывая тем самым сковать на ближайшее время возможную активность России в этом регионе. Таким образом, то, что было возможным в годы борьбы против общего врага Наполеона, становилось неприемлемым в годы мира. Западные державы не были намерены возвращать России утраченные ею военно-морские базы в Средиземноморье. Не имея же их, Россия, даже если бы и пожелала, не могла оказать помощь Черногории в удержании Боки Которской.

В судьбе Боки Которской нашло отражение соотношение сил великих держав в их борьбе за преобладание в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье. Кроме того, принципы легитимизма и баланса сил в Европе, провозглашенные победителями Наполеона, позволяли западным державам сдерживать Россию в ее попытках укрепиться в этих регионах. Идеология Священного союза вступала в противоречие с интересами европейских народов, борющихся за свое национальное освобождение, создание самостоятельных государств, возвращение некогда утраченных территорий. По справедливому замечанию И. С. Достян, правительство Александра I вместе с другими европейскими кабинетами несло ответственность за проведение такой политики [13, с. 194–195].

Следует также учитывать и то обстоятельство, что у России в Европе были проблемы, несравненно более значимые для ее внешней политики, чем объединение Черногории с Бокой Которской. Например, тот же важнейший для нее польский вопрос не мог быть решен без участия Австрии. Поэтому царское правительство шло на компромиссы и уступки Австрии в других менее важных делах.

В Черногории, где хитросплетения большой европейской политики были неведомы, известие о передаче Боки Которской Австрии восприняли как трагедию. Черногорцы и Петр I Негош были явно обижены и разочарованы тем, что их заслуги в борьбе против французов и проявленная при этом преданность России не были оценены по достоинству. В письме к царю от 26 сентября (8 октября) 1814 г. митрополит откровенно сетовал на это и одновременно жаловался на притеснения со стороны Австрии, которые явились следствием усердия и верности черногорцев России [11, с. 239–240]. С этим письмом к Александру I был направлен П. Н. Никич, но это обращение не принесло результата. Петр I Негош возлагал определенные надежды на Венский конгресс. В австрийской столице тот же Никич получил аудиенцию у Барклая де Толли, но вскоре убедился, что судьба Черногории не интересует участников конгресса, которые из-за острых разногласий предпочли вообще не обсуждать проблемы, связанные с восточным вопросом. Из Вены Никич направился в Лондон, рассчитывая заинтересовать английское правительство делами Черногории, но и здесь его постигла неудача [31, с. 86]. Всего лишь годом раньше англичане, как уже отмечалось, заинтересованные в военных силах черногорцев в борьбе против французов за Которскую область, обещали многое, в том числе и объединение Черногории с Бокой Котор-

ской. Но прошло время, ситуация изменилась, отпала нужда в черногорцах, и в Лондоне предпочли забыть о своих обещаниях. Так Черногории пришлось пережить еще одно разочарование, на сей раз виновницей этого была Великобритания.

Военная и дипломатическая борьба за Боку Которскую в 1813–1814 гг. потребовала от Черногории напряжения всех сил народа, больших военных и финансовых затрат, но все оказалось тщетным. Страна вновь оказалась в изоляции, без выхода к морю, во враждебном окружении австрийских и турецких соседей.

Список литературы

1. Аналогичные письма черногорский митрополит направил и российским государственным деятелям (Н. П. Румянцеву, А. Б. Куракину и др.) // Записи. 1940. Књ. XXIII. Св. 4. С. 241–242.
2. Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998. С. 103–132.
3. Аншаков Ю. П. Черногория в первые годы XIX века // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011. С. 88–97.
4. АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1808 г. Док. 1552.
5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. СПб ГА. 1-8. Оп. 7. 1813–1814 гг. Д. 1. Л. 22–22 об.
6. Бойович Й. Р. Россия и Черногория в конце XVIII – начале XIX в. // Россия и славяне: политика и дипломатия. Балканские исследования. М., 1992. Вып. 15. С. 47.
7. Вићевић В. Прилог проучавању дјелатности Правног ресора Уједињених покрајина Црне Горе и Боке Которске. 1813–1814 // Уједињење Црне Горе и Боке Которске 1813–1814. Године (Зборник радова са научног скупа одржаног у Котору 10–12. Новембра. 1988). Титоград, 1991. С. 63–73.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД. Серия 1. М., 1972. Т. VIII. С. 705–706.
9. ВПР. Серия 1. М., 1970. Т. VII. С. 789.
10. Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његова доба. Цетинье, 1951. С. 246.
11. Вуксан Д. Политичка и друга интересантнија писма из времена митрополита Петра I // Записи. 1940. Књ. XXIII. Св. 4. С. 239–240.
12. Вулековић В. Б. Дипломатска дјелатност Саве Пламенца у вези уједињењем Црне Горе и Боке Которске // Уједињење Црне Горе и Боке Которске 1813–1814. Године (Зборник радова са научног скупа одржаног у Котору 10–12. Новембра. 1988). Титоград, 1991. С. 145–146.
13. Достян И. С. Россия и балканский вопрос (из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.). М., 1972. С. 94.
14. Ђорђевић В. Црна Гора и Аустрија. 1814–1894. Београд, 1924. С. 4.

15. Лекић Д. Спољна политика Петра I Петровића Негоша (1784–1830). Цетиње, 1950. С. 259.

16. Лукић Ч. Митрополит Петар Први Петровић. Титоград, 1991. С. 71.

17. П. В. Чичагов – Петру I Негошу, 13 (25) декабра 1812 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С. 67.

18. П. Н. Никич – Александру I, 7 (19) мая 1814 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1814 г. Док. 2185.

19. П. Н. Никич – Н. П. Румянцеву, 7 (19) апреля 1814 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С. 83.

20. Пејовић Ђ. Д. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развика. Београд, 1981. С. 391.

21. Петр I Негош – А. Б. Куракину, 25 февраля (8 марта) 1808 г. // Архивско одјелење Народног музеја Црне Горе (далее – АОНМЦГ). Ф. Петар I Петровић Његош. 1808 г. Док. 1478.

22. Петр I Негош – Александру I, 22 ноября (4 декабря) 1813 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С. 69.

23. Петр I Негош – П. В. Чичагову, 8 (20) августа 1812 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С. 64.

24. Петр I Негош – С. Орловичу, 18 (30) апреля 1812 г. // Российский военно-исторический архив. Ф. 14209. Оп. 3/163^б. Св. 24. Д. 12. Ч. IV. Л. 124 об. – 125.

25. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. С. 83.

26. Распоповић Р. М. Црна Гора и Русија: огледи и есеји. Београд – Подгорица, 2005. С. 168–169.

27. Ровинский П. А. Отношения между Россией и Черногорией при владыках // Журнал министра народного просвещения. 1885. Ч. ССXXXIX. С. 225.

28. С. Пламенац – Александру I, 26 апреля (8 мая) 1814 г. // АОНМЦГ. Ф. Петар I Петровић Његош. 1814 г. Док. 2179.

29. Сборник РИО. СПб, 1893. Т. 88. С. 401–402, 422–423.

30. Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море. М., 1954. С. 45–84.

31. Хевролина В. М. Из истории русско-черногорских отношений в 1813–1833 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия: материалы международной научной конференции. М., 1992. Ч. I. С. 81.

32. Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958. С. 114–171.

М. В. Жолудов
кандидат исторических наук, доцент,
Рязанский государственный
университет имени С. А. Есенина, Рязань

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЕ
ЗА ПАРЛАМЕНТСКУЮ РЕФОРМУ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XIX В.**

Аннотация: В статье анализируются причины возникновения и особенности протекания политического кризиса в Великобритании в 1830 г. В этот период в стране резко обострилась экономическая ситуация, ухудшилось социальное положение населения. По мнению автора, в этих условиях в Великобритании возникает мощное либерально-демократическое движение за проведение умеренной парламентской реформы. Во главе движения встала аристократическая партия вигов, благодаря усилиям которой была проведена парламентская реформа 1832 г., положившая начало глубоким конституционным преобразованиям и предотвратившая революционные потрясения в стране.

Ключевые слова: Великобритания, XIX век, виги, тори, радикалы, парламентская реформа 1832 г.

M. V. Zholudov
Candidate of Science, History, Associate Professor,
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan

**POLITICAL PARTIES AND PARLIAMENTARY
REFORM MOVEMENT IN GREAT BRITAIN
IN THE EARLY 30-s OF THE XIX CENTURY**

Abstract: The article analyses the causes and peculiarities of the political crisis in Britain in 1830. During this period, the country's economic situation has worsened sharply, so as social life of the population. In the author's opinion, in these circumstances powerful liberal-democratic movement for promoting moderate parliamentary reform occurred in the UK. The movement was headed by the aristocratic Whig party, which adopted the parliamentary reform of 1832. This action opened the beginning of profound constitutional change and prevented the revolutionary upheaval in the country.

Keywords: United Kingdom, 19th century, the Whigs, the Tories, the Radicals, parliamentary reform of 1832.

Парламентская реформа 1832 г. явилась, пожалуй, одним из самых знаменательных внутривнутриполитических событий в Великобритании XIX в., положивших начало серьезным демократическим преобразованиям конституционной структуры британского государства. Проведение реформы, которая, по существу, означала переход от аристократического правления к буржуазно-демократической избирательной системе, проходило в условиях ожесточенной борьбы между различными социальными и политическими силами Великобритании, между сторонниками и противниками старого порядка. В борьбе за реформу масштабно проявилось (может быть впервые в британской истории) противостояние двух парламентских партий – тори и вигов. От активности этих партий во многом зависела судьба демократических преобразований в Великобритании.

Дореформенная парламентская система в Великобритании была весьма запутанна и хаотична. Она во многом зависела от традиций и прецедентов. Порядок выборов в высший представительный орган страны существовал в почти неизменном виде с начала XVII в. Правящие круги Великобритании не были заинтересованы даже в незначительном его изменении. Земельная и финансовая аристократия с помощью устаревшей избирательной системы успешно осуществляла свою власть.

Экономический кризис обострил и без того тяжелую ситуацию в стране и сделал более актуальным вопрос о политической власти. Вопросы о «хлебных законах», налоговой системе и т. п. в связи с кризисом встали более остро. Буржуазия понимала, что решать их в свою пользу при недостаточной политической власти, при существующем парламенте она не сможет, и была готова начать активную борьбу против господства аристократии, используя усилившееся во время кризиса недовольство народных масс Великобритании. Социальное напряжение в стране на рубеже 20–30-х гг. XIX в. было очень сильным. Английский ученый У. Ростоу в своей «Диаграмме социального напряжения» за время с 1790 по 1850 г. называл этот период высшей точкой, временем «непрерывного сильнейшего возбуждения, неизвестного с 1641 г.» [9, с. 162].

Смерть короля Георга IV и предстоящие в связи с этим парламентские выборы заставили вигов взять в свои руки реформаторскую инициативу и более четко определить свою политическую позицию. Они понимали, что не смогут взять власть, не добиваясь реформы избирательной системы. Долше медлить было невозмож-

но. Обстоятельства складывались таким образом, что виги окончательно перешли в лагерь защитников реформы и взяли руководство движением в свои руки.

На предвыборном митинге в Йоркшире 26 июля выступил с программной речью один из лидеров вигской партии Генри Брум. Он, в частности, заявил: «Мы эмансипировали католиков и умиротворили Ирландию; эмансипируем же все средние промышленные и низшие классы наших сограждан и водворим в Англии мир, спокойствие и довольство... Я не сомневаюсь, что предстоящие выборы значительно продвинут вперед вопрос о парламентской реформе» [3, с. 57]. Так, учтя направление общественного мнения, вигская оппозиция устами «самого радикального из вигов» объявила о поддержке реформы.

Парламентские выборы, прошедшие в конце июля – начале августа 1830 г., значительно изменили политическую ситуацию в Англии. Они серьезно ослабили торийское правительство герцога Веллингтона, так как в результате выборов тори потеряли пятьдесят мест в парламенте. Герцог Веллингтон и его сторонники все с большим трудом сдерживали политические атаки оппозиции. Несмотря на то, что торийской кабинет удержался у власти, выборы стали ощутимым успехом оппозиции, сплотившейся вокруг требования проведения парламентской реформы и состоявшей из вигов, каннингитов, ультратори и радикалов. Этот успех убедил немногих еще колеблющихся вигов в том, что поддержка реформы является лучшим способом прийти к власти. Потерявший доверие народа торийской кабинет герцога Веллингтона сумел продержаться лишь до ноября 1830 г.

В конце августа 1830 г. внутривнутриполитическая ситуация в Англии обострилась в связи с начавшимися в графстве Кент крупными крестьянскими волнениями. Причинами недовольства крестьян были затянувшийся экономический кризис, высокие церковная десятина и рента, низкая заработная плата сельскохозяйственных рабочих, повсеместная бедность и пауперизм в английской деревне, а также агитация радикалов. Английские бедняки жгли амбары и скирды хлеба, разбивали молотильные машины. Очень быстро аграрное движение, получившее зловещее название «Свинг» (в переводе с английского языка это название может обозначать «качели», «виселища», «взмах цепом при молотье», «свобода»; историки дают различные интерпретации происхождения этого названия. – М. Ж.), стало массовым, перекинувшись на соседние графства (всего им

было охвачено шестнадцать графств южной Англии) [5, с. 202–211]. В последние месяцы беспокойного 1830 г. многие землевладельцы и фермеры получали письма с подписью «Свинг» или «Капитан Свинг» примерно следующего содержания: «Джентльмены! Вот что вас ожидает, если вы не уберете свои машины и не повысите зарплату беднякам до двух шиллингов шести пенсов в день семейным и до двух шиллингов холостым, – мы сожжем ваши амбары и вас вместе с ними. Это наше последнее слово» [5, с. 208]. На подавление крестьянских волнений министром внутренних дел в кабинете Веллингтона Робертом Пилем были посланы войска и даже артиллерия, сотни мятежников брошены в тюрьмы или отправлены на каторгу в далекую Австралию. Волнения прекратились лишь в декабре 1830 г.

Развязка правительственного кризиса наступила довольно неожиданно. В день открытия сессии парламента, 2 ноября 1830 г., герцог Веллингтон выступил в палате лордов с печально знаменитым ответом на речь лорда Грея, в которой последний настаивал на необходимости проведения умеренной избирательной реформы. Веллингтон прямо определил позицию тори по этому вопросу, отвергающую любые реформы парламентской системы Великобритании. Речь торийского премьера, по существу, стала актом политического самоубийства для него и для его кабинета. Вигский журнал «Эдинборо ревью» так описывал выступление Веллингтона: «Он стоял прямой, убежденный, сорвавший маску как общепризнанный, выставленный напоказ, добровольный противник реформы» [8, с. 532]. Он вызывающе заявил: «Я прямо и без всяких колебаний выскажу свой взгляд на этот вопрос. Я глубоко убежден: страна имеет в настоящее время такой законодательный орган, который отвечает всем необходимым требованиям хорошего управления в большей степени, чем законодательный орган какой-либо другой страны. Я скажу больше: наша форма правления и система представительства пользуются, и заслуженно пользуются, полным доверием страны, а дебаты в парламенте имеют очень большое влияние на общественное мнение. Я намерен идти дальше и утверждать, что, если бы в настоящий момент я взялся сформировать такой законодательный орган для какой-нибудь страны, подобной нашей, имеющей значительную массу собственности различного рода, я не уверен, что смог бы сформировать такой законодательный орган, каким обладаем мы, потому что природа человека не способна дос-

тичь такого совершенства... Народное представительство охватывает в настоящее время значительную часть собственности страны, и интересы землевладения имеют в нем преобладающее влияние. Ввиду этого я не намерен выступать с каким-либо предложением вроде того, на которое намекал почтенный лорд (лорд Грей. — М. Ж.). Я не только не намерен сам предлагать что-либо в этом роде, но прямо заявляю, что до тех пор, пока я участвую в правительстве, я буду считать своим долгом противодействовать таким мерам, если они будут предлагаться другими» [10, с. 52–52].

Выступление премьера показало, что он принимает вызов сторонников реформы и готов вести борьбу до конца. Это было крупной политической ошибкой Веллингтона, который вновь не учел общественного мнения. Он хотел прибавить решимости своим сторонникам, а дал прекрасный политический козырь сторонникам реформы. Высокомерное заявление Веллингтона вызвало бурю возмущения среди оппозиции. Либеральная пресса, почуяв добычу, буквально бросилась на «растерзание» противника. Газета «Таймс» писала: «Заявление герцога, направленное против всякой реформы, уже само по себе не предвещало ничего хорошего, но к этому еще присоединилось опасение, что оно станет удобной ширмой для всякого рода злоупотреблений и хищений и подкрепит обломки той системы, которая была причиной столь тяжелых бедствий» [12]. Высказывание «Эдинборо ревью» было весьма категоричным: «Такое поразительное мнение возможно никогда не произносилось в представительном собрании разумных людей. Ничего более отличающегося от мнения страны, более оскорбительного для ее чувств... конечно же никогда не было сказано» [7, с. 101]. Во многих крупных городах Англии прошли массовые антиправительственные митинги и демонстрации. В столице носились слухи о якобы готовящемся убийстве Веллингтона, о каком-то походе на Лондон и т. п. В парламент посыпались петиции, протестующие против заявления премьера и требующие избирательной реформы. На улицах британских городов распространялись многочисленные нелегальные памфлеты и листовки. В одной из таких листовок говорилось: «Свобода или смерть. Англичане! Британцы! И все честные люди! Время, наконец, пришло — весь Лондон соберется во вторник, приходите вооруженными, мы уверяем вас, что 6000 кортиков взято из Тауэра для кровожадной банды Пиля — помните проклятую тронную речь! Хотят вооружить эту дьявольскую полицию (имеются в виду отряды

лондонской полиции, созданные министром внутренних дел Робертом Пилем в 1829 г. – М. Ж.). Англичане, неужели вы не покончите с этим?» [8, с. 532].

Таким образом, герцог Веллингтон своим выступлением в палате лордов значительно упростил оппозиции захват политической власти в стране. Освещая продолжающийся правительственный кризис в Англии, А. Матушевич в донесении на имя вице-канцлера Российской империи К. В. Нессельроде от 12 ноября 1830 г. отмечал, что герцог Веллингтон решил дать бой оппозиции по вопросу о реформе и что по предложению Генри Брума вопрос о реформе будет предложен на рассмотрение палаты общин уже 16 ноября. Ссылаясь на чрезвычайно сложную ситуацию, российский посланник не решился предсказать исход борьбы, заметив, что соотношение голосов может измениться уже в ходе парламентских дебатов. Однако он взял на себя смелость утверждать, что если герцог Веллингтон потерпит неудачу, то ему наверняка придется уйти в отставку. А новый британский кабинет, по мнению Матушевича, вероятнее всего составят «лорд Грей, комбинация старых сторонников Каннинга, либералов по своей сути, и те тори, которые выступают против герцога Веллингтона со времени принятия Акта об эмансипации католиков» [1, л. 571]. Как потом оказалось, этот прогноз российского дипломата полностью подтвердился.

Накануне предполагаемого внесения в палату общин запроса о правительственной реформе, то есть 15 ноября 1830 г., правительство потерпело поражение по довольно мелкому вопросу – о цивильном листе. Веллингтон был рад воспользоваться предложением для отставки, чтобы с «еще большим треском не провалиться по вопросу о реформе» [7, с. 105].

На следующий день А. Матушевич сообщил в Петербург о том, что кабинет герцога Веллингтона оказался в меньшинстве по вопросу о королевском цивильном листе и больше не в состоянии вести борьбу против реформы в парламенте. «Виги и тори (ультратори. – М. Ж.) объединились в борьбе против правительства, – доносил Матушевич, – вопрос о реформе в настоящий момент отложен. По всей вероятности, главным претендентом на пост главы правительства станет лорд Грей, которого поддерживают бывшие сторонники Каннинга и оппозиционные тори» [2, л. 342].

20 ноября лорд Грей сформировал новое правительство. После двадцати трех лет оппозиции виги вновь пришли к власти. В прави-

тельствственной декларации, изложенной 22 ноября палате лордов, они объявили своими главными принципами избирательную реформу, поддержание порядка в стране, сокращение государственных расходов и мир с соседними государствами [10, с. 605]. Но во главе программы нового кабинета Великобритании безусловно стоял вопрос о парламентской реформе. «Виги являются естественными, причем с давних пор, – писала «Таймс», – сторонниками реформы, за исключением, пожалуй, крупных землевладельцев; поддержка реформы сейчас сильнее в палате общин, чем за ее пределами» [13]. «Главной заботой новых министров, – говорилось в следующем номере газеты, – должно стать то, что, придя к власти с помощью народа, они должны уменьшить наши страдания (подчеркнуто в газете. – М. Ж.) или навсегда канут в Лету» [14].

Новое правительство Великобритании, однако, с большим трудом можно было назвать вигским. Оно было либеральным и по составу, и по объявленным задачам своей деятельности. В него вошли представители от трех оппозиционных группировок, поддерживавшие в парламенте лорда Грея и сплотившиеся под либеральным лозунгом о проведении избирательной реформы: вигов, каннингитов и ультратори. Граф Матушевич в специальной депеше в Петербург дал подробную характеристику новому британскому кабинету. Он, в частности, писал: «Правительство, которое заместило администрацию Веллингтона, является правительством, где власть полностью доверена старым лидерам партии вигов, таким как лорд Грей, а также бывшим членам кабинетов лорда Ливерпуля и Каннинга – лорду Пальмерстону, лорду Годричу, лорду Ландздауну, лорду Мельбурну и Чарльзу Гранту. Герцог Ричмонд, хотя он и тори, также занял кресло в кабинете» [2, л. 369]. Кабинет лорда Грея включил в себя многих видных политических деятелей страны, весьма искусственных в делах управления государством и являвшихся единомышленниками по большинству вопросов государственной политики. На эту особенность правительства обращала внимание «Таймс»: «Состав кабинета Грея настолько хорош, насколько ему позволяет таковым быть внешнее состояние партий. Он был определен выбором общественных деятелей, которые, скорее всего, согласны по большинству политических вопросов, и в особенности с теми великими принципами, объединяющими все мыслящие и бескорыстные умы в современном беспокойном мире» [14]. Матушевич в своем донесении указывал, что «в отношении ораторских та-

лантов, присутствие которых является одним из обязательных условий представительной формы правления, новое правительство – одно из самых замечательных, которые когда-либо существовали. Оно собрало почти всех из самых красноречивых представителей обеих палат» [2, л. 370]. Победенные тори в бессильном сарказме реагировали на состав либерального кабинета следующим образом: «Мы слышали, что каждый член этого сборища (то есть правительства. – М. Ж.) кажется удачно назначен на место, на которое он менее всего подходит» [11, с. 316].

По своему составу кабинет лорда Грея был почти целиком аристократическим. Считают, что это был один из самых аристократических кабинетов Великобритании на протяжении всего XIX в. [9, с. 30]. Его членами были выходцы из самых знатных семейных кланов страны: лорды Грей, Дарем, Холленд, Рассел, Олторп, Стэнли, Пальмерстон. Во время личной беседы лорд Грей рассказал княгине Ливен о тех главных принципах, которыми он руководствовался при подборе министров: «Во-первых, я хотел показать, что в теперешнее демократическое и якобинское время есть возможность найти людей способных и среди высшей аристократии, но это не значит, что я желаю закрыть доступ (в кабинет) людям истинно достойным, если бы я встретил таковых среди членов палаты общин; но при одинаковых достоинствах, я отдам предпочтение аристократу, ибо этот класс служит гарантией безопасности государства и престола. Во-вторых, я не хочу, подобно моему предшественнику, блистать за счет своих коллег. Наоборот, мой кабинет составлен из людей, показавших выдающиеся парламентские способности. При выборе каждого из них я принимал в соображение его личные способности к занимаемому им посту, и я предоставляю каждому полную свободу действий в его части. Таким образом, совещания кабинета будут настоящими совещаниями, и деспотизм будет уничтожен» [4, с. 695]. Новое правительство представляло собой собрание весьма одаренных аристократов-реформаторов. По словам британского историка Дж. М. Тревельяна, «старая аристократия продолжала выдвигать очень способных людей, а большинство из способных аристократов были сторонниками реформы» [15, с. 232].

Сам лорд Грей, по мнению А. Матушевича, был «медлительным и осторожным реформатором», взгляды которого по вопросу о реформе в его парламентских выступлениях были выражены «в самых общих чертах». Новый премьер давал понять, что его планы реформ

очень умеренны и внесут «мало изменений в систему народного представительства» [2, л. 370]. При этом Грей не скрывал, что он оставляет за собой право выдвинуть реформу лишь в случае, когда «обстоятельства позволили бы ему сделать это». Другой видный член либерального кабинета, министр иностранных дел лорд Пальмерстон, по словам Дж. М. Тревельяна, «в душе не любил билль о реформе» [15, с. 233]. Видя, однако, неизбежность проведения этого билля, он всячески стремился ограничить его демократическую суть. Тем не менее лорд вполне соответствовал, как считали в Лондоне, занимаемому креслу в кабинете. «Таймс» так оценивала его назначение: «Лорд Пальмерстон имеет большой опыт в качестве главы трудного департамента (он в течение восемнадцати лет возглавлял военное ведомство Великобритании. – М. Ж.) и, как можно судить по его публичным заявлениям, является сторонником либеральной политики в отношениях с зарубежными государствами» [14].

Радикальные деятели не попали в состав правительственного кабинета. Возможно, они не показались Ч. Грею «достойными» роли государственных мужей. Но, скорее всего, он боялся излишней радикализации своего кабинета. Так он отблагодарил радикалов за их поддержку в борьбе за власть. Российский посланник в Лондоне удовлетворенно отмечал в своем донесении: «Радикализм там (то есть в правительстве. – М. Ж.) полностью исключен. Уже даже партия радикалов находится в открытой оппозиции к министерству Грея» [2, л. 369].

Новое вигско-либеральное правительство сделало достижение парламентской реформы главным направлением своей внутривнутриполитической деятельности. В июне 1832 г., после упорной и бескомпромиссной борьбы с торийскими оппонентами парламентский акт о реформе был принят. Парламентская реформа 1832 г. имела для Великобритании огромное значение. Перераспределение парламентских мест и расширение избирательного права были осуществлены в интересах средних классов. Вместо аристократическо-олигархического государственного строя, приспособленного к интересам узкого круга земельной аристократии и финансистов, в стране активно устанавливался буржуазно-демократический порядок. Великий акт о реформе открыл целую серию парламентских преобразований в Великобритании в XIX – начале XX в. (избирательные реформы 1867, 1884–1885, 1911 гг.).

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1830. Д. 134а.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1830. Д. 139.
3. Джефсон Г. Платформа. Ее возникновение и развитие. История публичных митингов в Англии. СПб, 1901. Т. 2.
4. Княгиня Ливен и её переписка с разными лицами // Русская старина. СПб, 1903. Т. 114. № 6.
5. Поулсен Ч. Английские бунтари: пер. с англ. М., 1987.
6. Рюде Дж. Народные низы в истории 1730–1848: пер. с англ. М., 1984.
7. Butler J. R. M. The Passing of the Great Reform Bill. L., 1914.
8. Edinburgh Review. 1830. Vol. 52. № 103.
9. Evans E. J. The Great Reform of 1832. L., 1983.
10. The Hansard's Parliamentary Debates. 3rd ser. 1830. Vol. 1.
11. Quarterly Review. 1830. Vol. 44. № 87.
12. Times. 1830. № 320.
13. Times. 1830. № 321.
14. Times. 1830. № 326.
15. Trevelyan G. M. British History in the Nineteenth Century and After. Harmondsworth, 1968.

О. А. Чернов

кандидат исторических наук, доцент,
Самарский государственный
социально-педагогический университет, Самара

ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКИХ ОБРАЗОВ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ Н. В. ЧАРЫКОВА

Аннотация: В статье анализируются эпистолярные и мемуарные источники, автором которых был Н. В. Чарыков. Результатом их анализа стало изучение эволюции британских образов в его интеллектуальной практике.

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, Высшая школа Эдинбурга, Великобритания, Шотландия, «Английское общество для прений».

О. А. Chernov

candidate of historical sciences, associate Professor,
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

THE EVOLUTION OF BRITISH IMAGES IN THE INTELLECTUAL PRACTICE OF N. V. CHARYKOV

Abstract: The publication explores the evolution of British images in the intellectual practice of N. V. Charykov.

Keywords: N. V. Tcharykow, High school of Edinburg, Great Britain, Scotland, “English Society for Debate”.

Николай Валерьевич Чарыков – видный российский дипломат и учёный, в государственной и интеллектуальной практике которого заметное место занимали элементы традиций британской культуры [2].

Применение историко-генетического метода позволяет установить, что складывание связей рода Чарыковых с британской культурой начинается с основания рода – Степана Самойловича Чарыкова, который служил в армии российского царя Алексея Михайловича [1]. Как отмечает Н. В. Чарыков, его предок получил дворянство «с учетом отличной службы в течение войны с Польшей, когда Вильно был взят войсками царя. Он и одиннадцать мужчин той же самой семьи служили в 1677–1678 в полку конницы, которым командовал шотландский офицер, полковник Павел Менезий Питфоделс» [3, p. 65].

Одним из важнейших детерминирующих факторов формирования в ментальности Н. В. Чарыкова элементов британской культуры стало обучение в Шотландии [11]. Побудительным мотивом отца – В. И. Чарыкова – стало то, что он был недоволен своим образованием. Н. В. Чарыков отмечал: «хотя мой отец был лучшим учеником его выпуска в Павловском кадетском корпусе... и его фамилия записана в золотых надписях на мраморной доске корпуса в 1836 году, он был очень неудовлетворен «дешевым» образованием, которое он получил» [3, p. 75].

Именно поэтому «он решил обеспечить для его детей лучшее ... и «религиозно-моральное» образование, которое могло тогда быть». К тому же «его жизнь к тому времени стала определенно связана с работой в российских областях, где даже дети губернатора не могли найти соответствующие школы или преподавателей. Таким образом, он решил отправить всех нас в школы Западной Европы. Это было непросто сделать в то время. Российским детям не разрешали учиться за границей, и мой отец смог получить иностранный паспорт для меня только потому, что мое здоровье действительно требовало специального лечения».

В. И. Чарыков, на тот момент один из активных деятелей Великих реформ Александра II, а в недавнем прошлом участник Крымской войны, решил направить своего сына на обучение в Эдинбург.

Желая показать сыну Европу, В. И. Чарыков выбрал водный путь из Самары в Эдинбург. По дороге Николай вел дневник. В Севастополе он посетил развалины времен Крымской войны. В дневнике он заметил, что они «...наводят на душу какое-то грустное, грустное чувство, и невольно думаешь: вот до чего довела европейская цивилизация» [5, л. 105].

С 1865 г. Николай Чарыков приступает к обучению в Королевской высшей школе Эдинбурга. Отец поселил его в доме профессора Аркэра.

Н. В. Чарыков вспоминал, что учебная программа, по которой он обучался, содержала в основе своей «греческую, латинскую, классическую география, мифологию... Мы имели курс зоологии на нашем первом г., и я даже получил приз за мои «Записки по зоологии»» [3, р. 77]. Кроме того, изучали биологию, физику, химию, арифметику и алгебру [3, р. 77–78]. Николай увлекался и спортом, брал уроки верховой езды, играл в национальные спортивные игры англичан – крикет и футбол.

Он внимательно следил за отношением к России и пришел к выводу, что англичане и шотландцы интересуются и симпатизируют ей. Рассуждает о различии полицейской службы в Англии и России. По его мнению, в Англии порядка больше, а причина тому – прекрасное освещение улиц ночью и то, что полицейские не имеют будок, а вынуждены ходить по улице и следить за порядком. «Я думаю, как и ты, – писал он отцу, – что англичане как народ гораздо менее впечатлительны, чем русские, и что они не могут так глубоко чувствовать любовь, как мы...» [4, л. 145]. «Вчера я был в высшем судебном месте Шотландии... интересно было видеть, как здесь ведут дела. Тоже интересно будет мне сравнивать русские с шотландскими законы и обычаи, когда я возвращусь домой в Россию» [4, л. 247].

Окончив Королевскую высшую школу Эдинбурга с отличием, он летом 1869 г. возвращается в Россию [4, л. 555], где продолжает учёбу в Александровском лицее.

В письмах к отцу он продолжает сравнивать Британию и Россию. На сей раз он характеризовал учебу и воспитание в Эдинбурге и Петербурге и полагал, что в Шотландии ему было лучше, ибо там он имел больше свободы и при нем был персональный гувернер. Он

сравнивал и два города и отмечал, что Эдинбург высок и горист, а Петербург ровен и широк. Эдинбург – старинный город, образованный, когда еще не было России, а Петербург – город новый. Кроме того, с первого взгляда «Эдинбург угрюмый и темный, а Петербург блестящий и разноцветный. Но когда взглядишься, то в Эдинбурге есть чудная прелесть в его местоположении, на горах ... с многочисленными озерами и горными потоками, а в Петербурге кроме блестящей наружности и дурного климата ничего нет» [4, л. 139]. Отмечал он разницу и в уличной публике: «Петербург – столичный город, центр всей империи. К нему стремятся все: и бедные, и богатые, и русский мужик, и иностранец. Все стараются в него попасть, а, попавши, хотят показать себя, что они за делом приехали. Эдинбург совершенно не то. В нем живут вообще только люди небольшого состояния, которые там занимают какую-нибудь должность».

Позднее он вспоминал, что четырнадцатилетний «британский школьник, который чувствовал себя общим любимцем, и был свободен жить и действовать в пределах разумных границ, как ему нравилось, внезапно оказался взаперти в санкт-петербургской школе-интернате, где мальчики были постоянно под наблюдением, где выход на улицу был возможен только с воспитателем и парами и не разрешался свободный выход, где не разрешалось покупать то, что хочется, и не имелось никакой детской площадки и никаких спортивных состязаний» [3, р. 81].

Чарыков вспоминает свои ощущения «человека, который привык говорить открыто и смело и который внезапно оказался в тисках бюрократии и власти полиции, где не были разрешены какие-либо политические права, где ещё сохранялись традиции крепостничества, и где вся академическая молодежь была под подозрением».

Недовольство бытом привело его к тому, что в сентябре 1872 г. Николай Чарыков поселился у своего лицейского преподавателя англичанина К. О. Хиса и продолжил успешную учёбу.

Летом – осенью 1874 г. он путешествует по Европе [6, л. 175]. Позднее В. Чарыков отмечал: «Больше всего меня привлекло в этом путешествии то, что я посетил парламентские страны». С большим интересом он присутствовал на заседаниях парламентов Великобритании, Франции и Германии и пришел к выводу, что реальный конституционный порядок, основанный на свободе, есть только в Англии [3, р. 87; 10, р. 2].

Впоследствии Чарыков был удостоен чести стать членом «Английского общества для прений», существовавшего в Петербурге с 1864 г. Общество состояло из 20–25 человек российских англичан. Это общество собиралось два раза в неделю и обсуждало самые разнообразные вопросы политического, научного, общественного характера. Нельзя было обсуждать два вопроса – русскую политику и религию. Чарыков был рад своему участию в этом обществе, ибо считал свою выгоду очевидной: «первое – беседа умных людей, второе – возможность упражнения и развития ораторского таланта» [6, л. 230]. Уже на первом для него заседании Николай решил выступить с речью. Вопрос, который был поставлен на обсуждение, состоял в том, что члены общества должны были решить, какой род литературных произведений имеет больше влияния на образование национального характера – прозаический или поэтический. «Я буду говорить и стану на сторону утверждающих преобладание поэтического элемента в народном характере» [6, л. 234], – писал он в письме отцу.

В феврале 1876 г. Н. В. Чарыков приступает к работе в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. В числе прочих дел он внимательно изучает материалы английской газеты Times. Его заинтересовала статья о лекции, прочитанной в Лондоне о военной стороне восточного вопроса, где рассматривались шансы на успех в случае войны между Россией и англо-турецкой коалицией.

В этом же году публикует свою первую научную работу – «Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг.» [8].

В сентябре 1881 г. Н. В. Чарыков выступил с докладом в «Английском обществе для прений». Тема заседания была посвящена западноевропейским представительным учреждениям. Сообщая отцу о содержании своего доклада, он писал, что «представительные учреждения в этой форме, которую они нынче имеют в Западной Европе, не обеспечивают надлежащим образом права и интересы всех классов общества» [7, л. 112]. Свою точку зрения он аргументировал следующим образом: «при теперешней организации представительства вся государственная власть находится *de facto* в руках одной партии, той, которая тем или другим путём получает большинство в представительном собрании, и вследствие этого государственная власть направляется... ввиду интересов своей партии... Наилучший порядок – это тот, когда государственная власть, в которой сосредотачивается вся жизнь народная и которая пред-

ставляет этот народ в сфере международных отношений стоит выше всех партий и заботится к выгоде не той или иной, а об одинаковой охране всех прав и интересов» [7, л. 112–113].

Таким образом, можно говорить об определённой эволюции политических взглядов Н. В. Чарыкова в рассматриваемый момент в сторону консерватизма. Это подтверждается и его словами, что он говорил с точки зрения «крайней правой» [7, л. 116]. Применение контент-анализа и компаративного анализа его более ранних и рассматриваемого текстов позволяет констатировать семантический диссонанс с его мыслями, высказанными прежде и, в некотором роде, реанимацию его взглядов «добританского» периода.

В 1881 году Н. В. Чарыков прибыл как дипкурьер в российское посольство в Лондоне, доставив «корреспонденцию главным образом касающуюся ... захвата генералом Скобелевым туркменской крепости Геок-Тепе» [3, р. 246]. Во время пребывания в Лондоне Чарыков посетил заседание английской палаты общин. Ему довелось попасть на «знаменитое заседание палаты общин, которое длилось с полдня понедельника до утра среды, и в котором Парнелль, «некоронованный король Ирландии», попробовал сводить на нет британскую парламентскую систему, продлевая неопределённо дебаты по несерьёзному вопросу ирландской полиции, в надежде на любезность парламента принять автономию для Ирландии» [3, р. 246–247].

По наблюдению Н. В. Чарыкова «некоторые (депутаты. – О. Ч.) лежали на скамьях, крепко спящие, другие читали бумаги, третьи писали письма, и только спикер слушал ирландского оратора, напоминая ему придерживаться вопроса, а не повторять себя» [3, р. 247]. В результате Гладстон предложил не имевший ранее прецедента билль, предусматривающий ограничение выступлений. Кроме вышесказанного, он слышал речи Кросси, Гарнингтона, О'Коннора. Не забыл он навесить и семью Аркэров в Эдинбурге, в которой жил во время учёбы [7, л. 71]. Н. В. Чарыков вспоминал: этот «инцидент увеличил мое восхищение устройством парламентского управления, осуществленного в Великобритании» [3, р. 247].

Изложенные аксиологические суждения Н. В. Чарыкова вступают в противоречие с тезисами его недавно произнесенной речи в «Английском обществе для прений» и гармонируют с более поздними семантическими единицами его текстов, с его мыслями «британского» и «постбританского» периода.

Эпистолярное наследие Н. В. Чарыкова бережно сохранялось его отцом. Именно эта переписка наиболее детально характеризует его взгляды. После кончины В. И. Чарыкова стабильной и столь подробной переписки за авторством Н. В. Чарыкова не выявлено. В дальнейшем его частная переписка существенно уменьшается в объёме и письма содержат по большей части информацию делового характера.

Заметное место в интеллектуальной практике Н. В. Чарыкова с начала 80-х гг. XIX в. занимают научные изыскания. Особое место занимает его фундаментальная монография «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия» [9]. Данная работа была посвящена изучению биографии шотландского офицера Павла Менезия. В ней Н. В. Чарыков высказывает предположение о том, что именно Менезий был первым воспитателем Петра I и именно он заложил в нём идеи модернизации России по западноевропейскому образцу. Также присутствуют сюжеты о других знаменитых шотландцах данного периода – Патрике Гордоне, Лермонте, предке М. Ю. Лермонтова. В служебной корреспонденции данного периода содержатся нюансы отношений Российской и Британской империи, относящиеся к «Большой игре».

Третий этап его интеллектуальной практики относится к началу XX века и совпадает с его отставкой в 1912 году. Он позволяет продолжить реконструкцию его взглядов на британскую культуру. На этом этапе, нашедшем своё продолжение в эмиграции, Н. В. Чарыков активно пишет статьи с анализом актуальных проблем современности, работы мемуарного характера и, в итоге, автобиографию, изданную в 1931 году в Лондоне [3].

Таким образом, британские образы в представлении Н. В. Чарыкова имели определённую эволюцию – скептическое отношение на начальном этапе, апологетика британских идеалов в дальнейшем и устойчивая прагматическая симпатия в дальнейшем.

Список литературы

1. Чернов О. А. История русской дипломатии XVII века в трудах Н. В. Чарыкова // Платоновские чтения. Вып. 1. Самара: Самарский университет, 1998.
2. Чернов О. А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара: ПГСГА, 2010.
3. Tcharykov N. V. Glimpses of High Politics. London, 1931.
4. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 76. Л. 145.

5. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 105.
6. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 78. Л. 230.
7. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 112.
8. Чарыков Н. В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. СПб, 1876.
9. Чарыков Н. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб, 1906.
10. Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–1916). University of Western Ontario, 2001.
11. Чернов О. А. Британский фактор в становлении российского дипломата Н. В. Чарыкова // Британские чтения. Материалы II Всероссийской с международным участием конференции, посвященной 90-летию профессора Марии Моисеевны Ябровой (Саратов, 19–20 сентября 2013 г.). Саратов, 2014. С. 133–140.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

С. Г. Малкин

доктор исторических наук, заведующий кафедрой
всеобщей истории, права и методики обучения,
Самарский государственный
социально-педагогический университет, Самара

МЯТЕЖ И КОЛОНИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ СТАРОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА (1856–1956 ГГ.): СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ¹⁰

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции современной зарубежной историографии в изучении роли колониального знания в борьбе с различными повстанческими движениями в колониях Британской империи в эпоху Старого мирового порядка (1856–1956 гг.). Отражены основные подходы зарубежных коллег и эволюция их взглядов на проблему в контексте характерных для зарубежной историографии постколониальных исследований и их критики в рамках «новой политической истории», «новой истории империй» и «новой истории науки» на фоне стремительного роста академического и политического интереса к феномену империализма в начале XXI в.

Ключевые слова: колониальное знание, историческое моделирование, асимметричный конфликт.

S. G. Malkin

doctor of historical sciences, head of the chair of World History,
Law and Methods of Education Department
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

REBELLION AND COLONIAL KNOWLEDGE IN THE BRITISH EMPIRE DURING THE AGE OF THE OLD WORLD ORDER (1856–1956): CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHIC DISCUSSIONS

---

¹⁰ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Abstract: In article the main tendencies of a contemporary foreign historiography in studying of a role of colonial knowledge in fight against different types of insurgencies in the colonies of the British Empire during an age of the Old world order (1856–1956) are considered. The main approaches of foreign colleagues and evolution of their views on the problem in the context of post-colonial studies and its critics, characteristic of a foreign historiography, within “new political history”, “new imperial history” and “new history of science” against the background of rapid growth of the academic and political interest in an imperialism phenomenon at the beginning of the XXI century are reflected.

Keywords: colonial knowledge, historical modeling, asymmetric conflict.

В изучении истории Британской империи проблематика колониального знания играет все более заметную роль с наступлением эпохи деколонизации и постколониальных исследований [1; 10]. Во многом это обстоятельство связано с тем, что затрагиваемые в ее рамках сюжеты находятся на перекрестке не только различных направлений исторических исследований, но и актуальных политических дискуссий. При этом особая роль, которую информация о колониях и других зависимых территориях играла в сохранении и укреплении власти метрополий создает постоянную угрозу стремительного перерождения академического спора об особенностях колониальной политики в прошлом в публичную и весьма ангажированную полемику по поводу наследия империй в наши дни.

В этой связи неудивительно, что в условиях стремительной трансформации современного миропорядка растет интерес профессиональных историков, политологов и экспертов не только к «холодной войне» (в свете рассуждений о ее продолжении или возобновлении) [2, с. 116–129]. С точки зрения оптимизации военно-политического присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке все большее внимание экспертного сообщества привлекает феномен империализма (на фоне рассуждений о преемственности его британской и американской версий и допустимости такой категории, как «Американская империя», в принципе) [6; 21; 24; 25]. Едва ли не самым наглядным свидетельством этой тенденции является взаимное проникновение терминологии и набора обсуждаемых тем из области исследований по проблемам безопасности в сферу исторической науки (и верно обратное).

В результате созданные американскими и британскими коллегами труды в последнее время (в представленном выше ключе), как правило, отражают тесную связь между властью метрополии и ко-

лониальным знанием через особую аналитическую призму – роль армии, полиции и разведывательных служб как колониальных институтов Британской империи в умиротворении и (как идеальный результат) социально-экономической модернизации и политической трансформации ее мятежных владений.

Для предметного анализа современных историографических дискуссий нами выбраны три монографии признанных специалистов по проблеме, охватывающие эпоху Старого мирового порядка в истории Британской империи (середина XIX – середина XX в.) – время наивысшего расцвета колониального знания, накопление, систематизация и практическое применение которого были призваны способствовать оптимизации борьбы с мятежами в колониях. Эти работы, дополняя друг друга, дают достаточно полное представление о содержании современных дискуссий относительно роли колониального знания в истории становления, развития и разрушения империй. Выводя исследования за традиционные рамки изучения роли армии, полиции и спецслужб как инструментов экспансии, они расширяют пространство историографических дискуссий за счет более пристального внимания к феноменам колониального знания и социальной инженерии в изучении британского присутствия в колониях и на окраинах империи.

Тот факт, что авторы наиболее известных работ на эту тему не являются профессиональными военными историками, а слово «армия» отсутствует даже в названиях штудий, только подтверждает их исследовательский интерес не столько к силам охраны колониального порядка, сколько к колониальному порядку как таковому, включая институты, которые его представляли – их анализ позволяет понять, как «работала» империя.

Эволюция методов, способов и форм обращения с колониальным знанием с целью предотвращения мятежей и восстаний в Британской империи в XIX – начале XX в. и укрепления ее геополитического положения раскрывается в аналитически выверенной работе американского историка Джеймса Хевия («Государство имперской безопасности. Британское колониальное знание и строительство империи в Азии»), посвященной малоизученным аспектам этого поворотного периода в истории, связанным с британским военным присутствием в Индии и Афганистане в 1880–1940 гг. и переходом «от Больших игр к имперской безопасности» [18, р. 1].

На фоне немногочисленных работ о роли отдельных аспектов колониального знания в имперском строительстве и колониальной политике «Государство имперской безопасности» является новым этапом в его изучении – автор систематизировал и обобщил изученный им материал в свете военной, промышленной и бюрократической революций XIX в. [3; 8; 12; 20]. Опираясь на результаты коллег (в том числе, посвященных «Большой игре» России и Британии в Азии) и продолжая собственные исследования, Хевиа воссоздает историю преломления этих общеевропейских тенденций и трендов в процессе «интеллектуальной колонизации» Азии (Индия, Афганистан и Китай) [16; 17, p. 234–264].

Методологическая рамка изучения имперской политики британского государства Нового времени в процессе консолидации политической власти на азиатских окраинах задается трудами по истории этого института. Руководствуясь концепцией «дисциплинирующей власти», предложенной Мишелем Фуко, автор прилагает ее к действиям военных на северо-западной границе Британской Индии и в Афганистане в 1880–1940 гг. [11]. Отличающее ее «искусство распределений» понимается им как искусство управления колониальным знанием в форме военной географии и военной статистики. Хевиа, по сути, применил концепцию интеллектуального завоевания к «научному» империализму разведывательной службы британской армии в Индии и Афганистане в 1880–1940 гг.

Такой системный подход к изучению деятельности военной разведки британской армии в Индии в 1880–1940 гг., когда составленный ею архив колониального знания изучается в тесной связи с взаимосвязанными «военно-дипломатическим» и «научно-военным» «аппаратами» империи, составляющими ее «механизм безопасности», позволил автору сделать ряд наблюдений относительно пределов возможностей применения в колониальной политике сведений, поставляемых военной географией и военной статистикой. Хевиа утверждает, что они меняли властные отношения в империи. Без географической и статистической информации стратегически важные части Азии остались бы за пределами «информационной системы», состоявшей из статистических обзоров и карт [18, p. 12–13].

Монографию выгодно отличает и стремление автора выявить динамику исследуемых сюжетов во времени. В деятельности военной разведки по сбору информации о театрах предстоящих военных

компаний Хевиа видит прямую логическую и институциональную связь между колониальным знанием Старого мирового порядка и региональными исследованиями и социальными науками, пришедшими ему на смену после Второй мировой войны. Историческое моделирование асимметричных конфликтов, характерное для военно-политического планирования США в эпоху «холодной войны» в странах «третьего мира», во многом опиралось на колониальный опыт европейских держав. При этом автор осознает ограничения по сбору, обработке и анализу военными чинами стратегически значимой информации, констатируя по поводу соответствующих служб «неспособность видеть за пределами их технологий познания, за пределами инструментов по наведению порядка, которым они доверяют» [18, р. 249].

Удачным продолжением (по хронологии изучаемых эпох, не по времени публикации) работы Хевиа является исследование британского историка Мартина Томаса («Империи разведки. Службы безопасности и колониальный беспорядок после 1914») [23]. Монография посвящена истории армии, полиции и спецслужб британской и французской колониальных империй между Первой и Второй мировыми войнами в контексте информационного обеспечения политики метрополий в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Концептуально это исследование тесно связано с «Государством имперской безопасности» Хевиа, хотя в библиографическом списке этой работы книга Томаса не упоминается. Именно Томас впервые в полный рост поставил вопрос, актуальный и для монографии его американского коллеги, о необходимости инвентаризации понятий, описывающих характер колониального правления европейских держав. Выбранный им ракурс исследования предполагает рассмотрение британского колониального государства (если анализировать работу в той части, которая касается истории Британской империи) как «государства разведки», представлявшего собой далеко не всегда достижимую альтернативу «полицейскому государству».

Под этой «подменой понятий» автор имеет в виду прямую связь между скоростью приобретения, систематизации и применения колониального знания с одной стороны, и масштабами санкционированного колониальными властями насилия, с другой стороны. Принятое военным министерством Великобритании – на уровне уставов как раз в межвоенный период – представление о том, что использование армии «для поддержки гражданских властей» допустимо

в колониях, Томас подвергает резкой критике, аргументировано показывая, что переход к такой политике практически везде (Судан, Палестина, Трансиордания, Ирак) на самом деле означал провал системы безопасности – ее неспособность предотвратить мятеж как таковой.

Таким образом, речь идет о «самом молчаливом факторе из всех», влиявших на процесс принятия решений по обеспечению правопорядка в империи. Как категория анализа «государство имперской безопасности» Хевиа, по сути, представляет собой синоним «государства разведки» Томаса, хотя раскрывается в основном на примере более ранней эпохи (впрочем, в последней главе речь идет об адаптации опыта XIX в. в афганской политике Британии в межвоенный период 1919–1939 гг., удачно дополняя географию и накладываясь на хронологию «Империй разведки»).

Характеризуя методологическую основу исследования, следует отметить, что, как и Хевиа, Томас также критикует постколониальные исследования, справедливо указывая на то, что государственный контроль не только представлял собой способ организации планомерных репрессий, но и был порождением «научного модернизма» – продукта научного империализма эпохи Нового времени.

В этом смысле вовсе не случайно, что оба автора в качестве одной из отправных историографических точек своих исследований берут монографию Кристофера Бэйли («Империя и информация: сбор разведанных и социальная коммуникация в Индии, 1780–1870») [5]. Точно так же, как и Бэйли, оба автора исходят из того, что без широкого сотрудничества с представителями местного населения приобретение колониального знания, полезного с практической, а не с риторической точки зрения (в интересах эффективной организации управления), было бы просто невозможно.

С точки зрения обеспечения безопасности Томас пишет о сборе разведанных как об «основном оружии оккупирующих держав», характеризуя весь процесс как «раннюю систему предупреждения колониального государства» с целью предотвращения восстания. В этой связи вполне логичным представляется внимание авторов к одному и тому же набору предметов изучения сотрудниками колониальной администрации в контексте политики безопасности (география, этнография, статистика и политэкономия).

Однако по настоящему оригинальным исследование Томаса является в силу особого внимания автора к специфическим формам

обращения с колониальным знанием в Британской империи в межвоенный период. Речь идет о трансфере колониального опыта из Ирландии и Индии на Ближний Восток – об адаптации окраинной и колониальной политики к новым условиям, в том числе в связи с кадровыми перемещениями британских военных и полицейских сил [23, р. 46–52].

В частности, автор указывает, что широкое применение армии и военизированной полиции в «колониальном стиле» во время войны за независимость «Изумрудного острова» 1919–1921 гг. послужило не просто примером для Лондона применительно к арабским территориям от Палестины до Ирака. Многие офицеры из числа бывших Королевских ирландских констеблей перешли на службу в палестинскую полицию. Уроки патрулирования северо-западной границы Британской Индии в зоне проживания афганских племен в Вазиристане учитывались при проведении военно-полицейских операций в отношении племен Трансиордании. Наконец, индийская политическая служба стала образцом для аналогичных структур в Египте, Судане и на Ближнем Востоке, где Арабское бюро было образовано еще в 1916 г.

С другой стороны, интересно то, как автор видит и трактует пределы познания местных реалий: ограничения, связанные с источниками информации, колониальными предрассудками и самим характером колониального правления. Нехватка квалифицированного персонала приводила к искажениям и допущениям в этнографическом переводе, имперское мышление часто не позволяло усмотреть в мятежном настрое колониальных подданных нечто большее, чем чрезмерно преувеличенное властями влияние местных вождей и религиозных лидеров. В этой связи неудивительно, что ирландский и палестинский опыт межвоенной поры по обеспечению безопасности и восстановлению порядка британцы попросту проигнорировали после 1945 г., несмотря на аналогичные проблемы сначала в Палестине, а потом и в Северной Ирландии.

Более того, в отчетах и рапортах о военно-политической ситуации в империи одни и те же сведения использовались сотрудниками военного министерства, министерства иностранных дел, министерства по делам колоний и собственно колониальных администраций для подкрепления диаметрально противоположных позиций. Так, восстание курдов, например, трактовалось одновременно как результат стремления к национальной независимости, распростране-

ния панисламизма на Ближнем Востоке (реже говорили о влиянии коммунистических идей в свете поддержки антиколониального движения со стороны СССР в регионе), бедности населения и дурного управления [23, p. 128–130, 183–184, 297].

Заметно большее количество работ посвящено усилиям армии, полиции и разведывательных служб по поддержанию колониального порядка на завершающем этапе существования Британской империи – во время стремительного процесса деколонизации после Второй мировой войны. Безусловно, такое положение дел в историографии проблемы во многом обусловлено тем, что британский опыт контрпартизанской борьбы (особенно после 1945 г.) американские военные и гражданские эксперты сочли наиболее приемлемым для стабилизации военно-политической ситуации в Афганистане и Ираке после «гуманитарных интервенций» 2001 и 2003 гг. Причем фиаско, которое в итоге потерпел на Ближнем и Среднем Востоке «британский путь» контрпартизанской борьбы, только усилило и без того широкий интерес к колониальному прошлому Великобритании, и в этот раз основными критиками выступили профессиональные историки [5; 7; 8; 13; 14; 15; 19]. В настоящее время уже можно говорить о сложившейся историографической традиции [22].

Так, британский историк Дэвид Френч, внесший заметный вклад в пересмотр устоявшейся традиции восприятия борьбы с антиколониальными восстаниями в Британской империи после завершения Второй мировой войны, в одной из своих работ на эту тему отмечает, что британские контрпартизанские операции часто не только сопровождались широкомасштабным насилием, но и не способствовали выработке какого-либо заметного институционального (колониального по своему функционалу) знания о том, как бороться с антиколониальными движениями. Более того, армейские подразделения подлежали ротации как раз в тот момент, когда успевали приобрести определенное понимание того, как успешно противостоять партизанскому движению в той или иной британской колонии. Что же касается командования (как военного, так и гражданского), то Френч вслед за Томасом аргументировано показывает, что на этом уровне принятия решений часто отсутствовало верное понимание истинных причин и целей антиколониальных движений [15, p. 103, 218].

Вместе с тем он обращает внимание на колониальный опыт межвоенной поры и отмечает, что, например, план генерала сэра Га-

рольда Бриггса по подавлению коммунистического (как утверждалось) подполья в Малайе в 1950 г. был составлен на основе опыта подавления восстания в Бирме в 1930–1932 гг., где Бриггс служил офицером британской Индийской армии. Как и в Бирме, в Малайе предполагалось сочетать взаимодействие армии и полиции и переселение полумиллиона малайцев китайского происхождения в военные лагеря – «новые деревни». В этом смысле Френч фактически вслед за Томасом так же утверждает, что репрессивная политика и трансфер не самых оптимальных решений являлись результатом неэффективного обращения с колониальным знанием – провалом «государства разведки» и переходом к «полицейскому государству». При этом даже пресловутая «малайская модель» контрпартизанской борьбы генерала сэра Джеральда Темплера, Верховного комиссара Малайи, обладавшего всей полнотой военной и гражданской власти в этой колонии, применялась в других владениях империи, как показывает автор, весьма избирательно и непоследовательно [15, р. 116–117, 250].

Таким образом, суммируя характерные особенности современных зарубежных исследований, посвященных роли колониального знания в истории борьбы с мятежами в Британской империи, на примере рассмотренных выше работ, можно отметить, что они позволяют сформировать достаточно ясное представление о том, каким образом, через какие этапы и в каких направлениях шел процесс его эволюции. Разговор об институциональных особенностях армии, полиции, спецслужб в колониальном контексте в последнее время сосредоточен вокруг проблемы информационного обеспечения их усилий по поддержанию порядка в империи – от этнографических штудий и картографирования подчиненных пространств к политической разведке, шпионажу и организации контрпартизанской борьбы в современном смысле слова. Более того, эти исследования показывают, до какой степени близки колониальные практики Нового и Новейшего времени. При этом претензии силовых ведомств на административный контроль в колониях и на окраинах, впервые достаточно четко артикулированные на заре Британской империи, продолжали оставаться предметом дискуссий по поводу оптимизации колониального правления вплоть до заката империи после Второй мировой войны, а колониальное знание (практико-ориентированное по своей сути и прямому назначению) в этих межведомственных баталиях носило референтный характер.

В этом смысле современные исследования позволяют подойти к более широкой проблеме «уроков» прошлого. Недавняя история американского и британского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке показала неспособность армий этих стран критически осмыслить и адекватно местным условиям применить опыт контрпартизанской борьбы, накопленный армией Великобритании благодаря имперскому прошлому. Более того, крушение мифа об особенно успешном «британском пути» контрпартизанской борьбы вновь ставит вопрос о том, в какой мере знания о прошлом способны обеспечить лучшее понимание современных реалий – не на спекулятивном уровне «исторической политики», а с точки зрения исторически аргументированного политического прогнозирования.

Список литературы

1. Афанасьева А. Э. Колониальное знание в истории Британской империи // История. 2014. Т. 5. Выпуск 10 (33). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s20798784000016-6-1>.
2. Егорова Н. И. «Новая история “холодной войны”» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116–129.
3. Anderson C. J. Constructing the Military Landscape. The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689–1815. PhD Thesis. Vols. 1–2. Edinburgh, 2009.
4. Anderson D. Histories of the Hanged: The Dirty War in Kenya and the End of Empire. New York, 2005.
5. Bayly C. A. Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge, 1996.
6. Beckett I. F. W. Insurgency in Iraq. A Historical Perspective. Strategic Studies Institute, U. S. Army War College, Carlisle, 2005.
7. Bennet H. Fighting Mau Mau: The British Army and Counter-insurgency in the Kenya Emergency. Cambridge, 2013.
8. Edney M. Mapping an Empire. The Geographical Construction of the British India, 1765–1843. London, 1997.
9. Elkins C. Imperial Reckoning: The Untold Story of Britain’s Gulag in Kenya. New York, 2005.
10. Engaging Colonial Knowledge. Reading European Archives in World History. Cambridge, 2012.
11. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. London, 1977.
12. Frederick A. Johnsson. The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830. PhD thesis. The University of Chicago, 2005.

13. French D. *Army, Empire and Cold War: The British Army and Military Policy, 1945–71*. Oxford, 2012.
14. French D. *Fighting EOKA: The British Counter-Insurgency Campaign on Cyprus, 1955–1959*. Oxford, 2015.
15. French D. *The British Way in Counter-Insurgency, 1945–1967*. Oxford, 2011.
16. Hevia J. *English Lessons: The Pedagogy of Imperialism in Nineteenth Century China*. Durham, 2003.
17. Hevia J. *The Archive State and the Fear of Pollution: From the Opium Wars to Fu-Manchu // Cultural Studies*. 1998. 12.2. P. 234–264.
18. Hevia J. *The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia*. Cambridge, 2012.
19. Mumford A. *Punctuating the Counterinsurgency Myth. Britain and Irregular Warfare in the Past, Present and Future*. U. S. Army War College. Strategic Studies Institute. Carlisle Barracks, 2011.
20. O’Cadhla S. *Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation*. Dublin, 2007.
21. Peterson J. E. *The Experience of British Counter-Insurgency Campaigns and Implications for Iraq // Arabian Peninsula Background Notes*. August 2009, № APBN-009. P. 1–23.
22. *The Routledge Handbook of Insurgency and Counterinsurgency*. London, 2012.
23. Thomas M. *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley and Los Angeles, 2008.
24. U. S. *Policy in Post-Saddam Iraq: Lessons from the British Experience*. Washington Institute for Near East Policy, 2003.
25. Williams M. W. *The British Colonial experience in Waziristan and its applicability to current operations*. School of Advanced Military Studies. U. S. Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas. 2005.

С. О. Буранок

доктор исторических наук, профессор

Самарский государственный

социально-педагогический университет, Самара

КОЛОНИАЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ В ПРЕССЕ США 1945–1949 ГГ.¹¹

---

¹¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Аннотация: Статья посвящена проблеме выработки в прессе США подходов и оценок к проблеме разрушения колониальной системы после 1945 г. Одним из важных итогов Второй мировой войны стал постепенный распад колониальных империй, связанный с ростом национальных движений и существенным ослаблением держав-метрополий после войны. Процесс распада колоний по времени совпал с генезисом нового глобального противостояния бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Статья базируется на материалах как демократических, так и республиканских изданиях прессы США. «Холодная война» и поиск оптимальных отношений с ближайшим союзником США, Великобританией, требовали как от американского военно-политического руководства, так и от журналистов новых подходов и взглядов на процесс деколонизации. Вместе с тем амбиции Белого дома, с одной стороны, поддерживающего распад колониальных империй, а с другой – старательно пытающегося заменить собой бывшие империи, привели к целому ряду противоречий с европейскими государствами. Вся сложность этой ситуации отражалась и в прессе, пытавшейся сформировать понимание данного нового процесса. В ходе сложного поиска оптимального пути и взгляда на деколонизацию в американской прессе выработалось несколько полярных точек зрения. Таким образом, изучение отношения крупнейших американских изданий и наиболее заметных журналистов представляет интерес для анализа того, как в США постепенно осознавали место страны в новой системе международных отношений, искали оптимальные пути взаимодействия как с ближайшими союзниками, так и с целым рядом новых независимых государств, заявивших о себе на международной арене.

Ключевые слова: пресса, деколонизация, «холодная война», третий мир, США, СССР.

S. O. Buranok

PhD (History), Professor

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

COLONIAL DEBATE IN THE US PRESS 1945–1949

Abstract: Article is devoted to a development problem in the press of the USA of approaches and estimates to a problem of decomposition of colonial system after 1945. The gradual disintegration of colonial empires connected with growth of national movements and essential weakening of powers mother countries after war became one of important results of World War II. Process of disintegration of colonies on time coincided with genesis of new global opposition of the former allies on the anti-Hitlerite coalition. Article is based on materials both democratic, and republican editions of the press of the USA. In methodologies of the solution of the set scientific task, the defining value have

problem and chronological approaches from which problem is the leader. He is represented to the most optimum as allows rather fully in time and space to capture a multidimensionality of a concrete historical situation in which process of formation of the relation in the American society to decolonization, the national movements and colonial empires proceeded. Cold War and search of the optimum relations with the closest ally of the USA – Great Britain demanded new approaches and views of decolonization process. At the same time, ambitions of the White House on the one hand supporting disintegration of colonial empires, and with another diligently trying to replace with itself the former empires led to a number of contradictions with the European states. All complexity of this situation was reflected also in the press trying to create understanding of new process in which America was involved. During difficult search of an optimum way and a view of decolonization in the American press it was developed several points of view polar each other. Thus, studying of the relation of the largest American editions and the most noticeable journalists is of interest to the analysis of how in the USA gradually realized the place of the country in the new system of the international relations, looked for optimum ways of interaction both with the closest allies, and with a number of the new independent states which declared on the international scene.

Keywords: media of the USA, decolonization, Cold War, Third World, USA, USSR.

Политика и возможности использования опыта колониальных держав в Азии и Африке всегда вызывала пристальный интерес со стороны других игроков на международной арене. К середине XX в. в США достаточно четко обозначились несколько подходов к колониализму, в рамках которых журналисты и экспертное сообщество анализировали формы и методы колониального правления европейских держав, создавая тем самым специфический общественно-политический дискурс, оказывавший влияние и на формирование образов колониальных империй в США, и на конкретные внешне-политические действия в Азии и Африке.

В этом плане материалы прессы США о колониальной политике европейских держав после 1945 г. представляют собой интересный комплекс источников, посвящённых анализу колониального опыта с точки зрения и «непредвзятого наблюдателя / партнёра», и одновременно заинтересованного соперника. Исследования колониальной проблематики в условиях «холодной войны» невозможны без привлечения прессы участников этих процессов. Изучение прессы США даст возможность более глубоко и конкретно осветить американские представления о практических подходах в международных

отношениях в условиях трансформации миропорядка после Второй мировой войны. Анализ прессы показал, что в течение 1945 г. в американском общественном дискурсе происходила смена приоритетных подходов: рузвельтовский план ликвидации колониальных империй постепенно заменялся планами сохранения и использования колониальных империй и их опыта для решения новых задач внешней политики США.

«Холодная война» и поиск оптимальных отношений с ближайшим союзником США, Великобританией, требовали новых подходов и взглядов на процесс деколонизации, сохраняя при этом «особые отношения». Вместе с тем амбиции Белого дома, с одной стороны, поддерживавшего распад колониальных империй, а с другой, старательно пытавшегося заменить собой европейские империи, привели к целому ряду противоречий с колониальными державами, и особенно (на что обращала наибольшее внимание пресса США) с Великобританией.

Вся сложность этой ситуации отражалась в прессе, пытавшейся сформировать понимание нового процесса, в который оказалась вовлечена Америка. В ходе сложного поиска оптимального пути деколонизации в американской прессе выработалось несколько полярных точек зрения. Таким образом, изучение отношения крупнейших американских изданий и наиболее заметных журналистов представляет интерес для анализа того, как в США постепенно осознали место страны в новой системе международных отношений, искали оптимальные пути взаимодействия как с ближайшими союзниками, так и с целым рядом новых независимых государств, заявивших о себе на международной арене. Причём важно использовать для комплексного понимания отношения прессы к проблеме колониализма и колониального опыта материалы как демократических, так и республиканских изданий прессы США.

Сравнивая собственно американский опыт с европейским по управлению азиатскими территориями, американские журналисты видели определенное противоречие: длительные усилия старых колониальных империй так и не позволили создать условия для государственности и гражданского общества в государствах Азии, тогда как быстрая работа военных и чиновников США демонстрировала заметные успехи. Выход из этого противоречия был найден не в полном отрицании европейского опыта, а в разделении колониальных народов на те, применительно к которым уместно учитывать

исторический опыт Европы, и на те, в отношении которых такой подход будет неуместным.

Решение этого нового вопроса всё больше рассматривалось участниками дискуссии как особая форма поддержки для Западной Европы: США сохраняют влияние на процессы деколонизации в регионах, где порядок и стабильность можно сохранить уже без европейского вмешательства, и одновременно поддержат колониальные системы в регионах, где они являются гарантом стабильности.

В конце 1945–1946 гг. в прессе США наблюдаются тенденции к изменению позиции заинтересованного наблюдателя на активного участника колониальной проблемы. Наибольшее внимание журналистов было сосредоточено на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии [2, р. 648–670]. В целом американские редакторы и комментаторы признавали, что для того, чтобы поддерживать порядок и стабильность на Ближнем Востоке, необходимы конкретные действия со стороны США. Одновременно указывалось, что Великобритания и Франция обладают более длительной историей своих интересов в этом регионе, более солидным опытом, большими знаниями о Ближнем Востоке, следовательно, имеют законное право в глазах мировой, и в том числе американской, общественности на вмешательство [18, р. 2]. По этому поводу Барнет Новер, один из редакторов *Washington Post*, заявил, что «разрушение или внезапный роспуск Британской империи был бы серьезным ударом по безопасности США, демократии и надежде на получение упорядоченного мира» [17, р. 4].

Таким образом, на первый план в начале 1946 г. выходит не демонтаж колониальной системы как противоречащей принципам Атлантической хартии, а её глобальная перестройка, с временным сохранением доминирующего положения Великобритании и Франции в регионах, где США не смогут сразу обеспечить стабильность. Подобное изменение подходов настораживало американских экспертов, владелец *New York Times* Сульцбергер писал: «Европа нам не доверяет. Часто можно услышать, что Соединенные Штаты непопулярны и наследуют методы XIX века» [11, р. 5].

Следовательно, можно утверждать, что сразу после завершения Второй мировой войны пресса США начинает процесс пересмотра своего отношения к колониальной теме. СМИ США явно отходят от позиций сугубого критицизма и переходят к более глубокому и всестороннему анализу как самой системы в целом, так и британ-

ского опыта управления колониями, открыто признавая, что в этом вопросе исторические связи, опыт решения конфликтов и управления местными элитами могут оказаться более полезными, чем верность абстрактным принципам [6, p. 353–381].

На рубеже 1945–1946 гг. пресса США окончательно определилась с перечнем проблем и угроз, которые Америка может решить в контексте перестройки старой колониальной системы. Это и экономическая помощь, как зависимым народам, так и европейским державам, и распространение демократии в Азии, и контроль над национальными движениями. Каждая из этих проблем включала в себя несколько различных подходов, сторонники которых на страницах газет и журналов вели настоящую борьбу за доказательство собственного видения американской роли в будущем постколониальном мире.

Если период 1945–1946 гг. был для американских журналистов временем напряжённых дискуссий и поиска оптимальной модели взаимодействия США и колониальных империй, то период 1947–1949 гг. стал временем апробации новых форм сотрудничества США и Европы в контексте деколонизации, роста влияния СССР, усиления национальных движений и целого ряда международных кризисов начала «холодной войны».

Но к 1947–1948 гг. позиции и взгляды журналистов изменились. Липпман уже пишет, что на иранский кризис необходимо смотреть более широко: как на выбор между коммунизмом и демократией. При таком подходе Липпман уже был уверен: не важно, есть ли у США интересы в каком-либо регионе, ускорит или затормозит их вмешательство в антиколониальные процессы, важно другое – поставить под контроль международную активность СССР [21, p. 3].

Видно, что американские журналисты встраивали свои концепции по колониальному вопросу уже в доктрину Трумэна, обсуждение её основных тезисов породило новую дискуссию в рамках колониальной проблематики. Ещё в 1946 г. в СМИ США стали появляться предположения, что Великобритания не сможет долго помогать Греции и Турции «сдерживать партизанские силы внутри стран» [3, p. 13]. Читателям на протяжении 1946 г. доказывалась идея, что проблема Турции и Греции стала шире, чем исключительно британское дело: «Соединенные Штаты выдвинули определённый компромисс в российско-британском тупике по Греции перед Советом Безопасно-

сти Организации Объединенных Наций, предложив, чтобы специальный комитет расследовал конфликт» [8, р. 7].

Параллельно с этим публиковались многочисленные статьи о «красной угрозе» для Греции и различных инициативах Великобритании по выходу из конфликта [7, р. 1]. Но американские комментаторы этих инициатив неизменно указывали на их архаичность и бесперспективность.

12 марта 1947 г. Трумэн попросил Конгресс предоставить 400 млн долларов на «прямую открытую помощь», которая позволит Греции и Турции сохранить свой национальный суверенитет и, одновременно, остаться в сфере влияния Запада. И политики США, и пресса отнеслись к этому обращению как к событию чрезвычайной важности: Великобритания официально отказалась от своей роли в качестве главной движущей силы глобальной стабильности, передав (хотя лишь в части одного региона) эти функции Соединенным Штатам [5, р. 1].

В марте 1947 г. Липпман уже писал о Британии как «нейтрализованной мировой силе», но однозначно положительные выводы из этого он делать не спешил [20, р. 3]. Чайлдс, наоборот, видел ситуацию после речи Трумэна как самую благоприятную: «Колониальные народы во всем мире давно двигались к независимости. И долг Америки был обеспечить руководство и помощь. В этом наша мировая роль. Это наша обязанность и на Дальнем Востоке, и на Среднем Востоке» [19, р. 5]. Видно, журналист всего в нескольких выражениях связал ситуацию в Греции, Индокитае, Индонезии и Иране, мягко обозначив преемственность от «14 пунктов» Вильсона (не упоминая о них напрямую) и Атлантической хартии к доктрине Трумэна [10, р. 1327–1351].

Если в период 1945–1947 гг. антиколониальные движения в Азии рассматривались СМИ США как основные в процессе «разрушения устаревшего европейского империализма в традициях XVIII в.», то с 1947–1948 гг. комментаторы в США начинают видеть в национальных движениях одну из угроз мировой стабильности и порядку.

Быстрая переориентация бывших колониальных территорий в Азии в сторону СССР потребовала от экспертного и журналистского сообщества США таких же быстрых действий, связанных с анализом и прогнозированием ситуации в странах «третьего мира». Не случайно, что именно в 1948 г. в недрах ЦРУ создается доклад о влиянии распада колониальной системы на безопасность США

[1, p. 5]. Период 1948–1949 гг. стал временем формирования и обнародования в прессе новых подходов, моделей и форм сотрудничества США, Китая и Европы в контексте деколонизирующегося мира, роста влияния СССР, усиления национальных движений и целого ряда международных кризисов начала «холодной войны».

Победа китайской революции практически сразу привела американских редакторов к мрачным прогнозам, что Корея, Индия, Французский Индокитай, Таиланд, Индонезия, Гонконг могут вместо столь долго обсуждаемых в США моделей упорядоченной деколонизации осуществить поворот в сторону Москвы [15, p. 2].

Сульцбергер на страницах *New York Times* указывал, что послевоенная антиколониальная политика США в Юго-Восточной Азии сделала её беззащитной против коммунизма, который очень быстро завоевывает огромный и богатый регион. А пропагандируемая в США деколонизация и демонтаж колониальных империй осложнили отношения с Францией, Голландией, Великобританией. Эти державы, по мнению прессы США, уже не могут контролировать национальные движения в Азии.

Само отношение к национально-освободительной борьбе в Азии после победы Мао Цзэдуна так же было быстро пересмотрено в американских газетах: «Успехи коммунизма склоняют к нему миллионы азиатов» [14, p. 2]. Если в период 1945–1947 гг. антиколониальные движения в Азии рассматривались СМИ США как основные силы в процессе «разрушения устаревшего европейского империализма и традиций XVIII в.» [16, p. 6], то с 1948–1949 гг. комментаторы в США начинают видеть в национальных движениях одну из главных угроз мировой стабильности и порядку. К 1949 г. под влиянием революционных процессов в Китае американские эксперты стали связывать все национальные движения в колониях с коммунизмом, рассуждая о национальных лидерах как об «агентах Кремля» [9, p. 103].

Публикации в прессе США с альтернативным взглядом – что Мао Цзэдун и Сталин неизбежно начнут конфликт между собой из-за влияния на Маньчжурию – не смогли изменить общий настрой общественного мнения, уверенного в общих целях и взаимопомощи двух коммунистических лидеров. Статей о советско-китайской дружбе и помощи в прессе США 1949 г. было неизменно больше. Так, в *Washington Post* из 166 статей о китайской революции и Мао

Цзэдуне лишь две выражали надежды на скорый раскол коммунистического мира.

Более явно этот мотив прослеживается в другой карикатуре, в *Christian Science Monitor Magazine* за 1949 г.: медведь в одежде Сталина целится по мишеням в тире, а мишени – Китай, Французский Индокитай, Британская Малайя, Голландская Ост-Индия [4, р. 9]. Причем медведь сбивает мишени серпами, что является совершенно прямым указанием на идеологическую базу революционных процессов в Азии. На рисунке Китай уже поражен и очевидно, что следующие на очереди – колониальные владения европейских держав. Причем изображение подчеркивало несамостоятельность действий китайских коммунистов – они лишь косвенно присутствуют на карикатуре, в центре которой находится СССР в образе медведя-Сталина.

Объединение двух этих образов наблюдается на карикатуре «Азия для азиатов» в издании *New York Times*. Изображение состоит из фигур Сталина, Молотова и медведя в традиционных китайских одеждах эпохи империи Цин (причём, все трое с косичками), наблюдающих на фоне заходящего за горизонт Солнца за изгнанием европейцев из Китая [12, р. 5]. Здесь анонимный художник эксплуатирует сразу несколько популярных в СМИ США образов. Во-первых, вмешательство СССР в китайскую революцию – на это указывают не только изображения советских лидеров, но и книга в руках Молотова с надписью «Инструкция». Этим уже подчёркивается руководящая роль СССР в «повороте Китая» к коммунизму.

Во-вторых, ярко представлен мотив единства целей Советского Союза и Китая в Азии – это установление собственного господства в Азии. Очень характерно, что лозунг новой коммунистической Азии (в изображении художника) – это прямое заимствование японского пропагандистского лозунга периода войны в Тихом океане 1937–1945 гг. С помощью такого текстуально-визуального приёма читателям доказывалась высшая степень опасности китайской революции, последствия которой могут быть такими же трагичными, как и у японской агрессии времен Второй мировой войны.

В-третьих, борьба за Китай на рисунке в *New York Times* идёт на фоне заката, что может символизировать завершение периода господства Европы над Китаем и Азией в целом. Этот мотив был очень популярным в американской прессе 1948–1949 гг.: газеты предсказывали очень скорый переход всей Азии в коммунистический лагерь, констатируя провал американских моделей деколонизации,

провал европейских усилий по созданию системы безопасности и контроля в колониях, провал американской дипломатии в этом регионе [24, р. 11].

Победа КПК в китайской революции заставила прессу США по-новому взглянуть не только на Китай, но и на колониальные империи Дальнего Востока и Тихого океана: Хэйли писал, что «даже азиатские народы, которые опасаются китайского могущества и всегда были более склонны к Западу и демократии, теперь гордятся крушению господства белого человека над Китаем» [14, р. 2]. Американская пресса с беспокойством отмечала, что процесс деколонизации в Азии пошел совершенно по иному пути, чем предполагалось в период 1945–1947 гг. Для ответа на вопрос, почему это произошло, Липпман вернулся к своей идеи об отсталости колониальных народов, написав в 1949 г., что неспособность зависимых народов принимать рациональные решения превратила деколонизацию Азии в советизацию [23, р. 3]. Липпман предполагал, что за китайской революцией последует очень быстрое крушение остатков колониальных империй и замена «порядков XVIII века» не на демократию и либеральные принципы, а на коммунизм.

Хэйли, рассуждая в 1949 г. на эту же тему, писал: «Красная звезда теперь сияет над всей Азией» [13, р. 2]. Причём журналист указывал, что коммунисты воспользовались практически той же политической риторикой, что и американские СМИ первых послевоенных лет: критика архаичных колониальных режимов, неспособность Европы осуществлять контроль над зависимыми территориями, пропаганда национализма. Но эффект, по его мнению, это дало обратный ожидаемому: вместо создания новых демократических национальных государств, поддерживаемых и наставляемых из США – хаос, нестабильность, войны и угроза Западному миру со стороны двух миллиардов человек.

А. Стиворт из *Washington Post*, в свою очередь, предсказывал, то если Юго-Восточная Азия пойдет по пути Китая, то новая «немыслимая война» будет практически неизбежной [22, р. 1]. Подобные публикации создавали в американском общественном мнении состояние, близкое к панике, которая острее ощущалась из-за эйфории 1946–1947 гг. по поводу освобождения от колониальных империй и провозглашения независимости азиатскими государствами.

Это коренным образом изменяет колониальную дискуссию: пресса США в 1949 г. забывает популярные недавно тезисы о само-

определении для народов и «контролируемой деколонизации». В новых условиях, после победы китайской революции, американские политические комментаторы прекращают обсуждение моделей и вариантов деколонизации, указывая, что теперь деколонизация – это неизбежный выбор между демократией и коммунизмом, между Западом и Востоком, между США и СССР.

Суэцкий кризис стал одним из наиболее ярких событий, оказавших прямое влияние на характер и содержание колониальной дискуссии в условиях первого этапа «холодной войны». Информационное сопровождение этого конфликта в США обеспечивалось не только в традиционных рамках колониального вопроса (в которых позиция СМИ США варьировалась от доказательств необходимости соблюдения принципов Вильсона и Атлантической хартии до призывов поддержать старые колониальные империи в новой борьбе с коммунизмом), но и под влиянием новых факторов, сформировавшихся в информационном пространстве в 1949–1955 гг.

Первая новая тенденция – это страх потери союзников и влияния в Азии. Особенно отчётливо это проявилось в американском информационном пространстве после революции в Китае, первой индокитайской войны, активизации национальных движений в Индонезии, Бирме, Малайе.

Вторая тенденция проявилась к середине 1950-х гг., когда американские журналисты стали писать об ответственности США перед миром и о роли Америки в создании более справедливого, более стабильного и более процветающего мира [25, р. 5]. основополагающим принципом для этой концепции новой роли США в «третьем мире» было убеждение, что этой функции государственная власть США специально не добивалась, но обязана нести это бремя из-за «красной угрозы». Американская пресса активно писала, что США не собираются наследовать колониальную власть, колониальные владения и колониальные принципы от европейских империй. В равной степени пресса США указывала, что недопустима и консолидация европейских держав без участия Америки.

Это потребовало выработки новых подходов и моделей к объяснению необходимости вмешательства США во внутренние дела как независимых азиатских и африканских государств, так и зависимых народов. В период 1948–1955 гг. американские политические комментаторы обосновывали идею о том, что вмешательство необходимо не столько для защиты от коммунизма, сколько для обеспече-

ния интересов колониальных стран и народов: в колониальной риторике прессы на первый план выходит противопоставление уходящим в прошлое принципам подчинения и эксплуатации принципам контроля и развития.

Список литературы

1. Central Intelligence Agency. ORE 25–48. The Break-Up of the Colonial Empires and its Implications for US Security. 3 September 1948.
2. Cesarani D. The war on terror that failed: British counter-insurgency in Palestine 1945–1947 and the “Farran Affair” // *Small Wars & Insurgencies*. 2012. № 4–5. P. 648–670.
3. Chicago Daily Tribune. 1946. December 04.
4. Christian Science Monitor Magazine. 1949. June 2.
5. Daily Boston Globe. 1947. March 14.
6. Dixon P. Hearts and Minds? British Counter-Insurgency from Malaya to Iraq // *Journal of Strategic Studies*, 2009. № 3. P. 353–381.
7. Los Angeles Times. 1946. February 07.
8. Los Angeles Times. 1946. September 19.
9. MacFarlane S. Superpower Rivalry and Third World Radicalism: The Idea of National Liberation. Baltimore, 1985.
10. Manela E. Imagining Woodrow Wilson in Asia: Dreams of East-West Harmony and the Revolt against Empire in 1919 // *The American Historical Review*. 2006. № 5. P. 1327–1351.
11. New York Times. 1946. January 23. P. 5.
12. New York Times. 1948. December 5. P. 5.
13. New York Times. 1949. August 15. P. 2.
14. New York Times. 1949. May 15. P. 2.
15. New York Times. 1949. October 30.
16. Washington Post. 1945. November 02.
17. Washington Post. 1945. October 27. P. 4.
18. Washington Post. 1945. December 07.
19. Washington Post. 1947. March 07. P. 5.
20. Washington Post. 1947. March 08. P. 3.
21. Washington Post. 1948. January 28. P. 3.
22. Washington Post. 1949. August 22. P. 1.
23. Washington Post. 1949. January 25. P. 3.
24. Washington Post. 1949. June 21.
25. Westad A. O. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, N. Y., 2005. P. 5.

С. М. Николаева

кандидат исторических наук, доцент,
Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С. П. Королёва, Самара

ПИСАТЕЛИ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА О ДЕМОКРАТИИ И ФАШИЗМЕ

Аннотация: Статья посвящена взглядам ведущих писателей США первой половины XX века на одну из наиболее дискуссионных тем в межвоенный период – демократия и фашизм. После Первой мировой войны многие американские интеллектуалы, особенно писатели, желали посетить нашу страну, чтобы увидеть «советский эксперимент», который они считали настоящей демократией. Однако они пришли к выводу, что советский режим попирает человеческую свободу и не является демократическим. Когда фашисты пришли к власти в Италии и Германии, американский литературный мир понял, что Европа не может быть больше религиозной и политической Меккой. Вот почему те американские писатели, что критиковали экономическую и политическую систему США, пришли к выводу, что если Соединенные Штаты и не лучшее место в мире, то, во всяком случае, они лучше, чем Советский Союз или фашиствующая Европа.

Ключевые слова: интеллектуалы, писатели, демократия, фашизм, свобода.

S. M. Nikolaeva

candidate of the historical sciences, associate Professor
Samara National Research University, Samara

DEMOCRACY AND FASCISM IN THE WORKS OF AMERICAN WRITERS OF THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract: This article is dedicated to the views of the USA prominent writers of the first half of the twentieth century concerning the most discussed themes of the period between wars – democracy and fascism. After the First World War many American intellectuals – especially writers – wanted to visit our country in order to see “Soviet experiment” which they imagined to be real democracy. But they came to a conclusion that Soviet regime eliminated human liberty and was not democratic at all. When fascists came to power in Italy and Germany, American literary world realized that Europe can be cultural and to some extent political Mecca no more. Its why those USA writers who criticized USA economics and politics decided that if United States were not to be the best

place in the world, it were much more better than Soviet Union or fascisized Europe.

Keywords: intellectuals, writers, democracy, fascism, liberty.

Становление самосознания американской нации происходило в постоянном сопоставлении с Европой по мере усиления проявления своеобразия Америки на протяжении XVIII–XIX вв. И если, как справедливо замечает Е. А. Стеценко, в XVII веке основное внимание сосредоточивалось на теме политического и государственного строительства, а в XIX в. – на вопросах культуры в широком смысле этого слова [5, с. 289], на определении того, что такое американская культура, каково ее качество, уровень по сравнению со Старым Светом, то XX в. или, точнее, период между войнами тесно объединил в представлениях «мыслящей Америки» политику и культуру, и это стало существенным импульсом для создания нового отношения к Европе и нового образа Америки в американском общественном сознании.

Влияние литературного мира в межвоенный период было очень велико, писательство становится в это время устойчивой профессией, а сами писатели, критики, журналисты – авторитетными людьми, своего рода барометром общественных умонастроений. В условиях повышения роли печатных средств массовой информации, интереса к образованию и культуре слова налаживаются прочные (хотя, к сожалению, не слишком долговременные) связи «мыслящей и пишущей» Америки с широкими массами читающей публики, что в свою очередь побуждало общественную мысль США к саморазвитию. Современник этого времени, знаменитый историк общественной мысли В. Л. Паррингтон считал: «Теперь не профессиональные ревнители официальных взглядов, а литераторы – поэты и критики, романисты и драматурги, мыслящие и целеустремленные молодые люди, выдающиеся среди своих сереньких современников – олицетворяют сознание сегодняшней Америки. Это, по крайней мере, люди независимых мнений и в меру своих способностей мыслители-вольнодумцы. Поэтому, именно на них, на их упованиях и критических оценках должен заострить свое внимание тот, кто хочет установить, в каком направлении развивалась общественно-политическая мысль Америки... Наконец-то литература стала подлинной выразительницей чаяний этой огромной бесформенной Америки, которая так много значит для западной цивилизации» [4, с. 29].

Современность диктовала образы и темы произведений. И еще более это было заметно в публицистике и переписке. У многих писателей прослеживается внимание к одним и тем же сюжетам. Их волнуют как конкретные вопросы: мировой экономический кризис и новый курс Ф. Д. Рузвельта, ситуация в СССР, наступление фашизма в Европе и война в Испании, так и общие социально-политические проблемы, например соотношение демократии и диктатуры и – в связи с этим – взаимоотношения художника и власти, состояние и предназначение американской литературы.

В результате Первой мировой войны произошла реальная встреча цивилизаций Старого и Нового Света.

Но хотя традиционные изоляционистские настроения определяли особенности массового сознания США даже в годы Великой депрессии [18, р. 191–223; 3, с. 37–149], разрушение государственного изоляционизма в результате войны оказало огромное влияние на интеллектуалов, подвизавшихся на ниве литературы. Многие из «пишущих и мыслящих» были ее участниками, впоследствии превратившись на время в экспатриантов, кое-кто оставался путешественником в духе XIX века, но теперь большинство не просто «смотрело» на Европу и фиксировало впечатления, а стремилось более глубоко осмыслить увиденное, сделать более или менее универсальные выводы. Интересно, что размышлять на общие темы стали даже те, кто по складу ума и творческого дарования был изначально к этому не склонен. Характер размышлений со временем менялся в сторону большего внимания к общественно-политическим проблемам и более глубокого анализа американского историко-культурного опыта. Водоразделом подобных изменений в данном случае послужил мировой экономический кризис.

Первоначально же интеллектуалы обратили внимание на необратимость изменений в Европе в результате Первой мировой войны.

Показательно в данном случае мнение У. Липпмана – непосредственного участника Версальской конференции и одного из самых знаменитых в будущем журналистов и политологов. Мировая война, писал он, разразившаяся в свое время ввиду «конфликта интересов» полностью разрушила довоенную Европу. Исчез центр «безопасности и порядка», а это привело к распаду нравственных основ жизни Запада. И восстановить прежний порядок невозможно [19, р. 9; 20, р. 39–45; 21, р. 203]. Аналогично рассуждали предста-

вители литературной критики разных поколений – В. В. Брукс, У. А. Уайт, М. Каули, Э. Уилсон и другие.

Очевидно, что Первая мировая война привела к оживлению радикальных настроений. Хотя в двадцатые годы число радикалов было не очень велико, трудно согласиться с довольно распространенной по сей день точкой зрения, высказанной еще 50-е гг. А. М. Шлезингером-младшим, о том, что в это время не было поисков социальной альтернативы, а существующий порядок США казался незыблемым [24, р. 150]. Для молодой Америки, затронутой войной, альтернатива была: революция и советская Россия (СССР), которая стала вызовом старой Европе. Происходящее в нашей стране представлялось – особенно издалека – созвучным динамичному, экспериментаторскому духу американцев. Именно в России, как казалось, реально создавались основы нового, лучшего общества, отличного от всех прежних форм, т. е. складывалась подлинная «новая демократия».

Неудивительно было поэтому желание посетить нашу страну и поток «визитеров» из США в СССР вплоть до конца 20-х гг. (в числе их Д. Дос Пассос и Т. Драйзер), а также и желание обязательно приехать тех, кто по разным причинам сделать этого не смог (например, Ф. С. Фитцджеральд, Т. Вулф, Э. Хемингуэй). Интересно, что устойчивое положительное отношение дольше сохранялось у тех, кто находился вдали от нашей родины. По приезду много было отзывов восторженного характера, особенно от корреспондентов такого «левого» журнала, как «Нью Мессиз», приветствовавших создателей «нового общественного порядка» [22, р. 2], сообщавших о «чувстве длительной и сильной радости» от пребывания в Москве, о том, что хочется «смеяться, кричать, пожимать руки, обнимать молодых рабочих», встреченных на улице [23, р. 14–15].

Однако параллельно эмоциям у наиболее интеллектуальных представителей литературного мира нарастает скептицизм относительно возможностей и последствий российского «эксперимента», так как он оказывается неизбежно связан с ограничениями и даже подавлением свободы творчества и новым угнетением человеческой личности. Общее настроение лучше всего выразил Дос Пассос, несколько месяцев находившийся в СССР в 1928 г.: «Я восхищался их [русских] огромной и разнообразной страной, но когда... я пересек границу Польши – Польша тогда не была коммунистической, то как будто вышел из заключения» [14, р. 196]. Следует подчеркнуть, что

в данном случае смыкались взгляды писательской молодежи и старшего поколения. Известно, что большие сомнения после визита в нашу страну одолевали Т. Драйзера и многих других [2, р. 241–247, 266–267; 10, р. 75–91].

Таким образом, оказывалось, что новые формы общежития, вышедшие из войны, не могли быть образцом для подражания и стать по-настоящему «своими» для американцев.

Первая мировая война привела также к новому всплеску интереса американцев к европейской культуре. В этом отношении, с одной стороны, существует явная преемственность с предыдущим периодом. Так, американцам XIX века Европа представлялась заповедником и храмом искусства, кладезем всего ценного, накопленного столетиями. Образ европейской культуры был ими романтически идеализирован. С другой стороны, за межвоенное двадцатилетие был сделан шаг вперед в понимании истинной значимости европейского культурного наследия, а также в уяснении специфик собственной культурной ситуации.

Бесспорно, романтическое отношение к европейской культуре, столь выразительно прозвучавшее в свое время в произведениях Г. Лонгфелло, Н. Готторна, Г. Джеймса, продолжало существовать и в 20-е годы. Но разразился мировой экономический кризис, и его последствия заставили литературно-интеллектуальную элиту не просто подтвердить значимость европейской культуры для США, но, что особенно важно, обратить «взгляд на себя» и попытаться уяснить перспективы развития культуры собственной страны.

С одной стороны, отмечает современный исследователь М. Кэммен, «интеллектуальная атмосфера конца 20-х и в 30-е годы была пульсирующей, жизнеутверждающей и созидательной», так как большинство выдающихся умов было озабочено тем, что они надеялись совершить, чем неудачами своих предшественников [17, р. 12; 11, р. XII]. Кризис способствовал дальнейшей радикализации общественного сознания, существующая в США система стала решительно осуждаться как неправильная, ущербная и порочная [15, р. VII; 16, р. 50–69]. Звучали призывы к решительным изменениям в обществе в духе социальной справедливости – порой даже в угоду моде [12, р. 146; 8, р. 926–927; 1, с. 114–119]. С другой стороны, кризис породил в населении «сильнейшую апатию, неуверенность и упадок духа», и, как вспоминали В. В. Брукс, Э. Уилсон, У. А. Уайт, Т. Вулф и другие, это было время ожидания некоего чуда, способного изменить ситуа-

цию» [9, р. 436; 26, р. 172–173; 27, р. 635]. Как видно, отчуждение интеллектуальной Америки продолжало сохраняться.

Однако экономический кризис для Европы означал усиление тоталитарных тенденций и, соответственно, дальнейшую дегуманизацию европейской культуры. Возможную гибель ее как формы жизнедеятельности, связанной со свободной самореализацией личности. Интеллектуалы осознали эту перспективу в числе первых. Конечно, все без исключения выдающиеся писатели того времени – Ф. С. Фитцджеральд, Дос Пассос, Т. Вулф, Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, С. Льюис, Т. Драйзер, Ш. Андерсон и др. стали антифашистами, несмотря на то, что многие обоснованно любили и ценили германскую культуру (самый яркий пример – Т. Вулф). Однако свою позицию выражали не всегда явно публицистически, как, к примеру, Э. Хемингуэй или Т. Драйзер. Иногда их точка зрения была видна через сюжет произведения и некоторых его персонажей (см., например, «У нас это невозможно» С. Льюиса или «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя – у него романы и публицистика в общем неразделимы).

Характерна в связи с этим точка зрения Ф. С. Фитцджеральда, давшего не столько аналитическую, сколько эмоционально-нравственную оценку фашизму. Идея диктатуры ему, как творческой личности, была глубоко чужда. Естественно, проблемы фашизма он, так же как, к примеру, его старший современник С. Льюис или Т. Вулф, воспринимал прежде всего в плане противопоставления диктатуры свободе. Никаких сомнений касательно поддержки или отрицания этого явления у него не возникало, будь то фашистская Италия, где у него произошла стычка с карабинерами, или гитлеровская Германия; о событиях в которой он знал понаслышке – по рассказам и прессе.

Фитцджеральд однозначно заявлял, что «поверить пустопорожней деятельности Муссолини – все равно, что уверовать в последнюю судорожную конвульсию трупа». С другой стороны, он не отождествлял фашизм и коммунизм в отличие от многих соотечественников. Собственно говоря, видимо, он еще меньше был осведомлен о событиях в СССР, чем в Германии. Но в любом случае, коммунизм и деятельность левых в США писатель связывал с представлениями о том, что люди, опирающиеся в своих заявлениях на К. Маркса, не могут быть плохими, бесчестными и делать дурное дело, стремиться к новому угнетению взамен старого. Нацизм же

для Фитцджеральда был изначально проявлением худших качеств человеческой природы. «...Мне будет крайне тяжело, – писал он дочери в конце тридцатых годов, – если ты окажешься на стороне нацистов или тех, кто ненавидит красных, в чем бы эта ненависть не проявлялась» [6, с. 137].

Одним из первых в литературно-интеллектуальном мире США стал открыто осуждать позерство и демагогию Муссолини Э. Хемингуэй, предупреждая об опасности агрессии в Эфиопии, в частности в очерке «Крылья над Африкой», опубликованном в журнале «Эсквайр» в январе 1936 г. Испанская война только укрепила его антифашистскую позицию и привела его в стан воюющих против зла и насилия в годы Второй мировой войны.

Совершенно очевидным для Хемингуэя становится то, что необходимо сплочение всех демократических сил мира для победы над фашизмом, несмотря на то, что соглашательская позиция руководителей европейских государств попустительствовала расширению сферы слияния фашистской идеологии и практики. В уже упомянутом выше предисловии к литературной антологии «Люди на войне» Хемингуэй подчеркивал: «Составитель этой антологии сам был участником той войны и получил тогда ранения; сражавшийся ради прекращения войны вообще, он ненавидит войну, а заодно и всех политиков, чья бездарность, легковерие, жадность, эгоизм и амбиции привели к этой войне и сделали ее неизбежной. Но раз мы втянуты в войну, нам остается только одно. Надо победить. Эта война была развязана потому, что демократические государства шаг за шагом предавали те немногие страны, которые боролись или были готовы бороться ради предотвращения войн. Невзирая на это, нам остается только одно. Мы должны победить. Любой ценой и как можно быстрее. Мы должны победить, не забывая ни на минуту, ради чего мы сражаемся, чтобы, воюя против фашизма, не скалиться к принятию его идей и идеалов» [7, с. 159].

Писатель ясно осознавал ту исключительную роль, которую играл в борьбе с фашизмом Советский Союз. В его письмах к К. Симонову частично опубликованных в годы войны, а частично уже после кончины американского писателя, нашей стране неоднократно даются высочайшие оценки героизму и мужеству советского народа и выражается сожаление, что ему не удалось повоевать вместе с советскими войсками. Лучшим доказательством такого отношения к нашей стране и к той выдающейся роли, которую она сыграла

в разгроме фашизма, может служить новогоднее поздравление Э. Хемингуэя советскому народу, опубликованное в газете «Правда» 3 января 1943 г.: «Вы спасли мир от сил варварства в 1942 г., оказывая сопротивление одни, почти без помощи... Каждый способный мужчина в Америке будет работать и сражаться вместе с рабочими и крестьянами Советского Союза за наше общее дело – полное уничтожение фашизма во всем мире и обеспечение свободы, мира и справедливости для всех людей» [7, с. 165–166].

Очевидно, что борьба с фашизмом силой печатного слова и даже силой оружия становилось делом чести наиболее интеллектуальной части пишущей Америки.

Но, с другой стороны, в 30-е годы начинается постепенное изменение отношения американских литературно-интеллектуальных кругов к своей нации, ее культуре. Теперь представители творческой мысли стали приходить к выводу, что Америка еще только раскрывается самой себе и миру, что она заслуживает великой литературы, великой культуры, потому что она идет не путем Англии, Франции или Германии, а, как решительно подчеркивал Л. Стеффенс, своим путем [25, р. 850–851].

У. Фолкнер утверждал, может быть чересчур критически, что попытка создать великую литературу (а можно добавить – и культуру) не удалась, завершилась «поражением», хотя и «блестящим». Однако выход был найден. Дело в том, что США в 30-е годы явились пристанищем для большого количества выдающихся европейских философов, писателей, музыкантов – «франкфуртцев» и братьев Манн до А. Тосканини и А. Шенберга. Это была массовая культурная эмиграция из фашистской Европы, ставшая плодотворным «вливанием» в плоть и кровь культуры американской.

В конечном итоге логическим выводом для интеллектуально-литературного мира к концу третьего десятилетия стало, во-первых, признание существующих порядков в США, включая новый курс Ф. Рузвельта, как «наименьшего зла» по сравнению с европейскими режимами и «советским экспериментом», во-вторых, в связи с наступлением фашизма определение Европы как потерянной родины в культурном отношении [1, с. 320–331], в-третьих, прочное убеждение в том, что только Америка в нынешних условиях способна сохранить европейские культурные ценности, воплощенные в человеческом материале. Лучше всего об этом сказал однажды Д. Дос

Пассос: «Америка стала прибежищем для мастерства и традиций Западной Европы» [13, р. 25].

Итак, круг замкнулся. Америка вновь оказалась самой лучшей. К началу Второй мировой войны эта точка зрения не вызывала сомнений ни у литературно-интеллектуальной элиты, ни у «непросвященного большинства». Так закладывалось теоретическое обоснование послевоенной «покупки мозгов» – дела, как оказалось, весьма выгодного для страны. Но это уже совсем другая история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вулф Т. Жажда творчества. М., 1989.
2. Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. М., 1988.
3. Золов А. В. Американский изоляционизм 30-х гг.: попытка классификации // Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России: материалы научной конференции. Москва, 31 октября – 2 ноября 1995 г. М., 1996.
4. Паррингтон В. Основные течения американской мысли: в 3 т. Т. 3. М., 1963.
5. Стеценко Е. А. История, написанная в пути. М., 1999.
6. Фитцджеральд Ф. С. Портрет в документах. М., 1984.
7. Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет. М., 1983.
8. American Literary History. Winter 1989. № 4.
9. Brooks W. An autobiography. New York, 1965.
10. Cantor M. The Divided Left: American Radicalism, 1900–1975. New-York, 1978.
11. Carter P. Another Part of the Twenties. New York, 1977.
12. Cowley M. Dream of the Golden Mountains. New York, 1980.
13. Dos Passos J. Occasions and Protests. Chicago, 1964.
14. Dos Passos J. The Best times. New York, 1966.
15. Geismar M. Writers in Crisis. Boston, 1963.
16. Hicks G. Where we came out. London, 1954.
17. Kammen M. Selvages and biases. Cornell, 1987.
18. Levine L. American culture and the Great Depression // Yale Review. Winter 1985. № 2.
19. Lippmann W. The Political Scene. New York, 1919.
20. Lippmann W. Some notes on war and peace. New York, 1940.
21. Lippmann W. U. S. War Aims. Boston, 1944.
22. New Masses. November 1928.
23. New Masses. November 1930.
24. Schlesinger-jr A. The Crisis of the Old Order. 1919–1933. Boston, 1957.
25. Steffens L. An autobiography. New York, 1931.
26. Thomas Wolfe's letters to his mother. New York, 1948.
27. White W. A. An autobiography. New York, 1946.

Я. А. Левин

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

**КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ЭПОХУ
ДЕКОЛОНИЗАЦИИ: ВОСПРИЯТИЕ ЦРУ
БРИТАНСКОГО ОПЫТА В КОНГО И МАЛАЙЕ¹²**

Аннотация: Статья посвящена операции войск Великобритании в Малайе в 1948–1960 гг. и попыткам ЦРУ повторить во время войны во Вьетнаме наиболее эффективные наработки коллег. Статья базируется на архивных документах и научной литературе по теме.

Ключевые слова: деколонизация, ЦРУ, МИ-6, Малайя, Вьетнам, CORDS, MACV.

Y. A. Levin

candidate of the historical sciences, Junior Researcher,
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

**COLONIAL PRACTICES DURING THE DECOLONIZATION ERA:
PERCEPTION OF CIA OF THE BRITISH EXPERIENCE
IN CONGO AND MALAYA**

Abstract: Article is devoted to operation of troops of Great Britain in Malaya in 1948–1960 and to attempts of CIA to repeat during the war in Vietnam the most effective practices of colleagues. Article is based on archival documents and scientific literature on a subject.

Keywords: decolonization, CIA, MI-6, Vietnam, CORDS, MACV.

Война в Малайе, или «чрезвычайное положение», как принято определять этот колониальный конфликт в Великобритании, продолжилась с 1948 г. до 1960 г. Этот конфликт стал, с одной стороны, примером удачной антиповстанческой операции. С другой стороны, Лондон добился успеха методом проб и ошибок, который был сопряжён с актами насилия и нарушения прав человека со стороны британской колониальной администрации. Важным измерением этого конфликта стали отношения между британской и американской разведками. Дело в том, что к началу конфликта ЦРУ не смог-

---

¹² Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

ло выстроить в Азии достаточно продуктивную сеть по сбору данных [8, р. 130]. По этой причине в своих оценках ситуации в регионе в целом, и конкретно в Малайе, американская разведка вплоть до начала 1950-х гг. часто следовала за британцами, перенимая многие их суждения, в том числе и ошибочные. В итоге, когда американская разведка начала активнее анализировать ситуацию в регионе и стала самостоятельнее в оценках, отталкивалась она от базиса, во многом сформированного под влиянием своих британских коллег.

С самого начала конфликта британская разведка была убеждена в поддержке Москвой восстания в Малайе. Воспринимаясь в контексте «холодной войны», события в этой колонии привлекали большое влияние Вашингтона [9, р. 6]. Со временем МИ-5 и МИ-6 начнут относиться всё более неуверенно к идее советского руководства повстанцами. Однако этими сомнениями британцы вполне осознанно не стали делиться с американцами, поскольку поддержка США на этом и других направлениях была очень важным, а подчас и решающим фактором в успехе британских спецслужб и колониальной администрации в целом. Малайя стала одним из ранних примеров подобного формата «особых отношений» между союзниками [1, с. 318–319].

Важным фактором успеха малайской кампании стала победа в «войне за сердца и умы», одержанная в результате сочетания нескольких факторов. С одной стороны, это жёсткая политика Великобритании в отношении населения, практика массовых переселений в так называемые «новые деревни», с другой – масштабная пропагандистская работа [2, р. 100; 1, с. 290–291]. Впоследствии этот опыт станет образцовым для Великобритании, хотя она не сможет успешно повторить его в других регионах. Этот же опыт станет отправной точкой в американских исследованиях антиповстанческих операций, на практике частично применённый во время войны во Вьетнаме.

Наибольший интерес в этом смысле представляют работы уже упомянутого Роберта Комера, на которого была возложена столь важная в условиях антиповстанческой операции во Вьетнаме задача «борьбы за сердца и умы». В докладе для корпорации РЭНД под названием «Ретроспектива чрезвычайного положения в Малайе» Комер выделяет основные слагаемые успешной и продуктивной политики Великобритании по выходу из него [7, р. 15].

В частности, подчёркивается, что массовые переселения (до полумиллиона человек), поначалу лишь усилившие неприязнь к колониальным властям, в итоге оказались успешными. Именно контроль над информацией, который можно было бы обеспечить в условиях «новых деревень», давал британским специалистам по пропаганде уникальные возможности для укрепления среди населения идеи сотрудничества с британской администрацией. Вместе с этим активное взаимодействие местной полиции и армейских частей, эффективная пропаганда на нескольких уровнях и на разных направлениях в сочетании с улучшением экономического положения в колонии стала, по мнению Роберта Комера, залогом успеха в Малайе. При этом Комер обращает внимание и на то, что Великобритания не смогла развить этот успех и адекватно применить полученные навыки в других антиповстанческих операциях [7, р. 25–30, 69–72].

Вместе с работами Комера интереснейшим источником по изучению роли «особых отношений» США и европейских колониальных держав в истории Вьетнамской войны – самого масштабного асимметричного конфликта с участием американской армии в годы «холодной войны» – является огромный массив документов Министерства обороны США, собранных под общим заголовком «Отношения США и Вьетнама, 1945–1967 годы: исследование, подготовленное Министерством обороны» и более известных под их неофициальным названием – «бумаги Пентагона» [11, р. 30]. Этот комплекс документов был подготовлен по распоряжению министра обороны США Роберта Макнамары с целью «всестороннего анализа и планирования военных действий во Вьетнаме».

Весьма поучительной в «бумагах Пентагона» является информация о периоде Индокитайской войны 1946–1954 гг. В частности, подчёркивается, что США не только помогали Франции поставками оружия и ресурсов, но и занимались дополнительным обучением солдат союзной Франции Вьетнамской национальной армии, в том числе с использованием первых наработок ЦРУ в антиповстанческих операциях, во многом опиравшихся на восприятие американской разведкой успехов и неудач Великобритании и других колониальных держав [10, р. 133].

Как покажет практика, американцам тоже не удастся в полной мере реализовать британский колониальный опыт. Для понимания того, почему это произошло, особый интерес представляют работы того же Роберта Комера и материалы, относящиеся к программам

поддержки гражданских операций и поддержки развития (CORDS) [14, p. 40].

Если Комер по линии ЦРУ и Белого дома отвечал за общее руководство CORDS, то более «специфичными» функциями руководил будущий директор ЦРУ Уильям Колби. Главным условием воплощения «мирной» части замыслов в рамках CORDS должно было стать «обеспечение порядка, максимальный подрыв и дезорганизация пропаганды Вьетконга». С этой целью внутри самой CORDS, быстро превратившейся, по сути, в отдельную бюрократическую структуру со смешанным составом в ряду других американских институций, отвечавших за ведение Вьетнамской войны, была запущена программа «Феникс» [12, p. 38].

Ее суть заключалась в точечном устранении источников пропаганды и влияния Вьетконга. Однако достаточно быстро реализация «Феникса» столкнулось с рядом трудностей. Во-первых, действовавшие в рамках этой программы отряды получали приказы как от руководителей CORDS, так и от Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму (MACV). Зачастую приказы и наводки от двух этих структур противоречили друг другу [15, p. 50].

Во-вторых, несмотря на то, что CORDS, отталкиваясь от британского опыта в Малайе и собственных наработок, стремились минимизировать жертвы среди гражданского населения, этого не удавалось избежать [1, с. 269–286]. Более того, командование MACV относилось к жертвам среди местного населения с определённым попустительством. Это же касалось и методов сбора информации. Хотя Комер и его соратники в Белом доме и ЦРУ считали пытки неэффективными, оперативники «Феникса» часто их применяли. И вновь причинами были, с одной стороны, отсутствие единого контроля, а с другой – постоянные требования результатов, поступавшие к непосредственным исполнителям программ от всех командных структур [15, p. 50–63].

Так или иначе, в конечном итоге в рамках программы «Феникс» удалось нейтрализовать до 81 740 активистов Вьетконга, из которых 26 369 было убито. Однако деятельность «Феникса» почти не затронула верхушку Вьетконга, охватывая лишь его нижнее и среднее звенья, которые быстро пополнялись новыми сторонниками. В рамках CORDS и «Феникса» не удалось серьёзно преуспеть и в ослаблении пропаганды Вьетконга [12, p. 23–25].

Роберт Комер в своей более поздней работе с красноречивым названием «Бюрократия во время войны: успехи США во Вьетнамском конфликте» считал, что программы CORDS в которых одновременно работали представители самых разных ведомств с, соответственно, самым разным стилем работы и тактическими задачами во Вьетнамской кампании страдали от отсутствия механизмов быстрой выработки решений. К тому же любое решение CORDS должно было согласовываться с MACV, относившимся к этой структуре с некоторым пренебрежением. Итогом такого положения дел стали, по мнению Комера, критическая потеря времени вместе с отсутствием высокой эффективности принятых мер [6, р. 100–140].

Таким образом, деколонизация неизбежно подталкивала ЦРУ к развитию в контексте «холодной войны». Несмотря на провал во Вьетнаме, в целом операции в Азии оказались скорее успешными, хотя подчас не в результате целенаправленных усилий Управления, а по причине внезапных перемен во внутренней политике стран, ставших объектом его пристального интереса [16, р. 95; 4, р. 6; 5, р. 10]. Из-за стремления США утвердиться в качестве покровителей новых независимых государств разведка, до этого работавшая преимущественно над сбором и анализом информации, была вынуждена перейти к тактике активного вмешательства в дела других стран.

Часто эти операции носили откровенно диверсионный характер и вели к установлению марионеточных правительств. Сделав главным критерием поддержки того или иного режима лояльность по отношению к Вашингтону, которая зачастую декларировалась лишь на официальном уровне, вмешательство ЦРУ приводило к власти в новых независимых государствах жёсткие авторитарные режимы, которые во многом препятствовали поступательному социально-экономическому и политическому развитию стран и способствовали созданию условий для новых этнических, геополитических и религиозных конфликтов, вспыхнувших после отхода США от поддержки сателлитов или падения сложившихся в них политических режимов.

Опыт Великобритании, обладавшей обширными колониями и зависимыми территориями, многие из которых превратились после Второй мировой войны в связи со стремлением их народов к независимости в очаги международной напряжённости, наряду с «особыми отношениями» между Лондоном и Вашингтоном, сложившимися с началом «холодной войны», серьёзно влияли как на стиль

работы, так и на методы американской разведки. Наиболее ярко это проявилось во время Вьетнамской войны в связи с попытками заимствования британского опыта противодействия коммунистическому подполью в Малайе. Вместе с тем интересы Великобритании часто не совпадали с намерениями США, что вело к росту недоверия между странами, в том числе на уровне спецслужб.

Тем не менее ЦРУ планомерно создавало и развивало свои резидентуры по всему миру, увеличивая количество агентов и повышая качество их работы, наращивало бюджеты и материальную базу. Всё это сделало американскую разведку важным фактором в разрешении ассиметричных конфликтов второй половины XX в., во многом связанных с процессом деколонизации в странах «третьего мира». Тайные операции ЦРУ в бывших европейских колониях являлись важной элементом сложной мозаики международных отношений второй половины XX в. Не случайно один из ведущих британских историков спецслужб Кристофер Эндрю, автор первой официальной истории МИ-5, метко назвал разведку «недостающим измерением» истории деколонизации и «холодной войны» [13, p. 5, 85].

Список литературы

1. Уолтон К. Британская разведка во времена «холодной войны». Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М., 2016.
2. Boyce F. SOE's ultimate deception: Operation Periwig Stroud: Sutton, 2005.
3. Brands H. W. The Limits of Manipulation: How the United States Didn't Topple Sukarno // *Journal of American History*. December 1989. P. 785–808.
4. CIA. CIA-RDP82-00457R002200280001-0. The Political situation in Indonesia. 28 December 1948.
5. CIA. Howland R. C. Perspective on Indonesia. The Lessons 30 September Affair [without date].
6. Komer R. W. Bureaucracy at war: U. S. performance in the Vietnam conflict. N. Y. 1986.
7. Komer R. W. Malayan Emergency in Retrospect: Organization of a Successful Counterinsurgency Effort. RAND Corporation. R-957-ARPA. February 1972.
8. Montague L. L., Berkowitz B. D. General Walter Bedell Smith as director of Central Intelligence: October 1950 – February 1953. University Park (Pennsylvania), 1971.
9. NARA. RG 263. CIA-RDP78-01617A003500050003-5. Current situation in Malaya. 17 Nov. 1949.

10. NARA. RG. 330. Pentagon Papers. Part IV-A. Vol. 4. Evolution of the War. U. S. Training of Vietnamese National Army, 1954–1959 (ARC ID: 5890491).

11. NARA. RG. 330. Pentagon Papers. Part IV-C. Vol. 2-B. Evolution of the War. Military Pressures Against NVN. July – October 1964 (ARC ID: 5890500).

12. Rosenau W., Long A. The Phoenix Program and Contemporary Counter-insurgency. RAND Corporation. National Defense Research Institute, 2009.

13. The Missing Dimension: Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century / ed. by C. Andrew and D. Dilks. London, 1984.

14. U. S. Agency for International Development. No. 23682. Debrief of a CORDS management consultant (administration), Saigon, Vietnam: 1967–1968. 1968.

15. U. S. Agency for International Development. No. 75567. Relationship between the Military Assistance Command [Vietnam], Civil Operations and Revolutionary Support (MACCORDS) and the USAID mission/Vietnam: administrative and logistics support. 1970.

16. Weiner T. Legacy of Ashes: The History of the CIA. N.-Y., 2008.

Д. А. Нестеров

аспирант, Самарский государственный
социально-педагогический университет, Самара

ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ОПЫТ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ¹³

Аннотация: В статье анализируется трансфер колониального знания между британскими военными и представителями американского экспертного сообщества и военно-политической элиты. Дается характеристика британского колониального опыта антиповстанчества, который, по мнению колониальных офицеров, является оптимальной стратегией умиротворения конфликта во Вьетнаме. Раскрываются особенности взаимодействия британских военных со своими американскими коллегами. Анализируются причины неудачи применения подобного опыта Соединенными Штатами в рамках войны во Вьетнаме. Подобный подход позволяет не только сделать вывод о характере «особых отношений» США и Британии в эпоху «холодной войны», но и понять логику экспертных за-

---

¹³ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

ключений, направленных на попытку применить колониальный опыт в иных исторических условиях путем проведения исторических аналогий.

Ключевые слова: война во Вьетнаме, чрезвычайная ситуация в Малайе, колониальный опыт, антиповстанческая деятельность, асимметричный конфликт, стратегические деревни.

D. A. Nesterov

postgraduate student,

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

THE VIETNAM WAR AND THE COLONIAL EXPERIENCE OF THE BRITISH EMPIRE

Abstract: The article analyzes the transfer of colonial knowledge between the British military and representatives of the American expert community and the military-political elite. The characteristic of the British colonial counterinsurgency experience is given, which, in the opinion of the colonial officers, is the optimal strategy for pacifying the conflict in Vietnam. The features of the interaction of the British military with their American counterparts. The reasons for the failure of the United States to use this experience in the Vietnam War are analyzed. Such an approach allows not only to draw a conclusion about the nature of the “special relations” of the United States and Britain in the Cold War era, but also to understand the logic of expert opinions aimed at trying to apply colonial experience in different historical conditions by making historical analogies.

Keywords: Vietnam War, Malaya emergency, colonial experience, counterinsurgency, asymmetric conflict, the strategic hamlet program.

С самого начала развития конфликта в Южном Вьетнаме британские военные заняли активную экспертную позицию, что выразилось в создании Британской консультативной миссии во главе с сэром Робертом Томпсоном [13, р. 36]. Ему удалось войти в доверие к президенту Южного Вьетнама Нго Динь Зьему, а также к политической элите США – братьям Кеннеди, У. Ростоу, Э. Лансдейлу и другим [7, р. 93–94; 12, р. 77]. Томпсон убедил их не начинать полномасштабного вторжения американских вооруженных сил, ограничившись отправкой консультантов и военных экспертов, а также начать переселение жителей в новые поселки. Данная политика получила название программы «стратегических деревень».

Р. Томпсону, удалось создать логичную схему контрпартизанских действий на основе малайского опыта Британии. По его мнению, а также других британских военных, успех данной операции

заклучался в том, что создание новых деревень способствовало ограничению передвижений и обмену продовольствием. В этой связи повстанцы были лишены возможности вербовки новых партизан, а также был существенно затруднен механизм снабжения [10, р. 92, 130, 134]. При этом, зная предубежденность президента Дж. Ф. Кеннеди против применения пыток и насилия, процесс создания новых поселений изображался экспертами в мягких, гуманных красках, что не соответствовало действительности [22, р. 31–32].

Не было акцентировано внимание и на том, что в случае с Малайей повстанцами являлись представители китайского этнического меньшинства. Китайские партизаны не говорили на малайском языке, и их пропаганда была нацелена лишь на представителей данной этнической группы. Во Вьетнаме же и партизаны, и местные жители были одного этнического происхождения, а значит, предстояла задача переселить в укрепленные деревни значительно большее число людей, что увеличивало в десятки раз количество необходимых ресурсов.

Глава Британской консультативной миссии в Южном Вьетнаме Р. Томпсон, а также другие военные эксперты не смогли учесть и специфику вьетнамского конфликта. Так от их внимания ускользнул факт того, что большинство переселяемых крестьян были буддистами с развитым у них культом предков. Согласно их традициям, они не могли покинуть земли, где были похоронены их родные, что стало одной из причин, почему вьетнамские крестьяне активно протестовали против переселения в другие районы [16, р. 257; 23, р. 309–310].

Помимо невнимания к этнографическим и антропологическим нюансам региона, Р. Томпсон недооценил других участников конфликта. Президент Южного Вьетнама Нго Динь Зьем и круг его приближенных использовали программу «стратегических деревень» в своих собственных целях. Через нее они пытались ослабить буддистское влияние в стране, укрепив тем самым положение католической церкви [8, р. 993; 13, р. 294].

Стремление решить свои проблемы с помощью американцев привело к высоким темпам строительства укрепленных деревень. Согласно принятой программе новые поселения должны были быть укреплены рвом, колючей проволокой, а среди жителей сформированы отряды самообороны [23, р. 310]. Безопасность деревень должны были обеспечивать вьетнамские военнослужащие. Но бы-

строе строительство поселений, а также высокий уровень коррупции мелких чиновников привело к невозможности обеспечивать должный уровень безопасности [19, р. 38].

В итоге, программа «стратегических деревень» привела к полностью противоположным планируемым результатам. Ситуация во Вьетнаме оказалась критической. Стратегическими деревнями овладели повстанцы, превратившие их в свои укрепленные базы. Протесты буддистского населения против насильственного переселения переросло в масштабное восстание, которое фактически закончилось убийством президента Нго Динь Зьема. Ситуация в стране была дестабилизирована, и полномасштабное вторжение вооруженных сил США было делом времени.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами и развитием событий в американской историографии развилось целое направление, пытающееся ответить на вопросы, кто виноват в неудаче подобного опыта и могла бы программа «стратегических деревень» в случае ее более грамотного исполнения умиротворить ситуацию во Вьетнаме без полномасштабного участия в конфликте американских войск [18; 24; 25].

Однако, как представляется автору данной статьи, этот исследовательский вопрос необходимо переформулировать следующим образом: почему американское экспертное сообщество и представители военно-политической элиты США не смогли оценить все возможные трудности реализации колониального опыта переселения в рамках войны во Вьетнаме, а также обратить внимание на имеющиеся социально-политические и антропологические отличия ситуации в Южном Вьетнаме от малайского опыта британских сил безопасности?

При решении данного вопроса следует учитывать целый ряд важных обстоятельств. Во-первых, у американского правительства практически отсутствовали региональные знания Юго-Восточной Азии. Причиной этому во многом стали маккартистские чистки, коснувшиеся основных американских экспертов, специализирующихся на данном регионе [3, с. 65]. В итоге спецслужбы США были вынуждены пользоваться разведывательными данными и агентурными сетями, доставшимися им «по наследству» от Британской империи [2]. В связи с этим предлагаемый колониальными офицерами американским политикам и военным рецепт антиповстанчества, примененный ранее во время чрезвычайной ситуации в Малайе, ка-

зался очень соблазнительным. В представлении британских экспертов, между Вьетнамом и Малайей было гораздо больше общего, начиная от природно-географических условий и маоистской идеологией, разделяемой партизанами (хотя и в этом аспекте мы видим очень серьезное историческое упрощение).

Во-вторых, американские аналитики не обладали возможностью достоверно оценить британский колониальный опыт в Малайе. С целью проверки сведений о предлагаемой союзниками программе переселения корпорация «РЭНД» поручила своему эксперту Райли Сандерлэнду провести исследование чрезвычайной ситуации в Малайе. Однако данная работа затянулась и была представлена в 1965 году, когда программа «стратегических деревень» в Южном Вьетнаме была закрыта. Тем самым пятитомный меморандум Р. Сандерлэнда оказался устаревшим уже на момент своего создания [26; 27; 28; 29; 30].

Как указывает сам аналитик корпорации «РЭНД», при работе над докладом он мог пользоваться только теми документами и источниками, которые давали ему британские коллеги. Помимо этого, одним из основных источников информации были личные встречи и беседы Р. Сандерлэнда с колониальными офицерами и разведчиками, участвовавшим в подавлении малайского мятежа [26, р. iv]. В связи с этим Пентагон (именно по контракту с министерством обороны проводилось данное исследование) получил не аналитическое заключение, а историю проведения программы переселения в Малайе.

В-третьих, администрация президента Дж. Ф. Кеннеди услышала от британской стороны только то, что хотела услышать. Американский президент был не готов к повторению войны в Корее, но и допустить поражение Сайгона он также не мог. С самого начала своего президентского срока Дж. Ф. Кеннеди подчеркивал перед американскими военными, что подавление повстанческого движения требует совершенно иной стратегии и тактики, чем традиционная война [15]. Но экспертное сообщество США было только на стадии разработки подобной контрпартизанской программы, предлагая различные варианты антиповстанческих действий [1; 5]. У всех них был только один недостаток – они не проверялись на практике.

На фоне этого британский колониальный опыт казался чрезвычайно привлекательным. Он предполагал использование гораздо меньшего объема ресурсов, как материальных, так и людских. Но

самое главное, британский опыт в Малайе был успешен и конфликт там закончился в 1960-м году.

В-четвертых, попытка применить колониальную практику переселения в условиях войны во Вьетнаме во многом зависела от личности главы Британской консультативной миссии в Южном Вьетнаме сэра Р. Томпсона. Он имел опыт взаимодействия с представителями американской военно-политической элиты [7], обладал очень честолюбивым характером (это, в частности, отразилось на том, что британский эксперт практически никогда не ссылался в своих работах на труды своих коллег и предшественников, опираясь лишь на свои собственные знания и опыт), даром убеждения и владел мастерством политических манипуляций и интриг.

Зная данные черты характера Р. Томпсона, посол США в Южном Вьетнаме Фредерик Нолтинг пытался всячески сдерживать бурную деятельность британского эксперта. В отличие от него американский дипломат был противником использования колониального опыта в условиях войны во Вьетнаме, выступая за полномасштабное участие вооруженных сил США в конфликте, оценивая ситуацию в стране как «революционную войну».

Ради справедливости отметим, что не только посол США в Южном Вьетнаме выступал противником применения колониального опыта в военном конфликте. Малайский опыт Британии критически оценивали даже сами участники того конфликта, отмечая, что британским силам безопасности просто повезло, а значит, он не может быть универсальным рецептом антиповстанчества [10].

При анализе ситуации с попыткой применения колониального опыта переселения в иных исторических условиях Вьетнама возникает еще один важный аспект – особенности реакции экспертного сообщества на неудачу программы «стратегических деревень».

Американские аналитики стали оценивать ее с крайне негативных сторон, возлагая ответственность за поражение на своих британских коллег, подчеркивая, что сам колониальный опыт Британии в подавлении мятежа трудно назвать успешным. Чрезвычайная ситуация в Малайе длилась двенадцать лет, закончилась независимостью колонии и более того, само партизанское движение не было полностью подавлено, так как до середины 1960-х годов в малайских джунглях продолжало орудовать значительное число партизан [11; 19; 32].

Естественно, что подобная постановка вопроса вызвало резкое неприятие со стороны британских военных экспертов. В своих рабо-

тах колониальные офицеры, преимущественно Р. Томсон и Р. Клаттербэк, возлагали ответственность за провал программы «стратегических деревень» на президента Нго Динь Зьема, его администрацию и чиновничий аппарат Южного Вьетнама [9, р. 6–7, 65; 31, р. 124, 125, 126, 129, 137–139, 166]. Более того, Р. Томпсон и Р. Клаттербэк настаивали на возобновлении программы и именно в ней видели один из основных способов умиротворения Южного Вьетнама [9, р. 75–76].

Следует отметить, что в противостоянии данных двух точек зрения так и не подведен итог. В начале XXI века подобный спор вновь станет чрезвычайно актуальным, но уже в условиях контртеррористических операций США на Ближнем и Среднем Востоке, когда ряд американских экспертов вновь стало повторять идеи о необходимости применения в новых исторических условиях колониального опыта антиповстанчества [4, р. 57]. Идеи создания «стратегических деревень» в Афганистане в начале XXI века проникли даже в рамки диссертационных исследований [6]. Естественно, что подобное отношение к использованию колониального знания в постколониальную эпоху способствовало появлению целого ряда работ, ставящих под сомнение подобных подход [17; 20; 21].

Таким образом, ситуация первой половины 1960-х годов, связанная с попыткой повторить программу переселения китайских скваттеров в Малайе, но уже в условиях войны во Вьетнаме, показала, во-первых, характер «особых отношений» между США и Британской империей в годы «холодной войны», когда Соединенные Штаты пытались заполнить вакуум власти, образующийся в ходе национально-освободительных движений в странах «третьего мира». При этом в данных отношениях Британия пользовалась отсутствием у администрации США необходимых знаний и опыта, что отразилось в характере описываемого в данной статье трансфера знаний. Во-вторых, программа «стратегических деревень» отчетливо показала опасность исторических аналогий в политическом процессе, не говоря уже о попытках копирования чужого исторического опыта в иных социально-политических и антропологических условиях.

Список литературы

1. Киссингер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 510 с.

2. Левин Я. А. Деколонизация и британское влияние на контрповстанческие операции американских спецслужб (на примере операций ЦРУ во Вьетнаме) // Британия: история, культура, образование. 2018. С. 175–180.
3. Макнамара Р. Вглядываясь в прошлое: трагедия и уроки Вьетнама: пер. с англ. М.: Ладомир, 2004. 409 с.
4. Малкин С. Наследие империй и политика США в странах «третьего мира» //Международные процессы. 2018. Т. 16, № 1. С. 53–68.
5. Тейлор М. Ненадежная стратегия. М.: Воениздат, 1961. 192 с.
6. Biddulph M. J. Population Control in Insurgencies: Tips for the Taliban: Diss. Ohio University, 2011. 130 p.
7. Busch P. All the Way with JFK? Britain, the US, and the Vietnam War. Oxford: Oxford University Press, 2003. 268 p.
8. Buttinger J. Vietnam: A Dragon Embattled. New York: Praeger, 1967. 1346 p.
9. Clutterbuck R. L. The Long, Long War: Counterinsurgency in Malaya and Vietnam. Praeger, 1966. 206 p.
10. Counterinsurgency: a symposium, April 16–20, 1962 / Stephen Hosmer, S. O. Crane. Santa Monica: RAND Corporation, 2006. 182 p.
11. Fall B. B. The Two Vietnams. London: Pall Mall Press, 1965. 498 p.
12. Gelb L. H., Betts R. K. The irony of Vietnam: The system worked. Brookings Institution Press, 2016. 387 p.
13. John F. Kennedy and the 'Thousand Days': New Perspectives on the Foreign and Domestic Policies of the Kennedy Administration (American Studies – a Monograph Series) / Berg M., Etges A., eds. Universitätsverlag Winter, 2007. 303 p.
14. Karnow S. Vietnam: A history. New York: Penguin Books, 1997. 784 p.
15. Kennedy J. F. Remarks at West Point to the graduating class of the US Military Academy // John F. Kennedy Library, June. 1962. Vol. 6. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=8695> (accessed: 14.04.2018).
16. Knoebl K. Victor Charlie: the face of war in Viet-Nam. New York: Praeger, 1967. 304 p.
17. Mockaitis T. R. The minimum force debate: contemporary sensibilities meet imperial practice // Small Wars & Insurgencies. 2012. 23:4-5. P. 762–780.
18. Neeson K. Did JFK have an Exit Strategy for Vietnam? URL: www.e-ir.info/2008/11/03/did-jfk-have-an-exit-strategy-for-vietnam/ (accessed: 05.05.2018).
19. Osborne M. E. Strategic Hamlets in South Vietnam: A Survey and Comparison. Ithaca: Cornell University Southeast Asia Program, Data Paper. 1965. № 55. 65 p.
20. Porch D. The dangerous myths and dubious promise of COIN // Small Wars & Insurgencies. 2011. 22:02. P. 239–257.

21. Reis B. C. The Myth of British Minimum Force in Counterinsurgency Campaigns during Decolonisation (1945–1970) // *Journal of Strategic Studies*. 2011. 34:2. P. 245–279.

22. Rich P. B. A historical overview of US counter-insurgency // *Small Wars & Insurgencies*. 2014. Vol. 25. № 1. P. 5–40.

23. Sheehan N. A. *Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam*. N. Y.: Vintage. Books, 1989. 862 p.

24. Shultz R. Breaking the Will of the Enemy During the Vietnam War: The Operationalization of the Cost-Benefit Model of Counterinsurgency Warfare // *Journal of Peace Research*. 1978. Vol. 15. № 2. P. 109–129.

25. Slaughter Ronald L. World revolution and American response: counter-insurgency in Vietnam. MA Thesis. Atlanta University, May 1976.

26. Sunderland R. *Antiguerrilla Intelligence in Malaya, 1948–1960*. RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4172. 80 p.

27. Sunderland R. *Army Operations in Malaya, 1947–1960*. RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM-4170-ISA. 267 p.

28. Sunderland R. *Organizing Counterinsurgency in Malaya, 1947–1960*. RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4171ISA. 95 p.

29. Sunderland R. *Resettlement and food control in Malaya*. RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4173ISA. 145 p.

30. Sunderland R. *Winning the Hearts and Minds of the People: Malaya, 1948-1960*. RAND corp Santa Monica CA, 1964. № RM4174ISA. 70 p.

31. Thompson R. G. K. *Defeating communist insurgency: The lessons of Malaya and Vietnam*. New York: FA Praeger, 1966. 171 p.

32. Tilman R. O. *The Non-Lessons of the Malayan Emergency* // *Asian Survey*. 1966. P. 407–419.

С. Ю. Заводюк
кандидат исторических наук, доцент,
Самарский государственный
медицинский университет, Самара

СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются основные подходы к изучению истории семьи как социального института и социальной группы. Выделяются историко-демографические, историко-правовые аспекты исторического анализа семьи, рассматриваются работы, в которых внимание акцентируется на изменениях семейной системы под воздействием социально-

экономических процессов, и т. д. В статье затрагиваются проблемы, связанные с особенностями изучения истории семьи на макро- и микроуровнях. Анализируется специфика семьи как объекта исторического исследования. Отмечаются сложности изучения семьи как целостной социальной системы, связанные с особенностями исторических источников. Рассматриваются перспективы использования таких методов, как «ретроспективное анкетирование», изучение казусов, анализ эгодокументов и т. д. Отмечается связь истории семьи с другими активно развивающимися направлениями: историей повседневности, гендерной историей, историей детства, историей материнства, историей эмоций.

Ключевые слова: история семьи, методологические подходы, институт семьи, семья как малая группа, макроистория, микроистория.

S. Y. Zavodyuk

candidate of the historical sciences, associate Professor,
Samara State Medical University, Samara

THE FAMILY IN THE CONTEXT OF SOCIAL HISTORY: METHODOLOGICAL APPROACHES AND RESEARCH PROBLEMS

Abstract: The article considers the main approaches to historical research of the family as a social institution and a social group. It also describes historical and demographic, legal history aspects of the family historical analysis, as well as the research papers which focus on changes in the family system as a result of social and economic processes, etc. The issues relating to the peculiarities of the family history research at the macro and microlevels are discussed. The specific features of the family as an object of historical research are analyzed. The article outlines the difficulties of studying the family as an integral social system that are connected with the specificities of historical sources. It also considers the prospects of using such methods as the «retrospective questionnaire», studying cases, analyzing ego documents, etc. It is noted that the family history is connected with other actively developing directions: the history of everyday life, gender history, the history of childhood, the history of motherhood, the history of emotions.

Keywords: the family history, methodological approaches, institution of the family, the family as a small group, macrohistory, microhistory.

История семьи и близкие к ней направления начинают выделяться в историографии с 60–70-х гг. XX в. Обращение к семье как к объекту исторического изучения важно по ряду причин. Во-первых, в поле общественного сознания это одна из самых мифологизиро-

ванных и перегруженных эмоциональным восприятием тем. Чем яснее осознается институциональный кризис современной семьи, вызванный социально-экономическими изменениями и последствиями второго демографического перехода, тем более стереотипно и иллюзорно воспринимается семья XVIII, XIX, первой половины XX веков. Соответственно, одной из задач изучения семьи является деконструкция связанных с этой темой исторических мифов, получивших широкое распространение в социальных представлениях разного уровня.

Во-вторых, сочетание исторических исследований семьи как базисного общественного института и изучения многообразия отдельных семейных систем позволяет проследить соотношение преемственности и изменчивости социальных норм, правил, установок, способов передачи экономического, профессионального и социокультурного семейного капитала.

В-третьих, семья относится к полидисциплинарным объектам исследования, что позволяет интегрировать подходы и методы социальной истории, исторической антропологии, социологии, права, демографии, этнографии, феноменологии и социальной психологии.

В-четвертых, в семейной системе преломляются индивидуальные интересы и потребности общества, в связи с чем появляются значительные возможности для интеграции макро- и микроисторических исследований.

Семья в контексте макроистории изучается как общественный институт, и большая часть работ по социальной истории написана именно в этом ключе. Наиболее ярким примером является метаисследование Рихарда Зидера «Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе». При этом базой для обобщающей монографии послужили многочисленные региональные и локальные исследования, на основе которых автор выделил некоторые устойчивые типы семейных систем в разных социальных группах, избегая при этом, по его собственному выражению, «чуждой истории статистики». В работе изучаются процессы эволюции института семьи с конца XVIII в. до второй половины XX в. Р. Зидер рассматривает семью в контексте экономического и социально-политического развития стран и регионов, что позволяет воспринимать ее не как «мир в себе», а «как социальный микрокосм, в котором отражаются общественные отношения, живут и работают люди, социализованные данным обществом и сами социализирующие приходящие на смену

поколения...» [7, с. 8]. Внимание фокусируется на том, как на семью повлияли такие социально-экономические процессы, как индустриализация, переход к индивидуальному наемному труду, урбанизация.

Работ такого уровня обобщения, посвященных российской семье, пока нет. В зарубежной русистике конца XX в. поднимались вопросы брачно-семейных моделей различных социальных групп российского общества, семейного права, семейной идеологии, численности и структуры семьи, внутрисемейных отношений и т. п. При этом эволюция семьи в основном рассматривалась в контексте модернизации и путей исторического развития России и Запада [11, с. 71].

В российской историографии этого периода, как правило, встречаются региональные исследования, затрагивающие семью одной или нескольких близких социальных групп. В этой связи представляет интерес монография Ю. М. Гончарова «Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.». Автор прослеживает влияние процессов модернизации на развитие семьи в рамках провинциального города Сибирского региона. Ю. М. Гончаров рассматривает семейные системы разных сословий, проживающих в городе: мещан, купечества, дворянства, крестьянства, и обращает внимание на особенности, связанные с их сословным положением, но ключевым для автора остается вопрос о влиянии на семью городского социума. В итоге он прослеживает в развитии городской семьи Сибири второй половины XIX – начала XX в. наличие общемировых тенденций этого периода, связанных с большей демократизацией и индивидуализацией [6, с. 303].

Макроисследования семьи как социального института представлены и в рамках историко-демографического анализа. Одним из крупнейших российских специалистов этого направления является Н. А. Араловец. Ее работы затрагивают период с 1897 г., с первой переписи населения, до конца XX в. В этих исследованиях большое внимание уделяется статистическим показателям: брачности населения, составу и типу семей, уровню рождаемости, числу разводов и т. п. В монографии «Городская семья в России во второй половине XX в.» представлен также анализ ценностей, связанных с семьей и браком, моделируемых на основе сохранившихся социологических опросов и исследований [2, с. 256–257].

Семья как микрообъект – «это малая группа отдельной семьи со своей семейной биографией или историей, с учетом «приватного»

характера семейного климата» [1, с. 13], свойственного ей стилю жизни, границами, которые семья выстраивает с внешним миром и внутри, между родительской и детской подсистемами и т. п. Изучение семьи как социальной группы, исследование структуры и динамики отдельных семей невозможно на макроисторическом уровне. Для решения этой задачи необходим анализ массы локальных, повторяющихся примеров. Только на основе их эмпирического обобщения можно, с одной стороны, выстраивать целостную усредненную типовую модель жизненного цикла семьи, а с другой, выделять альтернативные векторы развития семей, проследить степень их распространенности и отношение к альтернативным моделям семьи в обществе.

Интересный синтез макро- и микроисследований наблюдается в работе В. А. Веремченко «Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России». Автор анализирует степень воздействия государственных реформ на состояние дворянской семьи и обратное влияние микросоциальной среды на политику власти. При этом В. А. Веремченко использует агрегативный и казуальный методы.

Отметим, что казусы, в том числе представляющие собой девиантное развитие семейной системы, дают много интересного материала для изучения семьи как малой социальной группы. Тем более что российские источники до начала XX в., особенно источники, содержащие качественную информацию о семьях мещан и крестьян, – это в основном полицейские протоколы и судебная документация. Качественное исследование казусов позволяет, во-первых, обратить внимание на постепенные изменения, на то, как в многообразии семей зарождаются и развиваются альтернативные формы, во-вторых, демонстрируя многовариантность семейных историй, является своеобразной прививкой от идеализации и мифологизации семейных систем прошлого. И, в-третьих, реакция общества на казусные случаи дает возможность понять, что в общественном сознании действительно воспринимается как нарушение нормы, а к чему общество толерантно. Например, мы можем отметить определенную лояльность социума второй половины XIX в. к отдельным случаям двоеженства или двоемужества, которые фактически были заключением повторного брака в условиях слишком жесткого ограничения разводов.

В исследовании В. А. Веремченко использовался также метод «ретроспективного анкетирования» на основе просопографических сводов и баз данных. После анализа более 420 личных семейных

историй дворян, автором были выделены следующие базы данных: «Недействительные браки», «Разводы и сепарации», «Вид на жителство», «Споры о содержании», «Споры о детях», «Споры родителей с детьми», «Узаконение, усыновление, фамилии», «Семейные дела» [5, с. 6]. Итогом стала реконструкция базовых и специфических типов дворянских семей. Особенно важно, что этот метод позволяет изучать не только структуру семьи, но и ее жизненные циклы, кризисы семейной системы.

Обращение к семье как определенной социальной группе дает возможность рассматривать ее не только с позиций структуры и динамики, но и с позиций феноменологии. В данном контексте важную роль играют нарративы, качественный анализ эгодокументов: личной переписки, дневников, воспоминаний, автобиографий. Анализ такого рода исторических источников позволяет выделить обыденные формы интерпретаций семейных событий самими членами семьи, предоставляет широкие возможности для изучения установок, стереотипов, ценностных ориентаций и мнений.

Существует также множество направлений социально-исторических исследований, которые близки к истории семьи и дают определенный материал для изучения ее отдельных элементов. В первую очередь к ним относится история повседневности. Многие работы, написанные в рамках этого методологического подхода, включают вопросы, связанные с историей семьи. В качестве примера можно привести работы В. Б. Безгина «Крестьянская повседневность» [4, с. 276–284], З. М. Кобозевой «Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности» [8, с. 430–463], М. Муравьевой «Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII в.» [10, с. 52–104] и т. д.

История семьи теснейшим образом связана с изучением гендерных ролей, а следовательно, и гендерной историей. Так называемые «женские исследования» («феминология») получают широкое распространение с 60-х годов XX в. под влиянием молодежных движений, сексуальной революции и оживления феминизма [13, с. 52–54]. В рамках этого направления изучается целый комплекс социальных норм, стереотипов, особенностей самовыражения, а также субъективного восприятия женщинами себя и общества. В России одним из ведущих специалистов в области гендерной истории является Н. Л. Пушкарева. Для анализа исторического развития семьи наибольший интерес представляет ее работа «Частная жизнь русской

женщины: невеста, жена, любовница», где среди прочих затрагиваются вопросы супружества, материнства и т. д. [14].

История материнства, зародившись в рамках феминологии, в конце XX в. становится вполне самостоятельным направлением исследований. На современном этапе в исторических и социальных работах четко разграничивается материнство как социальный институт и материнство как субъективный образ, субъективное восприятие. Российские исследователи истории материнства отмечают тесную связь роста статуса матери в семейной системе с возрастанием роли и статуса ребенка [9, с. 9].

После публикации работ Филиппа Арьеса история детства стала одной из самостоятельных, спорных и бурно обсуждаемых тем. Исследователи начали признавать, что место ребенка в истории семьи значительно менялось, и само «отделение и осознание детства» появилось только в определенное время, по мнению Ф. Арьеса, как проявление и последствие «великого процесса морализации» [3, с. 10].

Еще одно новое направление исследований – это история старения, в начале XXI в. в этой области уже был накоплен значительный материал, что позволило Д. Дж. Троянски в 2016 г. опубликовать обобщающий труд «Старение в мировой истории». С историей семьи в этом направлении связаны «исследования прародительства, институализации роли бабушки в советском обществе» и т. п. [15, с. 196].

Дополнительные возможности в изучении истории семьи появились с развитием исследований в области истории эмоций. В 1980-е годы в рамках социальной истории Питер Стернс ввел термин «эмоциология», и эмоции стали рассматриваться в рамках социального конструктивизма как культурно и исторически обусловленные величины. Рост работ, затрагивающих исследование эмоций, в разных научных областях, включая историческую, позволил Яну Пламперу сделать вывод о произошедшем к концу 1990-х годов «эмоциональном повороте» [12, с. 18].

Расширяется в последнее время и спектр историко-юридических исследований. Например, работа по изучению практик развода в XVI–XVIII вв. М. К. Цатуровой основана не только на церковном и светском законодательстве, но и на материалах судебных дел [16, с. 11–12].

Все перечисленные выше направления дают широкие возможности для обогащения исследований в области истории семьи. Однако обращаясь к этим смежным областям исторических исследований,

важно избежать опасности подмены объекта, «встраивая» новые компоненты в концепт семьи как органичной единой системы.

Историческое исследование семьи объективно сопряжено с рядом серьезных трудностей. Практически все источники, и количественные, и качественные, независимо от изучаемого периода, имеют индивидуалистическую направленность. Семья как целостность не представлена ни в статистике и переписях, ни даже в современных социологических опросах. Те же эгодокументы, как правило, носят личностный характер. Определенная целостная разносторонняя семейная информация появляется только в эпистолярных источниках, и то только в том случае, если сохранились письма разных членов семьи, либо в устной истории, если мы изучаем новейшие периоды и используем интервью членов семьи.

Вторая проблема связана с тем, что, в исторических реалиях само понятие семьи как социальной группы может существенно меняться. Традиционно, семью характеризуют как малую группу, основанную на браке и кровном родстве. Но в богатых семьях длительное время могли проживать разного рода воспитанницы, приживалки, кормилицы, гувернантки и т. д., а в семьях ремесленников – подмастерья. Все эти люди, не будучи кровными родственниками, неизбежно становились частью семейной системы и оказывали на нее значительное влияние.

Еще одна сложность связана с тем, что по отношению к семье сознание каждого из нас нагружено массовыми стереотипами и часто неосознаваемыми установками, которые вполне могут проникать и в научные оценки, делая их субъективными и односторонними.

Несмотря на перечисленные выше проблемы, новые методологические подходы позволяют интегрировать достижения социальной истории, исторической антропологии, социологии, права, демографии, этнографии, феноменологии, социальной психологии и расширять исследования в области истории семьи, не только как социального института, но и как совокупности многообразных социальных групп.

Список литературы

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М.: ИНФА-М, 2013. 368 с.
2. Арловец Н. А. Городская семья в России во второй половине XX в. М.: Изд-во Института российской истории РАН, 2015. 357 с.

3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 416 с.
4. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического ун-та, 2004. 304 с.
5. Веременко В. А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... докт. истор. наук. СПб, 2007. 50 с.
6. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. 384 с.
7. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX в.) / пер. с нем. Л. А. Овчинцевой; науч. ред. М. Ю. Брандт. М.: ВЛАДОС, 1997. 302 с.
8. Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Самарский университет, 2013. 608 с.
9. Мартианова И. Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII – первой половине XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 17–25.
10. Муравьева М. Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII в. // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.): коллективная монография / И. С. Кон, И. В. и Д. В. Михель, М. Г. Муравьева, Н. Л. Пушкарева, В. Шаповалова; общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 52–104.
11. Орлов И. Б. Семейная история: от истории домохозяйства к вопросам внутрисемейных отношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2009. № 2 (19). С. 67–76.
12. Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 11–36.
13. Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51–64.
14. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX века). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
15. Ромашова М. В. Мировая история старения: от античности к современности // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 1 (36). С. 189–197.
16. Цатурова М. К. Три века русского развода (XVI–XVIII века). М.: Логос, 2011. 288 с.

В. В. Кутявин
кандидат исторических наук, доцент,
Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королёва, Самара

ОТ ДИАЛОГА НАРОДНЫХ «ДУШ» К «ПОРТРЕТАМ» НАРОДОВ

Аннотация: В статье вспоминается профессор С. Б. Семёнов, который стал для автора «проводником» в повседневную жизнь поляков. Из продолжительной совместной работы с польскими коллегами выделяется как наиболее перспективный проект «Взаимные предубеждения поляков и русских» (руководитель – профессор Анджей де Лазари), подчеркивается важность изучения этнических стереотипов. Учитывая неснижающуюся сейчас значимость идентификации по этническому признаку, высказывается предложение издавать антологии текстов, содержащих диалог культур и обнаруживающих культурную закодированность этнических общностей.

Ключевые слова: С. Б. Семёнов, Анджей де Лазари, этничность, стереотипы, национальная «душа», «портрет» народа.

V. V. Kutiavin
candidate of the historical sciences, associate Professor
Samara National Research University, Samara

FROM THE DIALOGUE OF NATIONAL “SOULS” TO THE “PORTRAITS” OF NATIONS

Abstract: In this article we recollect Professor S. B. Semenov, who became for the author “conductor” in the everyday life of the Poles. From the long mutual work with Polish colleagues, it stands out, as the most promising project, “Mutual Prejudices of Poles and Russians” (headed by Professor Andrzej de Lazari), the importance of studying ethnic stereotypes is emphasized. Taking into consideration the irreducible significance of ethnic identification now, a proposal is made to publish anthologies of texts containing a dialogue of cultures and discovering the cultural codedness of ethnic communities.

Keywords: Sergey Semyonov, Andrzej de Lazari, ethnicity, stereotypes, national “soul”, “portraits” of nations.

Среди моих воспоминаний о Сергее Борисовиче Семёнове, а мы познакомились в 1973 году, один сюжет занимает особое место – С. Б. стал для меня одним из первых «проводников» в польскую жизнь. Это было в конце августа – начале сентября 1988 года. Поз-

же станет понятно, что именно в это время, т. е. на наших глазах, совершался важный и необратимый перелом в процессе демонтажа коммунистических структур в Польской Народной Республике. Оккупационные забастовки (сейчас их часто называют польскими) шахтеров изменили соотношение сил в пользу оппозиции коммунистической власти. В ноябре празднование 70-летия восстановления независимости Польши сопровождалось появлением новых символов, в том числе персонифицированных. А затем начались заседания памятного круглого стола, решения которого привели к краху основных институтов «реального социализма» в Польше. Хотя к тому времени я занимался специальным изучением польской истории более двадцати лет, мои знания оставались книжными, лишенными ощущения живой национальной жизни польского народа. В моем первом соприкосновении с этой жизнью С. Б., уже бывавший в Польше, оказался наилучшим «проводником». Его деликатность, искреннее стремление понять собеседника позволяли самым естественным образом включиться в дискуссии, охватившее польское общество в ситуации уже ощущаемой тревоги. Запомнились беседы с польскими коллегами, чаще всего с учителями, в общении с которыми С. Б., конечно, не обнаруживал никакой чинности, никакого пафоса («какие мы великие», «только мы знаем истину» и т. п.).

Моя первая поездка в Польшу оставила твердое убеждение, что серьезное изучение и точное понимание истории любого народа невозможно без знакомства, по возможности разностороннего, с живой национальной жизнью. Мысль нехитрая, но иногда должны сложиться особые обстоятельства, подталкивающие к осознанию вещей, очевидных в своей простоте и пользе. Впоследствии я всегда старался организовать стажировки моих аспирантов и дипломников в тех странах, историю которых они изучали. Уверен, что моя первая поездка сложилась очень удачно благодаря С. Б., который всегда был рядом со мной. Я не раз с благодарностью признавался ему в этом.

С той первой поездки в Польшу начинается мое сотрудничество с польскими коллегами, которое продолжается и сегодня. Наиболее многообещающими я считаю результаты реализации международного междисциплинарного проекта «Взаимные предубеждения поляков и русских», координируемого институтом международных отношений Лодзинского университета (руководитель проекта – профессор Анджей де Лазари). Итогом работы большого коллекти-

ва стал «Каталог взаимных предубеждений поляков и русских» [3]. Мой опыт в реализации этого проекта убеждает в том, что для изучения диалога культур и возникающих в ходе него этнических стереотипов необходимы сложные аналитические процедуры, учитывающие самый широкий социальный культурный контекст. Замечу, что изучение диалога культур с необходимостью и неизбежностью требует именно аналитических подходов, которые позволяют исследователю квалифицированно выполнять функцию эксперта в условиях сосуществования сейчас беспрецедентного множества версий прошлого – от академического историописания до поп-истории. При этом следует учитывать, что этнические стереотипы не могут быть изучены методами только традиционного анализа, т. к. представляют собой комплекс представлений и ощущений, многие элементы которого не поддаются рациональному толкованию. Особое значение в этом случае приобретают такие источники, как художественная литература, киноматериалы, произведения пластики, музейные экспозиции, фольклор (в том числе и бытовой анекдот), рецепты национальной кухни и другие. Ни один из этих материалов не выпадает из всем известной видовой классификации исторических источников, вместе с тем опыт использования и интерпретации этих исторических памятников у историков, занимающихся проблемами Нового времени и современности, очень скромнен. Исследования этнических стереотипов возвращает названные источники в научный и образовательный обиход, ведь художественная литература, например, теперь воспринимается как перво-классный и незаменимый носитель информации о ментальностях, о ценностных ориентациях общества и индивида, о «культурном коде» народа и т. д. Выявление «культурного кода» («культурной запрограммированности»), «культурного мифа» народа обычно сопровождается широким использованием методов современной культурологии, которая в исследовательской и образовательной практике не может сводиться к МХК.

Чрезвычайно полезна антология «Польская и русская душа» [1], составленная как собрание исходного материала для анализа стереотипов, но, на мой взгляд, имеющая несомненное самостоятельное значение. Есть и польская версия антологии [2]. «Душа» здесь – метафора, абстракция, символ, категория, «с помощью которой в истории, а иногда и в современной жизни, пытаются истолковать и обобщить те явления в данном обществе, которые свидетельствуют о его

“особенности”» [1, с. 13–14]. Составитель антологии А. де Лазари уточняет критерии выбора текстов: «Я искал прежде всего такие тексты, в которых оказалось бы категория «души народа / нации», а также соседствовали бы друг с другом 1) осознание «особенности» или особой миссии в отношении к другим культурам и 2) взаимные претензии поляков и русских» [1, с. 17]. Можно представить себе бесконечную серию подобных изданий, в каждом из которых, например, «русская душа» вступает в диалог с «душами» других народов. Прежде всего мы получили бы необычайно многосторонний, многоцветный, стереоскопический «портрет» русского народа.

«Портрет» (образ) народа / нации приобретает еще большие сложность и содержательность, если учесть, что гетерогенные стереотипы неизбежно и невольно («автоматически») характеризуют собственную культурную общность, которая обнаруживает свои глубинные качества и смыслы в соприкосновении с другой культурной общностью. Диалог культур разрывает их замкнутость и преодолевает односторонность и однозначность, позволяя глубже понять их культурную «запрограммированность», которая, как уже отмечалось, чаще всего и порождает этнические стереотипы. Как обычно бывает в ситуации диалога, размышления о другой этнической общности прямо или неосознанно соотносятся с собственной исторической судьбой, а значит, неизбежно проецируют «свои» («эталонные») ценности на «чужие», при этом другие культуры рассматриваются сквозь призму своей. Получается, что любой портрет «чужого» становится одновременно и саморепрезентацией «своей» культурной общности.

200 лет назад барон Г. Ф. фон Штайн основал Общество изучения древнегерманской истории, которое вскоре приступило к изданию *Monumenta Germaniae Historica* (MGH). Хорошо известно, что эта грандиозное и образцовое издание исторических памятников существенно повлияло на формирующийся германский национализм, основывающийся на мифологизации Средневековья как времени великих деяний немцев. MGH способствовали национальному самоопределению немцев, формированию немецкой нации и государства. В атмосфере романтического максимализма распространяются убеждения в том, что, только обладание национальным эпосом и своими MGH свидетельствует об исторической состоятельности народа. Время романтизма вообще оставило нам много понятий, аналитических категорий и эмоциональных подходов для

достижения национальных «душ». До сих пор нет более богатого инструментария для анализа национальных проблем, чем созданный романтиками.

Нередко утверждается, что в XXI веке национальная идея менее притягательна, чем в XX веке. Это мнение можно считать (а точнее, нельзя не считать) спорным. В самом деле, появление любой наднациональной идеи или глобалистского проекта вызывает взрыв национальной (этнической) энергии, а идентичность все еще соотносится с национальной принадлежностью. Неомодернизм настойчиво возвращает нас к национальным культурным ценностям, традиции, притязая на создание универсалистских теорий этникума. Познание и самопознание народов (этнических общностей), таким образом, остаются актуальной научной и общественной проблемой современности. Может быть, антологии с диалогами национальных «душ» могли бы стать MGH нашего времени?

Список литературы

1. Польская и русская душа: от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Материалы к «каталогу» взаимных предубеждений между поляками и русскими / ред. и сост. Анджей де Лазари. Варшава, 2003. 472 с.
2. Dusza polska i rosyjska: od Adama Mickiewicza I Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Sołżenicyna: Materiały do «katalogu» wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / pod. red. Andrzeja de Lazari. Warszawa, 2004. 446 s.
3. Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / pod. red. Andrzeja de Lazari. Warszawa, 2006. 564 s.

М. Я. Мединец

кандидат исторических наук,
Самарский многопрофильный колледж
им. В. В. Бартенева, Самара

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема складывания государственной структуры трёх постсоветских «непризнанных госу-

дарств» – Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР). В качестве ядра движения за самостоятельность Приднестровья, ранее не имевшего своей автономии в рамках СССР, выступило объединение руководителей и сотрудников промышленных предприятий – Объединённый совет трудовых коллективов (ОСТК). В случае движения за независимость Донбасса 2014 г. такие формальные организованные структуры были выражены намного слабее. Автором проанализировано происхождение основных властных структур Приднестровья, ДНР и ЛНР (в первую очередь правительств республик), а также личные характеристики и профессиональный опыт их участников, позволившие сделать выводы об особенностях движения за самоуправление Приднестровья и Донбасса в целом.

Ключевые слова: Приднестровье, ДНР, ЛНР, де-факто государства, биографические исследования, политические институты.

M. Ya. Medinets
candidate of historical sciences,
V. V. Bartenev Samara Multidisciplinary College, Samara

FORMATION OF THE POLITICAL INSTITUTIONS OF THE EASTERN EUROPEAN DE FACTO STATES: GENERAL AND SPECIAL FEATURES

Abstract: The paper is aimed at studying the problem of emergence of the political structure of the three post-Soviet “unrecognized states” – Transnistrian Moldovan Republic (TMR), Donetsk People’s Republic (DPR), and Lugansk People’s Republic (LPR). The role of the core structure of the Transnistrian independentist movement, created on a territory that had not previously enjoyed autonomy within the USSR, was performed by an association of industrial workers and management of enterprises that was named the United Council of Work Collectives (OSTK). In case of Donbass 2014 independentist movement formal organized structures of that kind had been far less constituted. The author has analyzed descent of the main governing structures of Transnistria, Donetsk, and Lugansk Republics (firstly, the republican governments), professional background, and personal characteristics of their members which has allowed to make conclusions about the qualities of movements for the Transnistrian and Donbass self-rule in general.

Keywords: Transnistria, Donetsk People’s Republic, Lugansk People’s Republic, de facto states, biographical studies, political institutions.

Феномен «непризнанных государств» или «де-факто государств» на постсоветском пространстве в связи с одновременной неопределённостью их юридического статуса, геополитической значимостью

конфликтов, в результате которых создаются такие образования, и интересом к возможности наблюдать процесс создания новых государственных структур, как правило в чрезвычайных обстоятельствах, стал предметом множества исследований [3]. Дополнительную актуализацию этой проблемы вызвал начавшийся в 2014 г. украинский конфликт, промежуточным итогом которого стало образование ещё двух государственных образований такого типа – Донецкой и Луганской народных республик.

Целью статьи является анализ данных об образовании органов власти, де-факто государственности Приднестровской Республики, с одной стороны, и «народных республик» Донбасса – с другой, а также формировании персонального состава их правительств и парламентов. На основании этого анализа сделаны выводы относительно характера движений за образование ПМР и ДНР – ЛНР в целом.

Конец 1980-х гг. стал периодом, когда на всей территории СССР наблюдался подъём этнонациональных движений и роли этнического фактора в политике в целом. Часть из них ставили перед собой чисто культурные или хозяйственные задачи (например, организации большинства народов Крайнего Севера), однако большинство этнических активистов как в союзных республиках, так и в автономных республиках и областях ставило целью политические перемены. В свою очередь, политические цели подразделялись на два типа: а) повышение статуса и расширение полномочий «титულიной» республики или автономии по отношению к союзному центру либо создание новой автономии; б) привилегированный статус «своего» этноса в рамках существующей государственности.

В то же время по крайней мере одна из республик – Молдавская ССР – дала пример создания массового движения, направленного на сохранение существовавшего до перестройки статус-кво в межнациональных отношениях. Оно было создано в августе 1989 г. в связи с изменением законодательства о государственных языках республики, воспринятого многочисленным русскоязычным населением Молдавии как угроза своему статусу [4, с. 44; 1, с. 6–7]. Формальной структурой, координировавшей протесты против изменения законов (так как большинство русскоязычных жителей республики жило в городах и было занято в промышленности, главным способом протеста были избраны забастовки на промышленных предприятиях), стал образованный 11 августа 1989 г. Объединённый совет трудовых коллективов (ОСТК) [4, с. 46; 1, с. 7–8].

Основой для данной организации послужили созданные ранее советы трудовых коллективов предприятий городов Тирасполя, Бендер и Рыбница (на момент основания – 31 завода и фабрики [4, с. 52; 7]), а также городские советы народных депутатов трёх городов и рыбницкий районный совет. Параллельно значительная часть активистов этих организаций входила в созданный тремя днями ранее, 8 августа 1989 г., в Бендерах Союз трудящихся Молдавии [6, с. 27].

Затем, с момента, когда стала понятной невозможность поддержания межэтнического статус-кво в новых обстоятельствах в масштабах всей республики, оно переориентировалось на образование собственной территориальной автономии, при этом формально не основанной на этнической принадлежности, в рамках МССР – Приднестровской Автономной Советской Социалистической Республики (ПАССР). Этот переход происходит в период между сентябрём 1989 г и началом июня 1990 г. В качестве опорных точек, условно выбранных в качестве начала и завершения этого периода, мы предлагаем первый местный референдум о целесообразности создания ПАССР (3 декабря 1989 г., г. Рыбница) [13, с. 45], с учётом того, что решение его провести было принято в октябре [1, с. 9], и первый съезд депутатов всех уровней от левобережных районов Молдавской ССР в селе Парканы 2 июня 1990 г., ознаменовавший окончательный переход к курсу на укрепление собственной территории и её самостоятельности.

На самом первом этапе организованного движения, из которого выросла приднестровская государственность, центром противодействия инициативам кишинёвских властей выступал забастовочный комитет г. Тирасполя. Полный список его членов указан в [18]. По нашему мнению, этот орган, в состав которого входило 60 человек от 34 промышленных предприятий, учреждений и общественных организаций крупнейшего города Приднестровья, может рассматриваться как репрезентативная модель для всего рассматриваемого движения на тот период. Затем в качестве высшего органа самоуправления ПМССР, с 2 сентября по 25 ноября 1990 г., выступал Временный верховный совет в составе 50 человек [4, с. 91–92; 5], во главе с президиумом из 18 человек [4, с. 91; 1, с. 17]. Именно Временный верховный совет (затем Верховный совет) «взял на себя функции государственного строительства, создания институтов государственной власти и управления... в целом политической системы общества» [8, с. 51].

Одной из важных характеристик, указывающих на особенности социального состава участников приднестровского движения на первом этапе, является высокая доля, с одной стороны, приезжих извне Молдавской ССР, для которых левобережье Днестра было чаще всего не первым местом работы, а с другой – уроженцев территории бывшей Молдавской АССР, примерно охватывавшей территорию будущего Приднестровья в 1924–1940 гг. Так, члены президиума Временного верховного совета ПМССР В. М. Арестов, А. З. Волкова, П. А. Заложков, В. А. Загрядский, Г. Ф. Пологов и председатель президиума и будущий первый президент ПМР И. Н. Смирнов родились на территории РСФСР или восточных районов Украинской ССР. К этой же группе можно добавить, в частности, не вошедших в состав ВВС ПМССР А. И. Большакова, А. К. Белитченко, В. И. Емельянова, В. А. Финагина и др. Среди родившихся на территории советской Молдавии или Приднестровья основателей ПМР к этнически русским относятся В. М. Рыляков, А. П. Манойлов, С. Г. Мигуля и др. К этническим украинцам среди наиболее влиятельных основателей ПМР относятся В. А. Гончар, Н. И. Остапенко, к этническим молдаванам – Б. М. Штефан, В. Н. Яковлев, Б. Н. Акулов.

Таким образом, указанная особенность может интерпретироваться как, с одной стороны, показатель действительных отличий между двумя частями Молдавской ССР (намного большая доля иммигрантов из других частей СССР и иной культурно-этнический состав населения и особенно его наиболее образованных групп), ставший причиной для противодействия «национализации» и сепаратизму МССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов, так и в первую очередь элитарного, «номенклатурно-бюрократического» характера деятельности движения за создание приднестровской автономии, чуждого большинству населения республики.

В дальнейшем в составе элит Приднестровья (в качестве образца которых автором взяты составы кабинета министров, а с 2012 г. – правительства ПМР) постоянно росла доля местных уроженцев, получивших образование и сделавших карьеру именно в Приднестровье. В кабинете министров 1997–2002 гг. не менее половины (10 из 20 членов кабинета) родились за пределами МССР. В 2007–2012 гг. их доля даже несколько выросла (9 из 14), что связано с большей концентрацией власти в руках И. Н. Смирнова и его окружения. Однако в настоящее время 17 из 20 членов правительства ПМР являют-

ся уроженцами бывшей Молдавской ССР, и около трети из них – этнические молдаване (см. табл. 1) [16].

По этнической принадлежности члены действующего (на 2019 г.) правительства Приднестровской республики разделены примерно поровну (7 русских, 6–8 молдаван, 5–7 украинцев). 15 из них родились и выросли на территории, в будущем вошедшей в состав ПМР, 2 – на территории правобережной Молдавии, ещё двое – в УССР, причём на территории Винницкой и Одесской областей, прилегающих к Приднестровью. Наконец, последняя (Т. Г. Логинова), хоть и родилась в РСФСР, но с 7 лет вместе с семьёй жила в МССР. Относительно образования членов правительства ПМР можно заметить, что 12 из них получили высшее образование в Тирасполе, в то время как лишь 5 – в Кишинёве. По этим признакам можно сделать заключение, что за постсоветский период в Приднестровье сформировалась собственная политическая и административная элита, связанная своим происхождением, образованием и карьерой именно с независимой Приднестровской республикой. Такой же вывод сделан и О. В. Леонтьевой и В. В. Ястребчаком по итогам их исследования 2014 г. о формировании элит РМ и ПМР: «Происходит локализация приднестровской политической элиты... в ней возрастает удельный вес лиц, родившихся и получивших высшее образование на территории Приднестровья», «...в Верховном совете нынешнего, пятого, созыва преобладают выпускники Приднестровского государственного университета... В исполнительных структурах они составляют абсолютное большинство» [9, с. 97].

Таблица 1. Данные по происхождению и образованию членов действующего Правительства ПМР

Имя	Этническая принадлежность	Место рождения	Образование
Мартынов А. В.	русский	Тирасполь	Тирасполь, Кишинёв, Москва
Кирова Т. П.	русская	Парканы	Тирасполь
Цуркан А. А.	молдаванин	Бендеры	Тирасполь, Москва
Касап С. М.	молдаванин / украинец	Тирасполь	Тирасполь

Оболоник С. А.	молдаванин	Кицканы	Харьков
Игнатъев В. В.	русский	Котовск (Одесская об- ласть)	Тирасполь, Одесса, Мос- сква
Логонова Т. Г.	русская	Пензенская об- ласть	Тирасполь
Коваль Е. М.	украинец / молда- ванин	Рышканский район МССР	Кишинёв, Москва
Тумба А. И.	молдаванка	Тирасполь	Тирасполь
Куличенко Е. Н.	украинка	Слободзея	Кишинёв, Санкт- Петербург
Обручков О. А.	русский	Парканы	Тирасполь, Москва
Мова Р. П.	украинец	Копанка	Тирасполь, Москва
Гебос В. Д.	молдаванин	Унгенский рай- он МССР	Алма-Ата
Довгопол О. А.	украинец	Бершадь (Винницкая область)	Тирасполь
Иванченко Р. Д.	украинец	Бендеры	Санкт- Петербург, Москва
Тищенко В. В.	украинец	Слободзейский район	Ленинград
Габужа О. Ф.	молдаванин	Григориополь	Кишинёв
Чабан Р. И.	молдаванин	Дубоссары	Тирасполь
Фролов В. А.	русский	Рыбница	Тирасполь
Бычков В. В.	русский	Каменка	Кишинёв

Что касается создания правительственных органов ПМР, оно растянулось на 1990–1992 гг. (так, собственное министерство иностранных дел было создано только после начала вооружённого

конфликта в 1992 г.). Первые силовые структуры под юрисдикцией Тирасполя – рабочие отряды содействия милиции (РОСМ) образовались 3 июля 1990 г., а народное ополчение – в марте 1992 г. [14, с. 86–87]. Переход милиции Молдавской ССР на сторону новообразованной ПМР начался весной 1991 г. и не был завершён вплоть до весны 1992 г., Республиканская гвардия образована 10 сентября 1991 г. [6, с. 168–169]. Одной из причин этого являлась изначально проявляемая склонность приднестровских организаций к компромиссу с властями МССР, а затем РМ (даже после 1992 г. целью ставилась автономия в рамках МССР или конфедерация с Кишинёвом).

В то же время процесс формирования государственных органов ДНР – ЛНР носил намного более «импровизационный» и ускоренный характер. Так, Декларация об образовании Донецкой Народной Республики была провозглашена 7 апреля 2014 г. Народным советом ДНР (численный состав – около 70 человек), немедленно заявившим о себе как о высшем органе власти на территории Донецкой области Украины; в тот же день им был принят Акт о государственной самостоятельности ДНР [10, с. 99]. При этом стоит отметить, что каких-либо выборов в Народный совет к моменту его формирования, в отличие от ПМР, не проводилось. Преобразование Народного совета в Верховный совет ДНР относится к 14 мая 2014 г., всего лишь через три дня после проведения референдума о независимости непризнанной республики и два дня после введения Декларации независимости ДНР в действие [2]. Формирование правительства ДНР, в котором значительное участие приняли российские граждане (в т. ч. премьер-министр А. Ю. Бородай), началось уже 16 мая 2014 г. [7]. Такая же скорость процесса образования политических институтов характерна и для Луганской Народной Республики – 7 апреля захвачено здание СБУ в Луганске [2], 27 апреля провозглашён суверенитет ЛНР, 12 мая одновременно с ДНР введена в действие Декларация независимости. Учитывая, что долгое время значительная часть территории областей находилась под контролем реально независимых от политических органов Донецка и Луганска военных формирований, подчинявшихся только своим полевым командирам [10, с. 99–100; 11, с. 92], что в ПМР было выражено очень слабо, «чрезвычайный» и военизированный характер политических институтов республик Донбасса становится выражен ещё более ярко по сравнению с более «регулярным», профессиональным и бюрократическим процессом как создания, так и рекрутирования управленческих кадров для них.

Относительно источников формирования кадрового состава управленческих органов ДНР и ЛНР в литературе существуют различные оценки. Официальные информационные ресурсы правительств республик [15; 17] не сообщают или дают очень ограниченную биографическую информацию о лицах, входящих в состав правительств. В социологических исследованиях, где анализируется данный вопрос, среди основных категорий лидеров и управленцев ДНР – ЛНР называются: бывшие офицеры; активисты не принадлежащих к власти («контрэлитных» [12]) пророссийских партий и общественных организаций; казачество [10, с. 100; 12]; низовые функционеры правившей в Донбассе в 2005–2014 гг. Партии регионов [10, с. 97–98]. Относительно представительства в элите республик Донбасса членов старой элиты, управлявшей регионом и Украиной до 2014 г., среди исследователей существуют разные мнения (от его полного отрицания [12] до указаний на «возвращение де-факто Партии регионов и украинского чиновничества в политические и административные структуры ДНР и ЛНР» [10, с. 101]).

Список литературы

1. Бомешко Б. Г. История законодательной власти Приднестровской Молдавской Республики, 1990–2015 гг. Бендеры: Полиграфист, 2015. 256 с.
2. Вихров М., Бутченко М. Феномен «народных республик» Донбасса / Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2016/04/12/ru-pub-63295> (дата обращения: 29.04.2019).
3. Заяц А. А. Теоретико-методологический аспект изучения феномена непризнанных государств // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2016. № 2 (58). С. 89–94.
4. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. II. Тирасполь: РИО ПГУ, 2001. 512 с.
5. История создания и развития Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики / Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://vspmr.org/about/history/> (дата обращения: 09.05.2019).
6. Кодрану Г. Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. Тирасполь: ГИПП «Типар», 2002. 208 с.
7. Кто возглавил ДНР. Полный список министров непризнанного правительства. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/3364222-ktovozghlavyl-dnr-polnyi-spysok-mynystrov-nepryznannoho-pravytelstva> (дата обращения: 21.04.2019).
8. Кушаков М. Н., Галинский Я. О. Образование и этапы развития государственности Приднестровской Молдавской Республики // Журнал ис-

торических, политологических и международных исследований. 2018. № 1 (64). С. 48–55.

9. Леонтьева О. В., Ястребчак В. В. Политические элиты Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики: формирование, генезис, внешние факторы // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4 (25). С. 86–102.

10. Попов Э. А. Республики Донбасса: особенности политической жизни (на основе экспертных и социологических опросов в ДНР и ЛНР) // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: сб. ст. в 2 т. Т. 1. Западный фланг СНГ. Центральная Азия. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 96–113.

11. Сальников В. И. Феномен ДНР и ЛНР: в поисках методологии исследования // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2016. № 3 (59). С. 89–95.

12. Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР-ЛНР / Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75294> (дата обращения: 26.04.2019).

13. Слободянюк Г. Е. Общественно-политическая деятельность ОСТК и процесс создания институтов государственности Приднестровья // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 43–51.

14. Слободянюк Г. Е. Создание народного ополчения и роль рабочей организации Объединённый совет трудовых коллективов (ОСТК) в защите Приднестровской Молдавской Республики // Научные ведомости. Серия История. Политология. 2017. № 22 (271). С. 85–91.

15. Совет министров / Официальный сайт Совета министров Луганской Народной Республики. URL: <https://sovminlnr.ru/gov.html> (дата обращения: 12.05.2019).

16. Состав Правительства / Приднестровская Молдавская Республика. Официальный сайт Правительства. URL: <http://gov-pmr.org/government> (дата обращения: 01.05.2019).

17. Состав Правительства / Совет министров Донецкой Народной Республики. URL: <http://smdnr.ru/sostav-pravitelstva/> (дата обращения: 29.03.2019).

18. Фисенко Я. История и люди: Объединённый совет трудовых коллективов Приднестровья. URL: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=istoriya_i_ludi_obedinennyj_sovet_trudovyh_kollektivov_pridnestrovya102626 (дата обращения: 27.04.2019).

Научное издание

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ.
МЕМОРИАЛ ИМЕНИ С. Б. СЕМЁНОВА**

Сборник статей

Выпуск 1

Самарский филиал ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
443081, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Формат 60x90¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 14,5.
Издательство «Файн Дизайн».
Тел.: (846) 333-42-02